МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 6 (85)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2012

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ 29.11.2005, регистрационный номер ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика»
www.arpk.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web**: www.journal.zabgu.ru**

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЧитГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю.Н. – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЗабГУ.

Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ) № 6 (85). – Чита: ЗабГУ, 2012. – 143 с.
Chita State University Journal. № 6 (85). – Chita St. Univ. Pr. 2012.

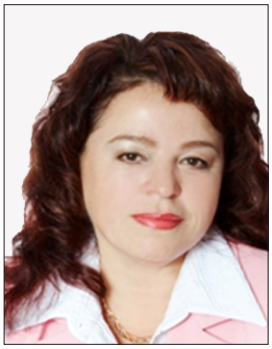
© Забайкальский государственный университет, 2012

Педагогические науки

УДК 372.3/4+37.1

Волобуева Наталья Александровна
Natalia Volobueva

Абаскалова Надежда Павловна
Nadezhda Abaskalova



ПРЕДШКОЛА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ К ОБРАЗОВАНИЮ

PREPARATORY SCHOOL AS AN EFFECTIVE FACTOR OF CHILDREN'S ADAPTATION FOR EDUCATION

Рассматриваются вопросы значения организации занятий по предшкольной подготовке для адаптации первоклассников и развития у них школьно-значимых функций. Освещен опыт работы по организации предшкольного образования и показана его эффективность в профилактике дезадаптации учащихся

In the article the value of preparation for school adaptation of first-graders and development of school-necessary functions in them are examined. The work experience of preparatory school and its effectiveness in the preventive maintenance of the non-adaptation of students is shown

Ключевые слова: *предшкольное образование, адаптация, дезадаптация, школьная зрелость, здоровье, вариативность*

Key words: *preparation for school, formation, adaptation, non-adaptation, school maturity, health, variability*

Наиболее актуальной проблемой в настоящее время является адаптация детей первого класса к условиям комплексного влияния факторов системного обучения и организации учебного процесса. В современном школьном образовании наметились положительные тенденции:

– складывается вариативность педагогических подходов к начальному образованию;

– у педагогов появилась свобода для творческого поиска, поддерживаемая государственной политикой; создаются авторские школы, используется зарубежный опыт;

– родителям предоставлена возможность выбирать педагогическую систему, растет родительское самосознание;

– все более осознается необходимость в педагогической поддержке индивидуальности ребенка, построении его собственной траектории в образовании, сохранении здоровья и обеспечении безопасности.

В то же время показатели здоровья и эмоционального благополучия детей неудовлетворительны (широко распространена школьная дезадаптация). Низкий исходный уровень здоровья детей, поступающих в первый класс, негативно сказывается на процессах их адаптации к учебным нагруз-

кам, создает предпосылки для дальнейшего нарастания психической напряженности, снижения уровня жизненной активности и возникновения хронических заболеваний (Э.М. Казин, Н.Э. Касаткина). Эта «ужасающая статистика», по словам Президента РФ Д.А. Медведева, требует долгосрочных программных мероприятий и стройной государственной политики, направленных на создание комфортных условий обучения, улучшение качества жизни, охрану здоровья детей и молодежи (из послания Федеральному собранию 12 ноября 2009 г.). Основным направлением современных реформ и новых ФГОСТ является изменение уклада начальной ступени образования. Усвоение предметного материала обучения из цели становится средством такого эмоционального, социального и интеллектуального развития ребенка, которое обеспечивает переход от обучения к самообразованию. Начальная школа должна стать не "школой навыка", а первым опытом ребенка в образовании – местом пробы своих сил, пространством раскрытия личностного потенциала и школой взросления. «Главная цель предшкольной подготовки – выравнивание стартовых возможностей будущих школьников, чтобы у них не возникало стрессов, чувства унижения, которые могут отбить желание учиться на все последующие годы...», – А. Фурсенко, декабрь 2004 г. Существующая в России система дошкольного образования была признана одной из лучших в мире, так как на основе современных комплексных программ и технологий ведется работа по разностороннему развитию детей, в том числе и мониторингу подготовке к школе.

За предыдущие годы, в связи с демографической ситуацией, система дошкольного образования была сокращена, поэтому сегодня большое количество детей им не охвачены. По различным данным, от 20...25 % в городах до 40...50 % в сельской местности дети не посещают дошкольные образовательные учреждения. Так, в Новосибирске в настоящее время 30 % детей в возрасте от 1 года до 6 лет не посещают ДОУ. Выходом из сложившейся ситуации может стать создание условий для полного охвата детей старшего дошкольного возраста предшкольной подготовкой. Безусловно, это актуализирует проблему обеспечения им равных стартовых возможностей при поступлении в школу. Применительно к обучению детей 5...6-летнего возраста эта позиция еще более актуальна. В этом возрасте можно говорить о предпосылках к зарождению учебной деятельности. Но не следует «вырывать» данный возраст из системы дошкольного образования. Необходимо обеспечивать полноценную преемственность в воспитании и развитии ребенка – дошкольника, сохранять существующую систему подготовки детей к школе в условиях предшкольной подготовки и учетом современных требований к системе начального образования. Одной из ведущих задач является повышение педагогической компетентности специалистов дошкольного образования и учителей начальной школы по проблемам физиологии, психологии, воспитания и обучения детей смежных возрастов (дошкольного и младшего школьного) как условия более эффективного решения проблем преемственности между дошкольным и школьным образованием. При подготовке детей к школе используются различные комплексные программы, рекомендованные ФЭС министерства образования и науки РФ: «Подготовка к школе» – авторы Н.А. Федосова, Т.С. Комарова; «Программа воспитания и обучения в детском саду» – под редакцией М.А. Васильевой, В.В. Гербовой, Т.С. Комаровой; «Детство» – авторы В.И. Логинова, Т.И. Бабаева, Н.А. Ноткина, З.А. Михайлова, Л.М. Гуревич; «Истоки» – авторы Л.А. Парамонова, А.Н. Давидчук и др., «Развитие» – авторы под редакцией О.М. Дьяченко; Комплексная «Программа для групп кратковременного пребывания в детском саду: старший дошкольный возраст» – авторы Т.Н. Доронова, Н.А. Короткова.

Если рассматривать адаптацию как психологическое и физиологическое приспособление организма к условиям изменяющейся среды, а адаптацию к школе как процесс привыкания к новым школьным

условиям, который каждый обучающийся переживает и осознает по-своему, то при поступлении ребенка в школу необходимо учитывать следующие факторы: изменение уровня и содержания требований со стороны взрослых; необходимость придерживаться правил школьной жизни; «сверхценность» позиции школьника и атрибутов школьной жизни; изменение режима дня, возрастание психофизиологических нагрузок; необходимость освоения ролевого взаимодействия с учителями; столкновение с системой школьного оценивания результатов обучения.

Нарушения адаптационного процесса к школе могут проявляться в следующем: несформированность элементов учебной деятельности; несформированность мотивации учения; неспособность к произвольной регуляции поведения, внимания, учебной деятельности; неумение приспосабливаться к темпу школьной жизни.

В связи с увеличением неорганизованных детей (отсутствие подготовки детей к школе через дошкольные образовательные учреждения) возрастает количество школьно-незрелых. Предшкольная подготовка позволяет нивелировать это явление и степень адаптации ребенка к школьному обучению возрастает. Чем больше опыта у ОУ в данном направлении, тем выше результаты. Информационно-экономический лицей (ИЭЛ) участвует в качестве экспериментальной площадки в реализации комплексного проекта модернизации образования Новосибирской области.

Институт предшкольного образования в современном обществе актуализируется в качестве обязательного этапа преемственного обучения и воспитания, без него невозможна непрерывная система образования. В контексте «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 гг.» предметом приоритетного внимания является выравнивание стартовых возможностей детей из разных социальных слоев и достижение ими необходимого и достаточного уровня подготовки к школе. Необходимость выравнивания стартовых возможностей детей из разных социальных групп и слоев населения Ленинского района г. Новосибирск явилась основанием целесообразности создания условий для массового образования детей старшего дошкольного возраста («предшкольное образование») в ИЭЛ, для обеспечения доступности дополнительного образования детей, ориентированного на формирование успешности ребёнка, развитие его индивидуальных способностей. Обязательным компонентом предшкольного образования стала забота о физическом и психическом развитии ребенка, сохранении и восстановлении его здоровья. В ИЭЛ разработан проект «Модель предшкольного образования в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении г. Новосибирск «Информационно-экономический лицей».

Цель проекта: создание и апробация предшкольного образования в ОУ, которая позволит решить следующие вопросы:

1) обеспечение равных стартовых возможностей детям, поступающим в школу;

2) создание оптимальных условий для охраны и укрепления здоровья, интеллектуального, физического, психического и социально-личностного развития детей старшего дошкольного возраста;

3) создание условий для построения преемственности дошкольного и начального образования.

Задачи: изучение социального заказа на микроучастке, создание научно-методического совета школы по предшкольному образованию, разработка концепции образования детей 5..7 лет в группах предшкольного образования в ИЭЛ;

4) разработка нормативно-правовой базы, подбор и расстановка кадров с учетом создания условий для построения преемственности дошкольного и начального образования, комплектование групп, отработка модели предшкольного образования, создание МО воспитателей предшкольного образования, внедрение информационно-коммуникативных технологий в предшкольное образование.

Утвержденная программа базировалась на «Комплексной программе развития

и воспитания дошкольников в Образовательной системе «Школа 2100» («Детский сад 2100»). Для повышения квалификации педагогов, работающих в предшкольных группах, проведены семинары:

1) содержание и организация работы по осуществлению образовательного процесса с детьми старшего дошкольного возраста;

2) предметно-развивающая среда и ее значение в развитии личности ребенка;

3) предшкола как эффективный фактор адаптации к образованию;

4) интернет-среда в воспитании дошкольников;

5) использование ИКТ в образовательном пространстве ИЭЛ;

6) рекомендации педагогам и родителям предшколы по осуществлению индивидуального сопровождения ребенка.

Работа по психологическому обеспечению образовательного процесса дошкольных групп Информационно-экономического лицея обозначает:

1. Задачи: исследовательские – выявление причин, влияющих на успешность развития детей, реализацию личностного потенциала; практические – содействие созданию социальной ситуации развития, соответствующей индивидуальности ребенка и обеспечивающей условия психологического здоровья всех участников образовательного процесса, организация и проведение тестирования и анкетирования педагогов.

2. Деятельность: постоянный мониторинг психологического статуса ребенка. Создание зоны ближайшего развития ребенка и содействие в раскрытии его внутреннего потенциала осуществляется через индивидуальные и групповые занятия. Коррекционно-развивающая работа с детьми, предупреждение возникновения явлений дезадаптации. Коррекционно-развивающая работа строится на основе результатов систематической и динамической психолого-педагогической диагностики. Повышение психолого-педагогической грамотности коллектива. Проведение диагностики педагогических затруднений педагогов с применением различных методик, прогноз по решению проблем. Психологическое сопровождение образовательных технологий и программ. Разрабатываются и внедряются программы по социально-психологической адаптации детей и программ готовности детей к начальному школьному обучению. Большое внимание в этих программах уделяется совместной работе педагогов и специалистов всех служб с целью успешного воспитания и развития детей.

3. Результат: формирование банка данных о психологических особенностях воспитанников. Определение готовности старших дошкольников к обучению в школе. Проведение оценки эффективности коррекционно-развивающей работы. Повышение уровня психологической компетенции педагогов и воспитателей проводится через систему консультаций, тематических педсоветов, научно-практических семинаров, работу ПМПК лицея. Анализ результатов обследования и выработка рекомендаций по работе с детьми.

Исследование стартовой готовности детей старшего дошкольного возраста показало, что на начало этого учебного года 66 % учащихся имеют школьную незрелость; 2 % – школьно-зрелых и 32 % – средне-зрелые (данные по тесту школьной зрелости Керна-Йирасека). Полученные данные послужили основой для разработки содержания программы развития, направленного на коррекцию школьной незрелости с учетом дифференцированного подхода.

Результаты сформированности базовых учебных навыков показали, что у всех первоклассников самые низкие навыки – по планированию и контролю деятельности – 12,5 % и умению рассматривать ситуацию с разных сторон – 8,5 %. Отдельно проанализированы данные детей, которые посещали занятия по предшкольной подготовке. Показатели учебных навыков данной группы детей оказались выше. Так, умение контролировать ситуацию увеличилось более чем в 2 раза, умение рассматривать ситуацию на 5 %, удержание условий в памяти в 3 раза. Проанализировав уровень школьной зрелости учащихся первых клас-

сов, в которых не было детей, посещающих занятия по предшкольной подготовке, и классов, в которых основная группа детей с предшкольной подготовкой, мы выяснили, что в первом варианте в классах оказалось 4…8 % школьно-незрелых детей, во втором – таковых не было. Причем школьно-зрелых детей после предшкольной подготовки выявлено 75…82 % в разные учебные годы. В данных классах не было и дезадаптированных детей, в то время как среди детей, не посещавших занятия по предшкольной подготовке, процент дезадаптации ниже (30 %), что соответствует литературным данным. Следовательно, предшкольное образование позволяет более эффективно осуществлять подготовку ребенка к школьному обучению и реализовывать профилактику дезадаптации, одновременно развивая школьно-значимые функции и сохраняя здоровье ребенка.

Литература

1. Абаскалова Н.П., Зулина Н.И. Образовательная деятельность Информационно-экономического лицея // Журнал «Инновационные проекты и программы в образовании». № 2. 2008. С. 14-17.

2. Абаскалова Н.П., Зулина Н.И. Психологическое сопровождение образовательного процесса в ИЭЛ //Актуальные проблемы обеспечения безопасности образовательного пространства. Новосибирск, 2007. С. 3-4

3. Айзман Р.И., Жарова Г.Н., Вартапетова Г.М., Петрова Е.Э. Готов ли ребенок к школе? // Диагностика в экспериментах, заданиях, рисунках и таблицах. Новосибирск, 2006. 150 с.

4. Безруких М.М. Здоровьесберегающая школа. М., 2004. 240 с.

5. Безруких М.М., Сонькин В.Д. Педагогическая физиология // Альманах «Новые исследования». М., 2004. 74 с.

6. Волобуева Н.А., Абаскалова Н.П. Адаптация учащихся первых классов к системному обучению при разной подготовке к школе // Здоровьесберегающее образование. 2009. № 2. С. 30-33.

7. Воронина Г.А., Малых Т.В., Спицин А.П. Комплексная оценка резервов адаптации и сохранение здоровья // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2004. Т. 90. № 8. 359 с.

8. Казин Э.М. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика: учеб. пособие / Под науч. ред. Э.М. Казина; Ред. коллегия: Н.Э. Касаткина, Е.Л. Руднева, О.Г. Красношлыкова и др. Кемерово: КРИПКиПРО, 2009. 347 с.

9. Казин Э.М. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Кн. 1. Здоровьесберегающие аспекты дошкольного и начального общего образования: учеб.-метод. пособие / Ред. коллегия: Н.Э. Касаткина, О.Г. Красношлыкова, Е.В. Белоногова и др.; Отв. ред. Э.М. Казин. Кемерово: КРИПКиПРО, 2011. 500 с.

10. Хасанова Н.Н. Адаптация и здоровье детей, начавших обучение с шести лет, в условиях развивающего обучения // Валеология. Ростов-н/Д., 2000. № 2. 57 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Волобуева Н.А., доцент кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, Новосибирский государственный педагогический университет
Служ. тел.: (3832) 44-03-29

N. Volobueva, Doctor of Pedagogical Sciences, assistant professor, anatomy, physiology and safety of the vital activity department, Novosibirsk State Pedagogical University

Научные интересы: образование, адаптация, здоровье

Scientific interests: formation, adaptation, health

Абаскалова Н.П., д-р пед. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет
Служ. тел.: (3832) 44-05-35

N. Abaskalova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University

Научные интересы: здоровье, образование, педагогические технологии

Scientific interests: health, formation, pedagogical technologies

УДК 372.8:81

Тюрина Светлана Юрьевна
Svetlana Tyurina

УМК КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В МАГИСТРАТУРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

TEACHING MATERIALS AS EDUCATIONAL AID IN ESP TEACHING FOR UNIVERSITY STUDENTS OF MASTER DEGREE PROGRAM

Статья посвящена вопросам оптимизации иноязычной профессионально-коммуникативной подготовки магистрантов технического вуза. УМК рассматривается как базовое средство обучения иностранному языку для профессиональных целей. Изложены основные принципы разработки УМК, принятые в практике проектирования образовательных программ. Описан пример разработки и внедрения УМК для магистрантов направления подготовки «Программная инженерия» по курсу *Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации*

Ключевые слова: *учебно-методический комплект, средство обучения, иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция*

The article deals with the issues of foreign language teaching enhancement for technical students. Teaching materials are considered to be the key element of educational aid for ESP teaching. The basic principles of teaching materials development are highlighted. Development and implementation of teaching materials for technical students of master degree program of «Software Engineering» is described

Key words: *teaching materials, educational aid, foreign language and professional communicative competence*

Умение свободно пользоваться английским языком признается одной из основных общекультурных компетенций выпускника магистратуры [5]. Однако на практике иноязычная подготовка выпускника технического вуза оказывается недостаточной для грамотного использования лингвистических и экстралингвистических средств в целях эффективного общения в ситуации профессионального взаимодействия.

В этой связи языковая и речевая составляющие являются ключевыми компонентами иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции будущего специалиста. Это, в свою очередь, делает актуальной задачу оптимизации иноязычной профессионально-коммуникативной подготовки магистрантов технического вуза.

Выделим некоторые противоречия в теории и практике обучения иностранному языку между:

— социальным заказом общества на высококвалифицированных специалистов и недостаточно высоким уровнем их подготовки;

— традиционной методикой обучения иностранному языку и потребностью внедрения новых образовательных педагогических технологий в учебную деятельность;

— использованием в процессе обучения преимущественно учебных текстов и необходимостью работать с оригинальными источниками информации на иностранном языке в профессиональном дискурсе.

Данные противоречия структурируют процесс обучения иностранным языкам в соответствии с современными требованиями общества к профессиональной деятельности будущего специалиста.

Эффективность образовательного процесса зависит от многих факторов: качества учебно-методического обеспечения, уровня мотивации будущих выпускников, уровня профессиональной подготовки преподавательского состава, а также умения преподавателя методически правильно использовать доступные средства обучения.

Традиционно средства обучения рассматривают как материальные и идеальные объекты, которые используются в учебном процессе. Анализ специальной литературы показывает, что отечественные исследователи предлагают различные классификации средств обучения иностранным языкам (И.Л. Бим, Г.В. Рогова, Е.Н. Соловова, С.В. Титова и др.).

Основная цель использования любого вида средства обучения – это достижение максимальной эффективности дидактического процесса. На наш взгляд, следует рассматривать УМК в качестве основного средства обучения иностранному языку магистрантов технического вуза (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Е.Н. Соловова и др.). По мнению И.Л. Бим, УМК является моделью системы обучения, поскольку включает все основные её компоненты [1].

Однако современный УМК должен содержать обязательные компоненты: книгу для обучающегося, аудиозаписи к книге, книгу для чтения; и дополнительные – рабочую тетрадь, лексико-грамматические упражнения, контрольно-тестовые задания, пособия по обучению различным видам речевой деятельности, видео- и аудиоматериалы [3].

В условиях многообразия концепций и технологий обучения иностранному языку возникает проблема оценки эффективности УМК, следовательно, необходимо придерживаться единых требований при их разработке. Так, в процессе разработки УМК для магистрантов направления подготовки «Программная инженерия» по курсу *Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации* следует придерживаться общих принципов, принятых в практике проектирования образовательных программ [3].

1. Определение реальных потребностей общества и личности в современных социально-экономических условиях.

В процессе интеграции России в мировое сообщество значительно изменились требования рынка труда к специалистам различных отраслей. Успех будущего специалиста напрямую зависит от уровня и качества его/её иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, то есть способности эффективного общения в профессионально значимых ситуациях. Следовательно, разрабатывая УМК по обучению иностранному языку магистрантов технического вуза, необходимо учитывать особенности использования языка в контексте повседневного и профессионального общения, принимая во внимание специфику этических и профессиональных норм поведения, принятых в данной профессиональной культуре.

2. Формулировка целей курса.

Грамотно сформулированные цели и задачи курса обеспечивают эффективность разработки его учебно-методического обеспечения. Важно соотнести цель с планируемым результатом на уровне конкретных показателей [3]. Так, основной целью освоения дисциплины *Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации* является достижение следующих результатов обучения (РО):

– *знать:* на уровне представлений – основную лексику общенаучного стиля, а также базовую терминологию в области узкой специализации; основные грамматические явления, характерные для научного и профессионального дискурса; требования к письменному тексту и к публичной речи; содержание понятий *речевой этикет, вежливость*.

На уровне воспроизведения – воспроизводить в речи основную лексику общенаучного стиля, а также термины в области

специализации; оформлять устную речь в соответствии с интонационными нормами изучаемого языка; воспроизводить в речи базовые грамматические модели, характерные для общенаучного стиля речи; излагать свою и чужую мысль в устной и письменной формах в соответствии с требованиями к данному виду текста.

На уровне понимания: понимать устную монологическую и диалогическую речь на общенаучные и профессиональные темы; понимать основную информацию текстов профессионального характера:

– *уметь*: работать с первичными и вторичными текстами; пользоваться информационно-справочными источниками; участвовать в научной дискуссии, делать презентации на профессиональные темы; соблюдать нормы речевого поведения в различных сферах и ситуациях профессионального общения;

владеть:

– навыками всех видов речевой деятельности в устной и письменной коммуникации для общения в ситуациях профессионального характера:

– всеми видами чтения оригинальной литературы;

– навыками говорения: участие в диалоге, выражение определенных коммуникативных намерений (запрос, сообщение, выяснение мнения собеседника, выражение собственного мнения по теме, выражение одобрения/недовольства, уклонение от ответа); сообщение (монологическое высказывание на профессиональные темы в объеме 15…18 фраз за 5 мин в нормальном среднем темпе речи);

– навыками аудирования: понимание устного сообщения профессионального характера (в монологической и диалогической форме), в сфере профессионального общения в среднем темпе речи.

– навыками письменной коммуникации в профессиональных целях;

– основными приемами аннотирования, реферирования, навыками адекватного перевода литературы по специальности.

Перечисленные РО являются основой для формирования общекультурных (ОК–1, ОК–2, ОК–3, ОК–6) и профессиональных (ПК –3, ПК–4, ПК–5, ПК–11) компетенций [5].

3. Отбор содержания курса.

В отечественной методике выделяют различные подходы к определению содержания обучения иностранным языкам (И.Л. Бим, Н.И. Гез, Г.А. Китайгородская, И.Я. Лернер, Г.В. Рогова, Е.Н. Соловова и др.). Выделим лингвистический, психологический и методологический компоненты содержания обучения магистрантов. Лингвистический компонент представлен языковым, речевым, социокультурным и профессионально-ориентированным материалом. В основе критериев отбора учитывались такие факторы, как реальные интересы и потребности обучающихся, сфера их профессиональной деятельности, общий уровень образованности и уровень владения языком. Психологический компонент определяет навыки и умения, которые должны быть сформированы в процессе обучения магистрантов иностранному языку. Методологический компонент предполагает организацию совместной учебной деятельности, а также обучение приемам самостоятельной работы, использованию интернет-источников в контексте профессионального общения.

Правомерным представляется тезис, что содержание обучения должно быть направлено на всестороннее развитие личности.

4. Создание структурной модели курса.

Отечественные исследователи выделяют линейную, концентрическую, матричную, сюжетную, модульную и некоторые другие модели курса [3]. Выбор модели позволяет существенно повысить эффективность обучения.

Выбор модульной структуры курса по дисциплине *Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации* представляется оправданным, поскольку в основе лежит идея блочной подачи учебного материала, который может изучаться в любой последовательности; более того, обучающийся может самостоятельно работать с предложенной ему учебной программой [3].

5. Определение форм учебного взаимодействия.

В учебно-методической литературе значительное внимание уделяется анализу эффективности различных форм урочной и внеурочной деятельности. Очевидно, что оправданное соотношение индивидуальной, фронтальной, парной, групповой, проектной и самостоятельной форм работы повышает эффективность процесса обучения.

6. Разработка содержания и форм текущего, промежуточного и итогового контроля.

Контроль освоения дисциплины *Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации* осуществляется в соответствии с ПОЛОЖЕНИЕМ о системе РИТМ в ИГЭУ [2]. Оценка *текущего* контроля выставляется как средняя арифметическая за домашнюю, самостоятельную и аудиторную работу. *Промежуточн*ый контроль проводится в форме письменного и устного тестирования лексико-грамматических навыков и пересказа профессионально ориентированных текстов. *Итоговый* контроль включает чтение, перевод, пересказ и составление аннотации к аутентичному тексту по специальности, а также устную презентацию научного проекта магистранта.

Положение о текущем, промежуточном и итоговом контроле включает информацию о содержании, требованиях к оформлению и формам проведения, графике проведения контроля, параметрах и критериях оценки, а также образцах контрольных заданий и тестов.

Отметим положительный опыт использования технологии *Языкового Портфеля* при подготовке студентов магистратуры технического вуза. Это способствует формированию необходимых навыков рефлексии, повышает мотивацию к совершенствованию профессионально-коммуникативных навыков владения иностранным языком, способствует позитивному самоутверждению личности студента [4].

В заключение подчеркнем, что проблема разработки учебно-методического комплекта является одной из ключевых в современной теории и практике обучения иностранным языкам. Вместе с тем, разработка и внедрение новых УМК – один из возможных эффективных способов повышения качества обучения иностранному языку в высшей школе.

Литература

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., 1977. С. 278.

2. Положение о системе РИТМ в Ивановском государственном энергетическом университете [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ispu.ru/node/126.

3. Соловова Е.Н. Интегративно-рефлексивный подход к формированию методической компетенции преподавателя иностранного языка в системе непрерывного профессионального образования: дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2004. С. 432.

4. Тюрина С.Ю. Оптимизация иноязычной подготовки студентов технического вуза // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. Ч. 2. С. 318-321.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 231000 Программная инженерия (квалификация (степень) «магистр») [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm543-1.pdf.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Тюрина С.Ю., канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры интенсивного изучения английского языка, ФГБОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина»
tsu1999@mail.ru

S. Tyurina, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Intensive English Language department, Ivanovo State Power Engineering University

Научные интересы: методика обучения иностранным языкам для специальных целей в высшей школе, современные технологии обучения

Scientific interests: ESP teaching, blended learning

УДК 372.3/4+37.1

Климова Татьяна Васильевна
Tatyana Klimova

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

PEDAGOGICAL MODELING OF WORK ON FORMATION OF HEALTHY WAY OF LIFE IN CONDITIONS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ESTABLISHMENT FOR THE CHILDREN WITH LIMITED ABILITIES

Представлена модель работы по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения. Раскрываются направления педагогического образовательного процесса и система работы с педагогами и родителями

Ключевые слова: *педагогическая модель, здоровый образ жизни, педагогический процесс*

In article the model of work on formation of a healthy way of life in conditions of preschool educational establishment is submitted. Directions of pedagogical educational process and work system with the teachers and the parents are revealed in the article

Key words: *pedagogical model, formation of a healthy way, pedagogical educational process*

Формирование элементарных представлений о здоровом образе жизни у детей старшего дошкольного возраста и профессиональных компетенций у педагогов осуществляется в процессе системной, целенаправленной работы через создание необходимых организационно-педагогических условий. Одним из таких условий является моделирование целостного педагогического процесса. В педагогической науке метод моделирования обоснован в трудах Б.А. Глинского [1] и др. В теории моделирования существуют различные подходы к классификации моделей, однако мы более подробно остановимся на теории педагогического моделирования.

А.Н. Дахин определяет модель как искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм или формул, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и огрубленном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта. Он считает, что у педагогического моделирования есть «термин-партнер» — проектирование. Проектирование направлено на создание моделей планируемых (будущих) процессов и явлений. Компонентами проектной деятельности могут выступать конкретные модели или модули (функциональные узлы, объединяющие совокупность элементов, например, образовательной системы). В теории педагогического проектирования выделяют прогностическую модель для оптимального распределения ресурсов и конкретизации целей; концептуальную модель, основанную на информационной базе данных и программе действий; инструментальную

модель, с помощью которой можно подготовить средства исполнения и обучить преподавателей работе с педагогическими инструментами; модель мониторинга – для создания механизмов обратной связи и способов корректировки возможных отклонений от планируемых результатов; рефлексивную модель, которая создается для выработки решений в случае возникновения неожиданных и непредвиденных ситуаций. Педагогические модели в основном входят в логико-семиотическую (конструируются из специальных знаков, символов и структурных схем) группу [2].

В рамках педагогической науки активно развиваются педагогические технологии воспитания и обучения на основе разработки педагогических моделей, базирующихся на применении системного подхода. Т.Г. Ивошина [3] считает, что в тщательно разработанной педагогической модели определяются и фиксируются направления педагогической деятельности, её этапы и способы достижения конкретных целей.

Е.В. Чуб, анализируя процесс создания образовательной педагогической модели, выделяет следующие этапы ее построения [7]:

1) выбор методологической основы для моделирования системы. В современных условиях образования такими основаниями чаще всего становятся личностно-ориентированная парадигма образования; деятельностный подход в организации процесса познания и др.;

2) постановка задач моделирования. Четкое определение основной дидактической цели. Ее уточнение и конкретизация для каждого этапа обучения;

3) конструирование модели. Уточнение основных ее компонентов, выявление зависимости между ними, определение динамики ее развития и др.;

4) апробация разработанной педагогической модели в эксперименте;

5) анализ и интерпретация полученных результатов моделирования.

Автор констатирует, что именно педагогическое моделирование способно разрешить проблему рассогласования между возросшими потребностями инноваций в педагогической практике в социальной мобильной, творческой и свободно мыслящей личности и недостаточно высокими результатами теоретического и практического профессионального образования.

Л.В. Моисеева считает, что моделирование предполагает исследование сложных педагогических механизмов. Моделирование педагогической деятельности – это процесс создания моделей, в которых образование моделируется в различных аспектах и различными средствами. Модель познавательного процесса – это материальный посредник между субъектом и объектом познания. Знания приобретаются обучающимися при помощи репрезентации. В процессе образовательной деятельности педагоги сами разрабатывают средства познания. В этом смысле модель рассматривается как конструкция, план действий педагога и средство донесения информации другим, резюмирует Л.В. Моисеева [4].

Способ, которым осваивается содержание, определяется характером взаимодействия ребенка и педагога, в рамках которого возникает и развивается ведущий вид деятельности. С позиции деятельностного подхода образовательное взаимодействие образует основу процесса освоения содержания, в данном случае – содержания по формированию здорового образа жизни.

В работах Л.В. Моисеевой [4] отражены объективные моменты моделирующей деятельности как процесса информационного взаимодействия. С точки зрения теории отражения и модель, и познавательный образ являются отражением действительности. Модель – это материальный посредник между субъектом и объектом образовательного процесса, часть объективной реальности. Практическая ценность модели любой педагогической деятельности в основном определяется ее адекватностью изучаемым сторонам объекта, а также тем, насколько правильно учтены на этапах построения модели основные принципы моделирования – наглядность, определенность, объективность, которые во многом определяют как возможности и тип модели, так и ее функции в педагогическом исследовании.

В.М. Монахов [5] определяет проект как систему, которая является подсистемой модели, и наоборот, само проектирование может состоять из более мелких моделей. Проектирование предполагает создание частных моделей, моделирование, в свою очередь, состоит из совокупности элементов, в том числе включает теорию проектирования и предполагает четыре возможных результата педагогического проектирования:

1) педагогическая система;
2) система управления образованием;
3) система методического обеспечения;
4) проект образовательного процесса.

Процесс моделирования – это последовательная разработка серии детализирующих моделей. Каждый этап моделирования определяется его структурой. По мнению Л.В. Моисеевой, структура процесса моделирования включает актуализацию уже накопленных знаний и зафиксированных в описании модели; выбор модели уже существующей или разработка новой; проверка работы модели и включением ее в систему знаний. Процесс моделирования – это теоретико-познавательная процедура, она является средством познания обобщенного смысла [4].

Раскрывая структурные звенья педагогического моделирования, О.В. Пирогова приходит к выводу, что, прежде всего, необходимы методологические, фундаментальные, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, изобретательская и рационализаторская деятельность передовых педагогов, практическая деятельность преподавателей и воспитателей. Моделирование в познавательном процессе опирается на принципы системного подхода. Рассматривая исследуемый процесс, или объект как систему, необходимо, чтобы модель обладала собственной целостностью [6].

По утверждению Р.М. Чумичевой и Л.Л. Редько [8], в основе модели образовательного процесса лежат как общие, так и специфические принципы: психологической обусловленности погружения – предполагается осмысление педагогом закономерностей в чередовании этапов образовательного процесса и первичной деятельности; принцип многогранности – когда одна ценность познается в различных гранях культуры; принцип гармоничности – это интеграция познавательной деятельности с различным содержанием, которые образуют общность посредством знаков и символов; принцип концентричности, выражающийся в постепенном усложнении и надстройке педагогической модели образования; принцип контрастности, который подчеркивает значимость модели и стимулирует потребность в приобретении новых знаний, и принцип логической целесообразности – подключения одного вида деятельности другому, в результате чего продолжает развиваться образовательная деятельность в соответствии с поставленными задачами.

Моделирование развивающей образовательной среды обеспечивает качество образовательного процесса через следующие принципы: поисковый режим деятельности; развитие образовательной среды по концентрическому принципу; принципа открытого позиционирования и динамичности функциональных звеньев модели, считает Т.Г. Ивошина [3].

На наш взгляд, выделенные авторами структурные компоненты педагогического моделирования не противоречат, а дополняют друг друга. Важное значение имеет готовность педагогов к восприятию разработанных моделей с целью их внедрения в образовательный процесс.

Введение в образовательное пространство такой деятельности, как формирование здорового образа жизни, предполагает необходимость моделирования работы как педагога, так и образовательной траектории каждого ребенка. Моделирование системы работы по формированию здорового образа жизни у детей с ограниченными возможностями здоровья позволяет определить целеполагание, направления работы. Мы разработали педагогическую модель организации образовательного процесса по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ог-

раниченными возможностями здоровья на основе системного подхода.

В разработанной нами педагогической модели присутствует комбинация нескольких компонентов системы. Сосуществование нескольких образовательных моделей в рамках одной решает проблему преемственности и логического упорядочения педагогической работы дошкольного образовательного учреждения по формированию здорового образа жизни, выхода ребенка на индивидуальный здоровьесберегающий маршрут воспитания, а также обеспечивает интеграцию и социальное партнерство дошкольного образовательного учреждения и семьи. В представленной системе работы по формированию ЗОЖ у детей с ограниченными возможностями здоровья присутствуют четыре основные подсистемы, в каждой из которых реализуется своя образовательная модель (рис. 1).

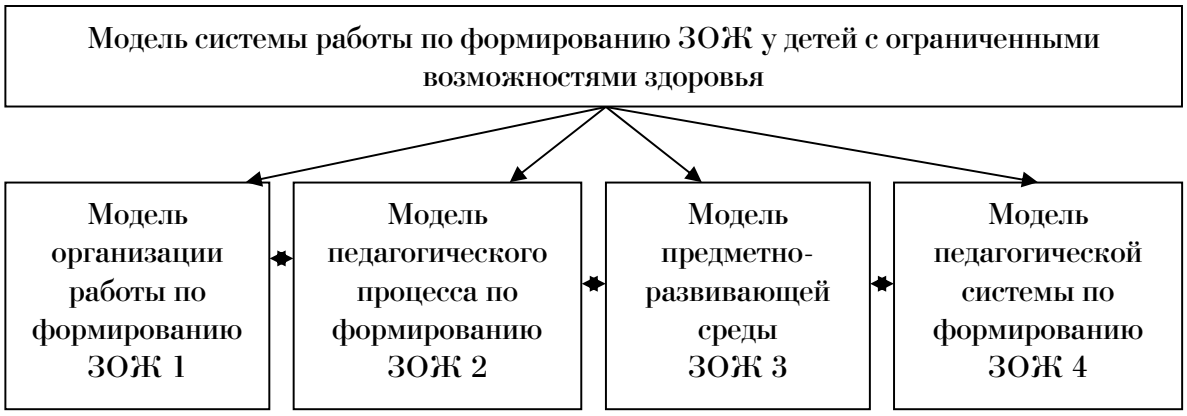


Рис. 1. Схема модели системы работы по формированию ЗОЖ у детей с ограниченными возможностями здоровья

Модель работы по формированию здорового образа жизни выступает как многофакторный педагогический процесс и зависит от методологических и практических подходов и организации комплекса мероприятий. Таким образом, можно констатировать универсальность и гибкость предложенной модели. Данная модель не статична, она может быть надстроена и адаптирована к конкретным образовательным потребностям программ в рамках педагогического самоопределения и индивидуализации педагогического процесса.

Эффективность педагогического процесса зависит от изначальной его организации (рис. 2). Для организации работы по формированию здорового образа жизни определены этапы внедрения модели в образовательный процесс:

– проработка нормативно-правовой базы, методологическое обоснование, разработка программы и методического сопровождения;

– внедрение программы по формированию ЗОЖ в педагогический процесс;

– организация здоровьесберегающей образовательной среды;

– апробация программы;

– освоение программы;

– адаптация программы для детей с общим недоразвитием речи;

– институализация программы.

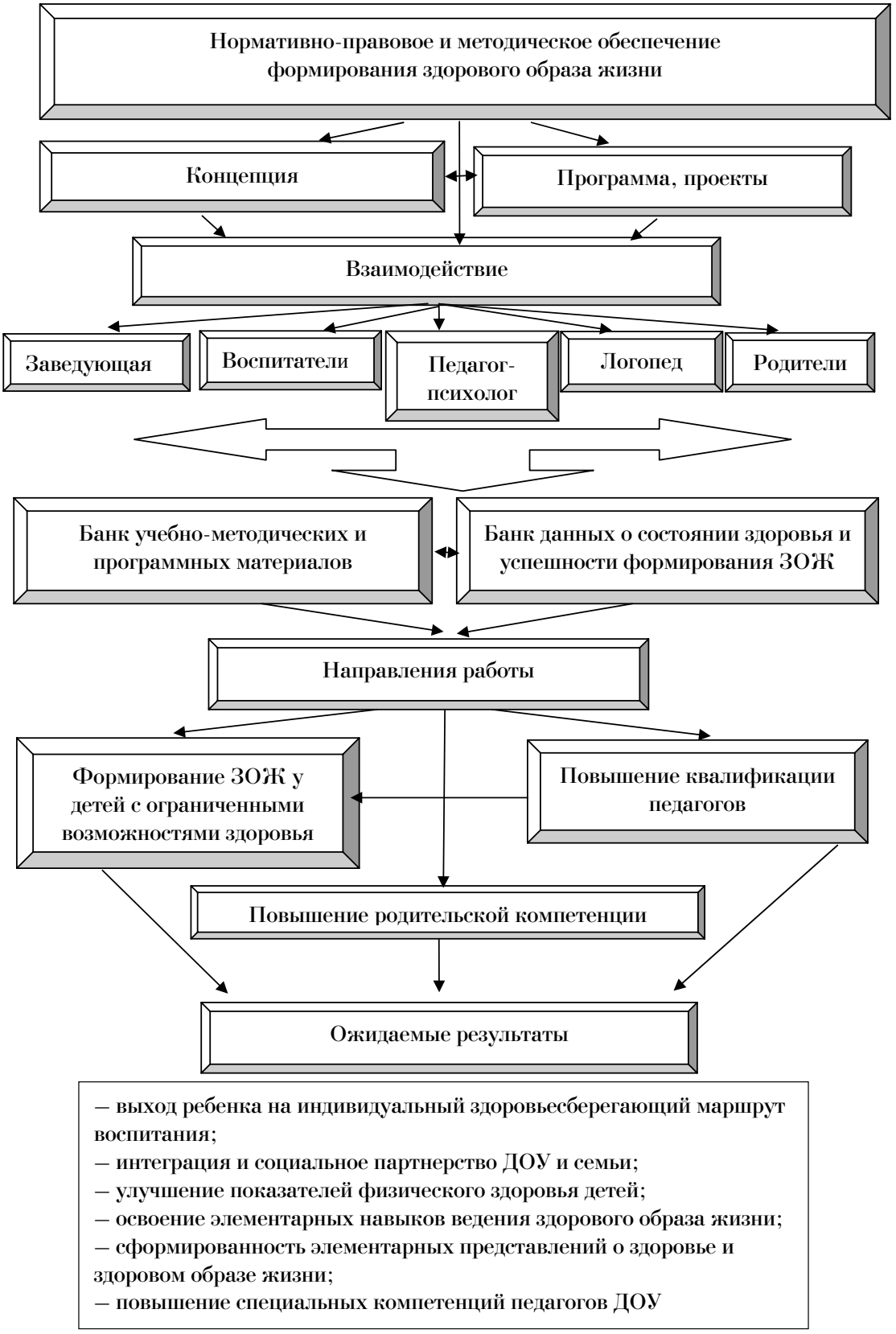


Рис. 2. Схема модели организации работы по формированию ЗОЖ

Чтобы результативно провести образовательный процесс, мы определили предметное содержание здоровьесберегающей деятельности работы по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, установили систему значимых профессиональных позиций для педагогов и родителей, а также определили направления работы. Особую важность приобрела проработка нормативно-правового обеспечения педагогического процесса по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Такая работа позволила нам разработать концепцию здоровьесбережения и образовательную программу, определить направления работы: создание банка учебно-методических, программных материалов и данных о состоянии здоровья; формирование ЗОЖ у детей с ограниченными возможностями здоровья; взаимодействие всех участников образовательного процесса; повышение квалификации педагогов и родительской компетенции, предположить ожидаемые результаты.

В связи с этим можно утверждать, что в структуре предложенной модели значимыми являются все составляющие образовательного процесса. Моделирование образовательного процесса по формированию ЗОЖ у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья продиктовано необходимостью решения новых задач: диагностикой на входе и выходе и подбором методов педагогической работы, выработкой направлений работы с педагогами и родителями, планированием целей и задач для участников образовательного процесса, планированием средств достижения результатов. Полученные данные диагностики на входе позволят определить постановку основной дидактической цели и задач, осуществить выбор методов работы, адекватных возрасту и состоянию детей. Результаты диагностики после педагогической работы по формированию здорового образа жизни помогут нам выработать стратегию педагогической коррекции, уточнить и конкретизировать ее для каждого этапа работы (рис. 3).

Значительная роль отводилась мотивационной стороне и согласованному взаимодействию воспитателей, психолога и логопеда в предметно-развивающей среде (рис. 4).

В предлагаемой модели предметно-развивающей среды по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья мы выделили две составляющих: 1) внешняя территория ДОУ, куда входят спортивная площадка, рекреационная (зеленая) зона, экологическая тропа и групповые площадки; 2) внутренняя территория ДОУ – медицинский и психологические блоки, физкультурный зал и познавательно-игровые уголки. Предметно-развивающая среда, как часть образовательного процесса по формированию здорового образа жизни, способствует формированию ценностных установок, "социальной компетентности в группе равных" [7], физическому развитию и поиску способов поведения в разнообразных ситуациях (общения, игровой и познавательной деятельности).

Следующее звено педагогической модели – проектирование системы работы по формированию здорового образа жизни, выделена цель и сформулированы задачи, спланированы уровни организации здровьесберегающей деятельности. Определены специальные (здоровьесберегающие, двигательные и речевые умения, гигиенические навыки, выработка осознанного поведения) компетенции в структуре профессиональной компетентности воспитателей. Перечисленные мероприятия обеспечивают технологичность процессов организации и внедрения в педагогическую работу, предоставлюят возможность согласования управленческих функций и образовательно-развивающих функций педагогов.

Педагогический процесс по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья

Диагностика
– педагогов (отношение педагогов к проблеме формирования ЗОЖ)
– родителей (анализ медико-социальных причин отклонений в здоровье детей)
– детей (уровня физического развития и сформированности ЗОЖ)

Работа с детьми
Цель – формирование ЗОЖ
Задачи – удовлетворение:
– мотивационной потребности
Достижения:
– двигательной активности;
– речевых умений;
– гигиенических навыков

Работа с педагогами и родителями
Цель – формирование ЗОЖ
Задачи – формирование компетенций по развитию:
– двигательных умений;
– речевых умений;
– гигиенических навыков;
– навыков ведения ЗОЖ

Средства достижения
– варьирование деятельности;
– постепенное усложнение познавательного и речевого материала;
– расширение активного словаря;
– формирование навыков ведения ЗОЖ и гигиенических умений;
– поддержка и развитие двигательной активности

Средства достижения
– овладение новыми способами двигательной активности;
– овладение навыками ЗОЖ;
– овладение гигиеническими умениями;
– использование приобретенных навыков в практической деятельности разумного поведения в различных ситуациях;
– овладение навыками

Методы работы с детьми
– игра;
– моделирование;
– детское экспериментирование;
– наблюдение;
– стимулирование речевого высказывания

Методы работы с родителями
– педагогический лекторий-практикум;
– родительский форум;
– проектная деятельность;
– фестивали, праздники, соревнования;
– индивидуальное консультирование;
– организация совместной жизнедеятельности

Направления педагогической работы
– варьирование педагогического процесса;
– постепенное усложнение;
– стимуляция положительных эмоций;
– предупреждение негативных реакций;
– коррекция речевого высказывания

Методы работы с педагогами
– круглый стол;
– мастер-класс;
– профессиональный конкурс;
– семинар-практикум;
– проектная деятельность;
– индивидуальное консультирование

Рис. 3. Схема модели педагогического процесса по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья

Рис. 4. Схема модели предметно-развивающей среды по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья

Деятельность по формированию здорового образа жизни у детей носит субъективный характер и зависит от каждого члена коллектива (индивида). Данное положение мы отнесли к субъектному уровню. Функциональные обязанности субъектов образовательной деятельности в ДОУ определены в должностных инструкциях. Формирование здорового образа жизни воплощалось на каждом уровне работы учреждения: педагогическое направление реализовывало работу в соответствии с центрированной линией взаимодействия в триаде "Дети – Родители – Воспитатели". Медицинские и физкультурно-оздоровительные направления осуществляли профилактику и оздоровление. Административно-хозяйственный уровень обеспечивал финансовые, материально-технические, интеллектуальные ресурсы для выполнения поставленных задач. Управленческий уровень включал систему управленческих мер организации работы по формированию здорового образа жизни для введения инноваций в практику работы ДОУ и предполагал взаимодействие управленческих действий – гностических, проектировочных, конструктивных, организаторских, регулирующих, координационных, контролирующих. Большое значение придавалось разработке и внедрению программно-методических материалов, обеспечению психолого-педагогического и логопедического сопровождения, организации непосредственной образовательной деятельности детей, как условий формирования здорового образа жизни.

Существенная роль отводилась повышению уровня психолого-педагогических компетенций воспитателей (общепедагогических, предметных коммуникативных и социально-психологических) в структуре профессиональной компетентности воспитателя по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Важным направ-

лением при построении педагогической модели системы работы по формированию здорового образа жизни явилось оказание консультативной помощи педагогам и родителям для становления профессиональной и родительской компетенций в области формирования ЗОЖ. В качестве необходимого условия внедрения разработанной программы было систематическое повышение квалификации персонала с целью учета речевого своеобразия ребенка и гибкостью принятия решений при возникновении ситуаций, связанных с особенностями ребенка с общим недоразвитием речи. Результатом такой работы явилась активизация профессиональной деятельности педагогов по разработке совместных проектов "Семья – территория детства", "Здоровый ребенок – будущее нации", "Воспитание толерантности".

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что педагогическая деятельность предусматривает наличие тщательно разработанной модели, в которой определены и зафиксированы направления, этапы и способы достижения конкретных целей и задач по формированию здорового образа жизни. Рассматривая образовательную среду как здоровьесберегающий фактор, систему возможностей по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста и соответствующих компетенций у педагогов, необходимо отметить существующую реальность по моделированию педагогической стратегии для активной и эффективной работы. Поэтому необходимо специально моделировать содержание образовательной деятельности как важнейшей составляющей целостного педагогического процесса. Реализация механизмов и общих принципов работы представленных моделей может помочь осуществить свой выбор применительно к собственным условиям и возможностям образовательного процесса дополняться и адаптироваться к имеющемуся содержанию. Разработка педагогической модели носит прикладной характер и используется в качестве базовой методологической основы для разработки педагогических проектов, которые позволяют решить разнообразные образовательные задачи.

Литература

1. Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования. М.: МГУ, 1965. С. 247.

2. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование. М., 2001. С. 10.

3. Ивошина Т.И. Психологические основы моделирования развивающей образовательной среды // Инновации в образовании. № 5. 2004. С. 64-77.

4. Моисеева Л.В. Альтернативные модели экологического образования. Екатеринбург. 1997. С. 4-11.

5. Монахов В.М. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований // Школьные технологии. 2001. № 5. С. 75-89.

6. Пирогова О.В. Моделирование в образовании // Инновации в образовании. № 5. 2004. С. 36-40.

7. Чуб Е.В. Моделирование педагогического процесса как средство формирования ключевых компетенций будущего специалиста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.conf.muh.ru/080215/thesis_Chub.htm.

8. Чумичёва Р.М., Редько Л.Л. Социокультурная модель образовательного процесса дошкольного учреждения. В кн.: Ребенок открывает мир / Под ред. Р.М. Чумичёвой. Ставрополь. 1998. С. 71-94.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Климова Т.В., доцент кафедры логопедии и детской речи, Новосибирский государственный педагогический университет
Служ. тел.: (3832) 68-13-17

T. Klimova, assistant professor, logopaedics and children's speech department, Novosibirsk State pedagogical University

Научные интересы: образование, здоровье, здоровый образ жизни

Scientific interests: formation, health, the healthy means of life

Политические науки

УДК 327

Арсентьева Ирина Ильинична
Irina Arsentyeva

ПОНЯТИЕ «ПРИГРАНИЧЬЕ» В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

«BORDERLAND» CONCEPT IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Статья посвящена анализу понятия «приграничье» в современных научных исследованиях. Автор приходит к выводу, что данное понятие тесно связано с понятием «государственная граница», которое де-юре остается неизменным, однако де-факто намного сложнее и многограннее, что обусловлено спецификой современного мирового развития

Ключевые слова: *государственная граница, приграничье, территория, пространство, открытость, национальная безопасность*

In this article the «borderland» concept in modern scientific research is analyzed. The author concludes that this concept is closely linked with the "frontier" concept which is de jure remains unchanged, but de facto much more complex and multifaceted because of the specificity of contemporary world development

Key words: *frontier, borderland, territory, space, openness, national security*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (№ 12-03-00002а)

Государственные границы, согласно Большой советской энциклопедии, представляют собой линии, определяющие пределы государственной территории и закрепленные соглашениями между соответствующими государствами [2]. Приграничные территории (borderlands) – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями.

Изучение государственных границ имеет давние традиции, что привело к созданию лимологии, т.е. науки о границах (лат. limes – граница). Традиционные лимологические подходы объясняли феномен государственных границ политическими факторами, трактуя их как зеркало военной, экономической и иной мощи соседних стран [4]. Приграничные территории становились милитаризованной зоной особого режима, своеобразным форпостом, чей главный приоритет – постоянная готовность отразить нападение потенциального противника. При этом предполагалось, что интересы приграничных регионов полностью тождественны общегосударственным интересам, т.е. геоэкономика подчинялась геополитике [12; С. 51].

Де-юре понятие «государственная граница» остается неизменным. Однако де-факто оно намного сложнее и многограннее, что обусловлено спецификой современного мирового развития. Сегодня граница рассматривается как место, где создается основа для интеграции прилегающих к ней территорий, их взаимозависи-

мости и взаимодополняемости в различных сферах. Поэтому в зоне приграничья происходит крайне сложное взаимодействие (а иногда и противодействие) административных и неадминистративных акторов.

Как уже отмечалось, приграничные территории — это территории, которые прилегают к государственной границе. А.Г. Гранберг предлагает трехуровневую систему анализа их структуры. Микроуровень приграничья — населенные пункты, непосредственно выходящие на государственную границу и включаемые в пограничную зону (в России это расстояние до 5 км вдоль границы). Мезоуровень приграничья — административные районы в составе более крупных регионов (в России — субъектов Федерации), часть внешних границ которых совпадает с государственной границей, а также предприятия и организации, находящиеся в данных районах. Макроуровень приграничья — приграничный регион (в России — субъект Федерации) [9; С. 24].

Один из основных ресурсов развития приграничья заключается в его географическом положении, которое позволяет обслуживать трансграничные потоки. Детальную классификацию этих потоков (в области недвижимости, трудовых миграций, движения товаров и капиталов) разработал английский исследователь Дж. Хауз, занимаясь изучением границы между США и Мексикой [14] — одного из наиболее ярких примеров «асимметричного» рубежа, разделяющего самую мощную экономику мира и значительно более слабую в экономическом отношении страну.

Важнейшей особенностью развития приграничных территорий становится их открытость, при которой происходит повышение контактных и понижение барьерных функций государственных границ. Не случайно некоторые исследователи используют понятие «прозрачные границы» [8], что связано в первую очередь с экономическим взаимодействием.

Российский экономист В.С. Загашвили по этому поводу пишет: «Сегодня в мире, где в полной мере сохраняются политические границы, правительства несут ответственность перед своими гражданами и обязаны заботиться, прежде всего, о благосостоянии населения своей страны. Однако экономические границы становятся все более прозрачными. По мере становления глобального рынка постепенно теряет смысл противопоставление внутреннего и внешнего рынка» [3; С. 380]. Известный японский экономист Кеничи Омае идет дальше, утверждая, что в результате развития глобализационных процессов государство самоликвидируется. На смену ему придут «регионы-государства» — самодостаточные экономические комплексы, которые будут взаимодействовать друг с другом, минуя уровень государства. По мнению японского ученого, это станет началом нового мирового порядка — мира без границ [16].

Необходимо учитывать, что территория может обладать свойством приграничности, но при этом не иметь контактов с территориями по другую сторону границы. О.Дж. Мартинес, занимаясь, как и Дж. Хауз, исследованием американо-мексиканской границы, предложил типологию приграничных территорий на основе степени развития приграничных связей: отчужденные (alienated), сосуществующие (co-existent), взаимозависимые (interdependent), интегрированные (integrated) [15]. Затем Б. Ван дер Вельде и Р. Мартин уточнили разработанную О.Дж. Мартинесом классификацию [17]:

— *отчужденные приграничные территории*: приграничные связи отсутствуют в силу военных действий, политических диспутов, сильных националистских тенденций, идеологической или религиозной среды, культурных различий или этнического соперничества;

— *сосуществующие приграничные территории*: характеризуются некоторой степенью экономического и культурного взаимодействия;

— *взаимозависимые приграничные территории*: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы;

— *интегрированные приграничные*

территории: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей.

В данной классификации прослеживается ранжирование уровней развития связей от закрытого пограничного режима до образования трансграничного региона. Трансграничный регион понимается как охватывающая части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическая система, характеризующаяся определенным единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых или культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций [5; С. 359].

На наш взгляд, в случае образования трансграничного региона более точным является понятие не «территория», а «пространство». Территория – часть физико-химической среды, допускающая существование на ней определенных видов жизни и способная обеспечить их необходимыми ресурсами. Пространство – конструкция, создаваемая социумом в целях обустройства жизни, использования конкретной территории и ее ресурсов. Другими словами, пространство – это совокупность социальных процессов, отношений и взаимозависимостей социальных субъектов в политической, экономической, информационной, экологической, социокультурной и прочих сферах [1; С. 88].

В.М. Кузьмин, основываясь на анализе западноевропейских научных исследований, выделил три основных типа взаимодействия с пересечением государственных границ [6; С. 14-15]:

1) *приграничное сотрудничество* (crossborder cooperation) – прямое приграничное сотрудничество между региональными и местными властями по разные стороны границы во всех сферах жизнедеятельности, вовлекающее в свою деятельность различных акторов. Оно подразумевает серьезную организацию вследствие долгого исторического развития приграничных контактов;

2) *трансграничное сотрудничество* (transborder cooperation) – сотрудничество между местными региональными и национальными властями, целью которого является развитие интеграционных процессов в больших группах регионов, причем некоторые из них могут быть не связаны между собой территориально. Организационные связи слабее, чем в приграничных регионах, т.к. менеджмент сложнее;

3) *транснациональное сотрудничество* (transnational cooperation) – сотрудничество между странами по определенному вопросу в отношении больших взаимосвязанных территорий. Их организационные связи могут быть различными.

По мнению М.Ю. Шинковского, локальные приграничные контакты выступают простейшей формой трансграничного сотрудничества. Следующая, более сложная форма – взаимодействие между территориальными политическими образованиями, например, административно-территориальными единицами отдельных государств или совокупностью таких единиц. Глобализационные процессы вызвали к жизни сетевую форму трансграничного сотрудничества. Она предполагает взаимодействие между акторами различных уровней при опоре на узлы ячеистой сети глобальных взаимодействий, минуя территориально-пограничное размежевание [13; С. 62], т.е. во взаимодействие включаются территории, непосредственно к государственной границе не прилегающие.

Из существующих на сегодняшний день форм трансграничного взаимодействия наиболее эффективной считается деятельность по типу еврорегионов. Они представляют собой европейскую форму международной интеграции, основанную на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в приграничных районах соседствующих государств. Основными направлениями деятельности являются экономика, социальная сфера, культура, транспорт, связь, образование, туризм, здравоохранение, защита окружающей среды. Помимо этого, решаются вопросы обустройства совместной границы, миг-

рации населения приграничных территорий, сотрудничества правоохранительных органов, взаимодействия в чрезвычайных ситуациях. Характерная черта еврорегионов — наличие постоянно действующих общих рабочих органов. Еще одной отличительной чертой является то, что в их пределах фактически устраняются таможенные барьеры и препятствия для перемещения рабочей силы.

Отметим, что подобная практика связана не только с еврорегионами. Например, в АТР получили распространение так называемые «треугольники развития», представляющие собой транснациональные экономические зоны (три и более страны) с вполне четкими границами. Такие образования, где происходит свободное движение рабочей силы, капитала и технологий, называют «естественными экономическими территориями», или «субрегиональными экономическими зонами» [12; С. 54].

И все же, несмотря на открытость приграничья международным контактам, государственная граница была и остается естественной зоной дислокации пограничной, таможенной и других служб, зоной повышенной концентрации войсковых частей, особенно на угрожаемых, с точки зрения национальных интересов, направлениях. Это объясняется тем, что приграничье занимает особое место в системе национальной безопасности любого государства. Можно сказать, оно является сосредоточением всех структурных компонентов национальной безопасности, которые проявляются здесь наиболее отчетливо. Это и военные, и политические, и экономические, и экологические, и информационные, и другие компоненты.

Особую роль играет геополитический компонент, поскольку именно приграничье становится первым объектом территориальных претензий. Согласно традиционной геополитической трактовке, каждый народ стремится оптимизировать свою территорию и ресурсы, и, если ему их не хватает, решает в том или ином виде эту проблему за счет соседей. К. Хаусхофер в работе «Границы в их географическом и политическом значении» писал: «обладатели резервных пространств Земли обманулись бы, поверив, что зажатые в тиски на своей народной почве миллионы китайцев, немцев, итальянцев и японцев без попытки справедливого проведения границ добровольно согласятся голодать перед лицом пустеющей колонизированной земли» [10; С. 185].

Российская Федерация граничит с восемнадцатью государствами и в силу пространственной протяженности «может по всем направлениям… наносить, а одновременно и получать удары» [7; С. 169]. В конце XX — начале XXI вв. наша страна столкнулась с феноменом тотальной уязвимости своих границ. При этом исследования, проводимые в приграничье, показывают, что «характерными чертами нового поколения россиян являются пониженная чувствительность к опасностям, которые несет в себе пограничный фактор, и неадекватное, иногда доходящее до легкомыслия, отношение к границам… [Приграничная] безопасность пока что остается пропагандистским штампом с широким и во многом неопределенным смыслом» [11; С. 182].

На наш взгляд, проблемы развития российского приграничья во многом обусловлены недостаточным вниманием к научно-теоретической разработке этого вопроса. В советское время проблемам приграничья как определенного, специфического сегмента государственной территории уделялось очень мало научного внимания, основной упор делался на практические вопросы военной безопасности. На Западе, напротив, проблемы развития приграничных территорий давно уже выделены в отдельное научное направление — Border Studies, которое акцентирует внимание на таких аспектах, как изучение роли приграничья в региональной экономической интеграции; взаимодействие разных, порой конфликтных, культур; соединение в единое целое задач обеспечения безопасности и одновременно с этим обеспечения открытости; совместное решение трансграничных проблем, начиная от миграции и загрязнения окружающей среды и заканчивая общими проблемами экономического развития.

Сегодня в России разработкой приграничной и трансграничной проблематики занимаются такие исследователи, как О.Б. Александров, П.Я. Бакланов, И.М. Бусыгина, Л.Е. Бляхер, Л.Б. Вардомский, С.С. Ганзей, В.Г. Гельбрас, С.В. Голунов, А.Г. Гранберг, В.А. Дергачев, В.Л. Каганский, В.А. Колосов, И.И. Курилла, В.Л. Ларин, Е.Б. Лебедева, А.С. Макарычев, Н.С. Мироненко, Б.Б. Родоман, Н.П. Рыжова, М.Ю. Шинковский и др. Однако, несмотря на широкий спектр рассматриваемых вопросов (наиболее разработана экономическая и экономико-географическая проблематика), в имеющихся работах лишь в общих чертах прослеживается взаимосвязь развития приграничья и национальной безопасности государства.

Российская Федерация все более интенсивно входит в структуры международных экономических, политических и культурных связей. И, как любое государство, взаимодействует с внешним миром двояко: с одной стороны, через Центр, обладающий для этого соответствующим образом сконцентрированными ресурсами (в первую очередь политическими); с другой – контактирует со структурными элементами международного сообщества через свои окраинные, приграничные территории. В этой связи возникает насущная потребность в разработке эффективной концепции развития российского приграничья, что требует кропотливой политической работы и фундаментальных научно-теоретических исследований.

Литература

1. Арсентьева И.И. Научный дискурс категории «политическое пространство»: дефиниции, структура, механизмы формирования // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4 (61). С. 87-93.

2. Границы государственные [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. Режим доступа: http://www.bse.info-spravka.ru/bse/id_22882.

3. Загашвили В.С. Экономические интересы России в условиях глобализации. М.: Магистр, 2010. 432 с.

4. Колосов В.А. Теоретическая лимология: новые подходы [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2003. № 3. Режим доступа: http://www.intertrends.ru/three/004.htm.

5. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. 479 с.

6. Кузьмин В.М. Приграничное и трансграничное сотрудничество Калининградской области в регионе Балтийского моря в новых геополитических условиях // Политическая наука. 2010. № 3. С. 14-28.

7. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162-169.

8. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. Москва-Волгоград: НОФМО, 2002. 573 с.

9. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / Отв. ред. А. Г. Гранберг. М.: Экономика, 2000. 435 с.

10. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

11. Хвощев В.Е. Изменяющаяся Россия: проблемы безопасности и пограничной политики // Полис. 2002. № 6. С. 181-183.

12. Черная И.П., Шинковский М.Ю. Приграничный регион в условиях глокализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 46-60.

13. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С. 62-70.

14. House J.W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.

15. Martinez O.J. Border People. Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tuscon: The University of Arizona Press, 1994. 329 p.

16. Ohmae K. The End of the National State: The Rise of Regional Economics. N.Y.: Harper Collins, 1995. 214 p.

17. Van der Velde, Martin R. So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects // Paper Prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26-29, 1997). Rome, 1997.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Арсентьева И.И., д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры востоковедения, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
airen1@yandex.ru

I. Arsentyeva, Doctor of Political Sciences, associate professor, professor of oriental studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: международные отношения, национальная и региональная безопасность Российской Федерации

Scientific interests: international relations, national and regional security of Russian Federation

УДК 323.2

Партугимов Владимир Валерьевич
Vladimir Partugimov

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: НОВАЯ ЭПОХА – НОВЫЕ ЗАДАЧИ

POLITICAL MODERNIZATION IN RUSSIA: ANEW ERA, NEW CHALLENGES

Анализируются важные задачи по модернизации системы государственного управления, которые предстоит решать президенту России В.В. Путину в ближайшие годы. Автор считает, что глобальное информационное общество ставит перед президентом и системой государственного управления России в целом абсолютно новую задачу – проведение прозрачной политической модернизации, основанной на доверии граждан. Предлагается ряд шагов по улучшению взаимодействия власти и общества, которые могут способствовать проведению политической модернизации

Ключевые слова: *государственное управление, политическая модернизация, президент, В.В. Путин, глобальное информационное общество*

The article analyzes the major challenges for the modernization of public administration to be addressed to Russian President Vladimir Putin in the coming years. The author believes that the global information society poses to the president and the system of government of Russia in general, a completely new task – to conduct a transparent political modernization, based on the trust of citizens. It is therefore proposed several steps to improve the interaction between government and society that can contribute to political modernization

Key words: *public administration, political modernization, the president, V. Putin, global information society*

Инаугурация президента Российской Федерации В.В. Путина состоялась 7 мая 2012 г. В должности президента ему предстоит работать в абсолютно новой эпохе – глобального информационного общества. Необходимо решать совершенно иные задачи государственного управления, чем те, что стояли перед ним в первые два срока его президентства. Глобальное информационное общество ставит перед президентом и системой государственного управления России в целом абсолютно новую задачу – проведение прозрачной политической модернизации, основанной на доверии граждан.

В эпоху глобального информационного общества, когда сеть Интернет предоставляет гражданам большие возможности мониторинга деятельности государственной власти, государство не имеет возможности скрыть собственные ошибки. Деятельность государственного аппарата становится прозрачной, причем далеко не всегда по желанию самого государственного аппарата. В результате все изъяны государственного аппарата, такие, как коррупция, бюрократия, непрофессионализм чиновников и ряд других проблем, становятся публичными и негативно отражаются на государственном управлении и процессе модернизации. Общество не доверяет любым действиям со стороны власти по модернизации государственного управления, и соответственно, действия государства перестают быть эффективными. Показатели качества государственного управления в России низ-

кие: в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума Россия по показателю «Основные институты государства» по итогам 2008 г. находилась на 110 месте [1], а в рейтинге 2011-2012 гг. наша страна опустилась на 128 место [2].

Чтобы работать в эпоху глобального информационного общества, государству придется самому серьезно измениться, стать более открытым и прозрачным для общества, государством для человека. Сделать государство таким является, с нашей точки зрения – главная задача В.В. Путина на предстоящие годы его работы на посту президента.

Баллотируясь на пост президента, он в своей программной статье «Демократия и качество государства», опубликованной в газете «Коммерсантъ», отметил, что «нам необходимо новое государственное сознание. В центре которого – создание в России лучших, наиболее конкурентоспособных условий для жизни, творчества и предпринимательства. В этой логике должна быть построена деятельность всего государственного аппарата» [3].

Владимир Путин в этой статье предлагает сконцентрироваться на следующих основных приоритетах:

– разорвать связку «власть-собственность». Должны быть четко установлены границы государства, пределы его вмешательства в экономическую жизнь;

– широко внедрять лучшие, жизнеспособные практики работы госинститутов стран-лидеров. Критерий заимствования – доказанная эффективность, которая будет выражаться для каждого гражданина России в комфорте и удобстве получения госуслуг, в снижении финансовых и временных затрат;

– развивать конкуренцию государственных администраторов – губернаторов, мэров, функционеров – на всех уровнях и во всех случаях, когда это целесообразно. Для этого необходимо наладить мониторинг, выявление и широкое внедрение лучших практик госуправления;

– переходить к стандартам госуслуг нового поколения – основанным не на позиции исполнителя, а на позиции потребителя этих услуг;

– штрафовать, а также предусмотреть дисквалификацию чиновников, которые не соблюдают стандарты оказания госуслуг населению и предпринимателям;

– внедрить для качественного улучшения корпуса чиновников систему оплаты труда государственных служащих, позволяющей гибко учитывать состояние рынка труда, в том числе по отдельным профессиональным группам;

– развивать институт омбудсменов – уполномоченных по защите прав, которые должны появиться в каждом субъекте федерации.

Новое государственное сознание необходимо. Предложение В.В. Путина сконцентрироваться на перечисленных приоритетах также заслуживает внимания. Но без определения общей стратегии развития, понимания того, как должна выглядеть система государственного управления России в эпоху глобального информационного общества, эти приоритеты будут размыты и превратятся в модернизацию ради модернизации.

Следует признать, что на протяжении последних двух десятилетий, в период становления новой России, российская политическая элита так и не смогла понять в каком направлении следует развиваться. В итоге, разрушив советский проект глобализации, страна не нашла ему альтернативы.

Политическая модернизация в 90-е гг. происходила в основном за счет простого копирования западных образцов. Россия в очередной раз попыталась встать на путь догоняющей модернизации, стремясь воспроизвести институциональные системы Запада. «Догоняющая» стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа остаются неизменными и дожидаются отстающих стран. Однако это не так.

В итоге Россия в 90-е годы переформатировала свою политическую, экономическую, социальную системы под западные образцы неолиберальной модели глобализации, не учитывая при этом собственные

традиционные ценности. Как результат, Россия в 2000-е гг. оказалась страной с рыночной экономикой, но без собственных ценностей, которые должны естественным путем ограничивать вседозволенность рынка и направлять его развитие, она оказалась дезориентированной. Создалось впечатление, что российская власть не знает, что предложить обществу сегодня. При этом и само общество не в состоянии сформулировать собственное представление о дальнейшем пути развития, поскольку оно, прежде всего, озабоченно процессом зарабатывания денег, то есть рынком. У страны отсутствует цель движения, а в качестве идеологии выступают деньги.

В то время как Россия перестраивалась, большинство западных стран смогли получить выгоды от глобализационных процессов и значительно продвинуться вперед как в экономическом, так и в социальном развитии. Им удалось сделать это во многом благодаря органичным моделям модернизации, не предусматривающим при каждом модернизационном рывке смену политических систем и изменение основ общественного развития.

Очевидно, что препятствием российской политической модернизации является кризис идентичности. Кто мы и по какому пути идти? Вот главный вопрос, стоящий перед властью и обществом, ответ на который лежит в плоскости личностного, индивидуального сознания каждого человека, который родился и вырос в России. В успешность модернизации необходимо верить, только тогда возможно достичь положительных результатов. Трудно проводить модернизацию, в которую в стране почти никто не верит. Чтобы общество поверило в ее успех, необходимо доверие политическим институтам, которые этот процесс инициируют. Доверие же к большинству основных политических институтов в России находится на низком уровне. Именно восстановление доверия общества к власти должно стать первоочередной задачей политической власти России и стратегическим направлением движения. Чтобы добиться этого, нужно провести комплекс мер по модернизации политических институтов и повышению эффективности их работы.

По мнению ученых Б.А. Исаева и Н.А. Баранова, недостаточная эффективность государственной власти в современной России обусловлена несколькими факторами:

– использование российскими реформаторами такой модели модернизации, которая ориентируется на положительные примеры других стран, без учета ценностных ориентаций, способствующих такой модернизации;

– проведение реформ на основе нормативистского, программно-целевого подхода в управлении, слабо учитывающего социокультурные возможности управляемой системы и исходящего из иллюзии о всесильности власти;

– блуждание между реформацией и реставрацией, представляющее собой циклы реформ, где движение по пути демократии и законности прерывается контрреформами, связанными с восстановлением в той или иной форме начал авторитаризма и вседозволенности, мотивированной соображениями практической целесообразности;

– препятствие реформам со стороны бюрократического аппарата [4].

Эти факторы, а также недоверие граждан к российским политическим институтам, не гарантируют создание стабильно действующих демократических политических институтов, поскольку, не обладая поддержкой большинства общества, они становятся не демократичными и не жизнеспособными.

Для успешного развития модернизации в эпоху глобального информационного общества, чтобы люди стали доверять власти, «вертикаль власти», которая выстраивалась на протяжении последних 10 лет, целесообразно дополнить «горизонталью гражданского общества». Необходимо наладить как диалог власти и общества, так и контроль власти со стороны общества. С этой целью следует предпринять ряд шагов:

– признать на уровне высшей политической власти гражданские права и свободы в качестве базисных ценностей государства;

– обеспечить равенство граждан и организаций перед законом и судом;

– преобразовать Совет при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в самостоятельную организацию – Совет по развитию гражданского общества и правам человека – с правом законодательной инициативы;

– наладить контроль за соблюдением органами государственной власти прав и свобод человека посредством создания при каждом органе государственного управления общественных советов, возглавляемых известными людьми, не работающими в этих органах;

– создать региональные общественные палаты в каждом субъекте Российской Федерации;

– предоставить свободу самовыражения и не препятствовать деятельности партий, общественных организаций и движений, выражающих оппозиционные настроения;

– обеспечить свободу средств массовой информации;

– создать условия для развития малого и среднего бизнеса;

– поощрять и развивать благотворительную деятельность, меценатство.

Еще одним необходимым фактором для проведения успешной модернизации системы политических институтов России является краткосрочное и долгосрочное планирование. Необходимо видеть и понимать, в каком направлении следует развиваться и какие цели должны быть достигнуты. Для этого нужно разработать Стратегию развития системы политических институтов России на краткосрочный (5 лет) и долгосрочный (20 лет) периоды.

При разработке Стратегии развития системы политических институтов России в эпоху глобального информационного общества следует учитывать такой важный фактор, как информационное сопровождение модернизации. Необходимо подготовить Концепцию **PR-сопровождения модернизации** с целью включения в Стратегию развития системы политических институтов России в качестве приложения.

Концепция **PR-сопровождения модернизации**, прежде всего, должна быть направлена на разъяснение гражданам ее сути, помогать им в адаптации к новым подходам и методам государственного управления. В этой связи особую роль должны играть средства массовой информации и Интернет.

СМИ и Интернет являются одним из важнейших институтов современного общества. Они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом. Восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире в целом, осуществляются с помощью СМИ и Интернета.

Более того, информации в настоящее время настолько много, она так разнообразна и противоречива, что порой разобраться в ней отдельному человеку не под силу. Поэтому одной из основных задач средств массовой информации и информационно-аналитических ресурсов Интернета является отбор наиболее важной информации и ее представление.

Функции СМИ и информационно-аналитических ресурсов Интернета в PR-сопровождении модернизации системы политических институтов России должны быть следующими:

– информационная: получение и распространение сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях, происходящих в процессе модернизации;

– образовательная: сообщение гражданам знаний, позволяющих адекватно оценивать и упорядочивать сведения, получаемые из СМИ и Интернета;

– разъяснительная: адаптация человека к нововведениям в процессе модернизации политических институтов;

– рекламная: создание и трансляция в СМИ и через Интернет рекламы процесса модернизации;

– артикуляции общественных интересов: в том числе предусматривающая обеспечение представителям различных общественных групп возможность публично

выражать свое мнение, находить и объединять единомышленников, сплачивать их общностью целей и убеждений, четко формулировать и представлять в общественном мнении свои интересы;

– инновационная: инициирование политических изменений путем широкой и настойчивой постановки определенных общественных проблем и привлечения к ним внимания общественности;

– мобилизационная: побуждение людей к определенным действиям, способствующим проведению модернизации.

Подводя итог, отметитм, что глобальное информационное общество – это новый, до конца не изученный феномен политической науки, который вполне может оказаться решающим фактором в развитии и существовании государств в ближайшей перспективе. Россия, в отличие от развитых стран, только сейчас вступает в эпоху глобального информационного общества, и от того, как поведет себя государство в ближайшие годы, будет зависеть судьба страны.

Литература

1. The Global Competitiveness Report 2009-2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gcr.weforum.org/gcr09.

2. The Global Competitiveness Report 2011-2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-2011-2012/#=

3. Путин В.В. Демократия и качество государства // Газ. «Коммерсантъ», 06.02.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.premier.gov.ru.

4. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2009. С. 84.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Партугимов В.В., канд. полит. наук, зав. редакцией информационного обеспечения Дирекции Интернет-технологий, сетевых коммуникаций и социальных медиа-проектов, ИТАР-ТАСС, г. Москва
vpartugimov@yandex.ru

V. Partugimov, Candidate of political sciences, head of the internet desk, ITAR-TASS news agency, Moscow

Научные интересы: модернизация политических институтов и глобализационные процессы

Scientific interests: modernization of political institutions and processes of globalization

УДК 328.188

Тумуров Жаргал Тумурович
Zhargal Tumurov

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

THE FORMATION OF YOUTH PARLIAMENTARISM: THEORY AND PRACTICE

Рассмотрено понятие «молодежный парламентаризм», даны его теоретические характеристики, проведен сравнительный анализ молодежной парламентской структуры Забайкалья

The author considers the concept and theoretical characteristics of the youth of parliamentarism, the practical experience of creation and functioning of youth parliamentarism, a comparative analysis of youth parliamentary structures of Zabaikalie

Ключевые слова: *молодежный парламентаризм, развитие, формирование*

Key words: *youth parliamentarism, development, formation*

Развитие современной молодежи приходится на годы преобразований во всех сферах жизнедеятельности российского общества, на период нового государственного строительства, на время изменения положения России на мировой арене. Реформы могут быть успешными только при активном участии в них молодого поколения. Важно, чтобы молодые граждане были готовы к активному взаимодействию с государством, к участию в решении различных проблем, существующих в современном государстве.

Целью данной статьи является обоснование теории и практики молодежного парламентаризма. Механизм участия молодежи в управлении государством и регионом несовершенен. Доля молодых граждан в органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления крайне мала. В то же время необходимость налаживания сотрудничества государственных и муниципальных органов власти с молодежью, молодежными общественными объединениями и другими организациями, средствами массовой информации в интересах решения молодежных проблем огромна. Одновременно с этим существует проблема отсутствия на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации комплексных программ, обеспечивающих организованное и последовательное привлечение наиболее подготовленных молодых людей на государственную и муниципальную службу, их эффективное участие в жизни страны и ее регионов.

Для разрешения указанных проблем необходимо формирование действенных структур по защите прав и законных интересов молодежи. Значительным шагом в этом направлении является создание общественных консультативно-совещательных структур молодежи, к которым относятся различные формы молодежного парламентаризма, активно развивающегося в нашей стране [1].

Парламентаризм — система политической организации государства, при которой чётко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента.

Классической теорией парламентаризма принято считать английскую теорию,

которая оказалась в своих основных чертах воспринятой и в других странах, в частности, в США и Франции. «Парламент при английском государственном устройстве имеет право создавать и уничтожать всевозможные законы: нет ни лица, ни учреждения, за которым бы английский закон признавал право преступать или не исполнять законодательные акты парламента» [2]. Таким образом, провозглашается принцип законности.

Исторически одной из первых теорий, в которой поднимался вопрос о месте и роли законодательных органов, является теория разделения властей, в соответствии с которой свобода граждан может быть обеспечена только в таком государстве, где законодательная, исполнительная и судебная власти действуют каждая в строго определенной области и взаимно ограничивают друг друга. Объединение двух и более властей, особенно законодательной и исполнительной, в одних руках неминуемо приводит к созданию в стране произвола. Основоположниками теории разделения властей являются два мыслителя, ставшие в определенной степени провозвестниками «революционных» перемен в своих странах: англичанин Джон Локк и француз Шарль Монтескье. В интерпретации Ш. Монтескье концепция разделения властей получила свое отражение и закрепление в конституционных актах, многие из которых сохраняют свое действие и по настоящее время [3].

Молодежный парламент – социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодежных общественных объединений [4]. В системе социального управления молодежный парламент выполняет, прежде всего, ориентирующую роль, определяя видение проблем, а также поиск путей их решения. Молодежный парламентаризм можно определить и как совокупность намерений и способов действий по их осуществлению, формируемых обществом через свои институты по отношению к той или иной сфере жизнедеятельности.

Молодежный парламентаризм характеризуется:

– субъектом – личностью либо органом, формирующим и проводящим ее в жизнь;

– объектом – сферой политизации жизни общества;

– целью – образом желаемого будущего состояния этой сферы;

– средствами – типами (способами) действий, позволяющих достичь цели.

Цель развития молодежного парламентаризма – привлечение молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодежных общественных консультативно-совещательных структурах, прежде всего, молодежных парламентах [5].

Молодежный парламентаризм в России появился во многом благодаря тому, что возникла необходимость заполнить нишу в воспитании молодежи, которую раньше занимали молодежные структуры. Кроме того, 74 % населения выступают за заимствование советских форм работы с молодежью, 82 % считают, что нужна государственная программа по работе с молодежью [6]. Молодежный парламент – это одна из форм привлечения молодежи к участию в управлении делами государства, а также школа обучения политическому процессу.

Молодежный парламентаризм – система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства.

Политика в области молодежного парламентаризма осуществляется определенной иерархией субъектов. Прежде всего, такими субъектами являются молодежные общественные организации и движения. В программах лидеров общественных

объединений могут содержаться намерения, затрагивающие сферу политики. Но в отличие от экономических и социальных программ политический аспект выделяется особо, так как политики предпочитают вмешиваться в молодежную парламентскую сферу, ибо она меньше всего поддается регламентации [7].

Основными перспективными направлениями молодежного парламентаризма должно являться:

1) самостоятельное выявление проблем и пробелов в реализации молодежной политики;

2) получив достаточную правовую базу, участвуя в деятельности парламента, молодежь способна сама генерировать и предлагать изменения и дополнения в действующие законы;

3) необходимое взаимодействие органов государственной и муниципальной власти в проведении эффективной молодежной политики.

Данные направления могут быть реализованы только при наличии особых субъектов, в чьем ведении находятся основные ресурсы, необходимые для реализации. Одним из важных субъектов политики выступает государство. Оно формирует и осуществляет молодежную политику через законодательную и исполнительную ветви власти, прежде всего, через парламент, его комитеты и комиссии и законотворческую деятельность.

Исполнительная власть проводит политику парламентаризма через специализированные органы: министерства культуры, печати и информации, образования, науки и технической политики, госкомитет, центральные органы управления.

Если говорить о взаимовлиянии парламентаризма и социально-политической сферы, то следует иметь в виду, что политические режимы, социальные процессы, происходящие в обществе, оказывают влияние на качество и содержание жизни молодежи в обществе.

Молодежный парламентаризм способен к саморазвитию в любых условиях, что подтверждает и наше историческое прошлое. Достаточно назвать такие имена, как А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Платонов, которые в какой-то мере были идеологами активной жизни молодого поколения, своих современников.

Молодежный парламентаризм как система должен создавать гарантии свободы творчества, содействовать раскрытию потенциала молодых граждан, обеспечивать равенство их прав и возможностей в создании, использовании и распространении культурных ценностей, поощрять систему образования, нацеленную на формирование культурного образа жизни, приобщение к ценностям национальной и мировой культуры.

Одной из важных задач культурной политики является содействие профессиональной творческой деятельности, в том числе, получению специального образования, социальному обеспечению и защите прав и законных интересов профессиональных работников. Необходимо создавать условия для широкого международного сотрудничества, которое может включать обмен творческими работниками и коллективами, специалистами и студентами, обмен опытом организационной деятельности, а также культурными ценностями. Все это должно являться основным идеологическим направлением.

Существенным катализатором был и политический (идеологический) заказ, требовавший разработки определенных идеальных образцов политических систем, в основе которых лежала бы модель эффективной линии молодежного парламентаризма в России.

Именно политический заказ явился основой для разработки особой рекомендации Министерством образования и науки Российской Федерации для органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций.

При рассмотрении данной рекомендации использованы следующие понятия:

1) молодежный парламентаризм — система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и

функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства;

2) молодежное парламентское движение – деятельность, направленная на формирование и развитие общественных консультативно-совещательных структур молодежи на различных уровнях государственного управления.

Очевидно, что инициатива по созданию легитимных представительных органов молодежи находит поддержку и у власти, и молодежи. Процесс развития молодежного парламентаризма в России становится необратим.

Практическая реализация рекомендаций началась с 2004 г., однако в некоторых субъектах Российской Федерации фактически реализовывалась общественная форма молодежного парламентаризма. Одна из таких форм – на территории Агинского Бурятского автономного округа в виде слетов. Это дало повод инициировать создание молодежного парламента при Агинской Бурятской окружной Думе, которая была создана в 2002 г. За годы своего существования Молодежный парламент Агинского округа провел немалую работу, начиная с реализации закона о молодежной политике Агинского округа, заканчивая реализацией некоторых программ, связанных именно с молодежью.

Агинский Бурятский автономный округ являлся одним из небольших по территории субъектов Российской Федерации. Именно компактность, разделение территории на три района и малочисленность позволили молодежному парламенту выступать высшей организацией от лица молодежи. Она активно взаимодействовала с органами государственной власти. Созданный при Агинской окружной Думе молодежный парламент получил большую правовую, финансовую и организационную помощь.

Несколько своеобразна система молодежной парламентской структуры. Постановление Читинской областной Думы «О Положении об общественной молодежной палате при Читинской областной Думе» принято 21 июня 2006 г. Еще до создания Молодежной палаты при законодательном органе области с 2004 г. действовал так называемый молодежный парламент Читинской области.

По положению молодежная палата должна была содействовать деятельности Читинской областной Думы в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. Задачами являлись приобщение молодежи к законотворческой деятельности и формирование правовой и политической культуры молодежи Читинской области [8].

Это единственный региональный молодежный парламент, где представлены все районы области. Территориальное присутствие преследовало глобальную и долгосрочную реализацию планов по созданию молодежных парламентских структур в муниципальных районах.

После образования Забайкальского края молодежные парламенты двух объединившихся субъектов стали разрабатывать нормативно-правовую базу по созданию новой молодежной парламентской структуры при Законодательном Собрании Забайкальского края. Проведено несколько рабочих встреч, где достаточно продуктивно велись переговоры по формированию, структуре и численности будущего молодежного парламента.

Во время работы молодежная палата Читинской области разработала концепцию и программу развития молодежного парламентаризма, одним из пунктов которой является создание парламентских структур по решению органов законодательной власти муниципалитетов, что упрощает процесс принятия и реализации решений молодежного парламента. Кроме того, в данном случае ни одна общественная организация не сможет претендовать на монопольное использование созданного органа в своих интересах.

Стартовые возможности осуществления конкретных крупных планов очень вы-

соки потому, что опыт работы молодежных парламентских структур нужно оценить высоко, кадровая составляющая активных представителей молодежных парламентов оформлена. Остается ждать решения органов государственной власти Забайкальского края. Действует нормативно-правовая база по созданию и деятельности молодежной парламентской структуры Забайкальского края. Численность данного парламента сокращается с 64 до 50 человек, механизм формирования частично изменена, цели и задачи расширяются.

Кроме того, следует отметить необходимость омоложения кадров в связи с формированием и реформаторской деятельностью Правительства края. Одним из пунктов должна быть подготовка молодых специалистов по административной работе, создание молодежного правительства при Главе субъекта Российской Федерации, что способствовало бы активизации молодежи, которая находится в сельской местности.

Исходя из изложенного, дадим следующее определение понятия: «Молодежный парламентаризм – это модель социального управления молодежью для реализации и достижения целей молодежной политики».

На современном этапе развития молодежного парламентаризма можно выделить основные функции молодежных парламентских структур:

1) представление интересов молодежи в органах власти.

Это способствует достижению конкретных социальных и экономических результатов, вовлечению молодых граждан в общественно-политические процессы, повышению общей правовой культуры и гражданской активности молодежи;

2) участие в нормотворческой деятельности, прежде всего в сфере государственной молодежной политики.

Подготовка и выдвижение своих нормотворческих инициатив дают возможность молодежи влиять на определение основных направлений государственной молодежной политики, расходной части бюджета в части, касающейся реализации молодежной политики, и иные вопросы;

3) подготовка молодых кадров;

Молодежные парламенты и иные молодежные парламентские структуры – сфера выявления молодых лидеров, интересующихся общественно-политической и управленческой деятельностью. Применение различных форм и методов работы в рамках системы молодежного парламентаризма позволяет одновременно получать некоторые академические знания и приобретать практические навыки управленческой работы. В то же время из числа членов молодежных парламентов формируется группа единомышленников с активной жизненной позицией, готовых поддержать и совместно реализовывать идеи и программы органов государственной власти (местного самоуправления), направленные на развитие региона (муниципального образования). Практическая работа молодых людей и их знакомство с законотворческой, управленческой и общественной деятельностью является важным компонентом подготовки грамотных специалистов для соответствующего субъекта Российской Федерации;

4) проведение социально значимых мероприятий.

Молодежные парламентские структуры принимают активное участие в реализации государственных (местных) программ и отдельных социально значимых акциях, проводимых на уровне региона (муниципального образования). К работе по осуществлению данных мероприятий привлекаются не только сами молодые парламентарии, но и те общественные объединения, которые они представляют (молодежные общественные организации, студенческие профсоюзы, активы сельской молодежи и т.д.).

Члены молодежного парламента в разных формах могут привлекаться к акциям, проводимым соответствующим органом по молодежной политике, который и определяет формы такого взаимодействия;

5) просветительская деятельность.

С одной стороны, это организация обучения молодых людей – членов молодежных парламентских структур. С другой – просветительская деятельность в широкой

молодежной среде, направленная на повышение правовой культуры молодых избирателей и доступности общественно-политической информации, формирование активной гражданской позиции молодых людей. В реализации этого направления деятельности основными партнерами могут и должны быть избирательные комиссии всех уровней.

Таким образом, молодежный парламентаризм – это реальный инструмент привлечения молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации эффективной молодежной политики.

Литература

1. Пономарева И. Быть молодым – быть активным / Новое время. 2009. № 28. С. 7.

2. Загладин Н. США – общественно-политическое развитие на рубеже нового века // Мировая экономика и международное развитие. 2001. № 5. С. 3-14.

3. Кутафин О.Е. Основы государства и права. М., 1998.

4. Кострова Е. Молодежное парламентское движение как одна из форм молодежного самоуправления // Журнал о выборах. 2008. № 4. С. 10- 15.

5. Тумуров Ж.Т. Развитие молодежного парламентаризма в Забайкалье: Сб. ст. избирательной комиссии Читинской области, 2009.

6. Коряковская А. Молодежный парламентаризм – общественное явление современности // Социологические исследования, 2010.

7. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52.

8. Постановление Читинской областной Думы 21 июня 2006 г. за № 183 «О Положении об общественной молодежной палате при Читинской областной Думе».

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Тумуров Ж.Т., ассистент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) zhargal@list.ru

Научные интересы: политика, международная политика, молодежный парламентаризм

Zh. Tumurov, assistant, State, Municipal Administration and Policy department, Zabaikalsky state University

Scientific interests: politics, international politics, youth parliamentarism

УДК 327 (075)

Шарапов Александр Константинович
Alexsander Sharapov

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ

GEOPOLITICAL AREA – THE CATEGORY'S CONTENT ANALYSES

Дается определение категории «геополитическое пространство». Рассматривая его в качестве сложного, многоуровневого коммуникационного образования, формирующегося на основе взаимодействия социально-политической сферы и природно-географической среды, раскрывает содержание его структурных элементов

Ключевые слова: *геополитическое пространство, геополитические опорные точки, геополитические барьеры, геополитический потенциал, геополитические структуры влияния, геополитические буферные зоны*

In the given article the author defines the notion of geopolitical area considering, multilevel communication formation which comes into being on the interaction between socio-political sphere and geographical environment. He also reveals the meaning of its structural components

Key words: *ggeopolitical area, geopolitical data points, geopolitical barriers, geopolitical potential, geopolitical patterns of influence, geopolitical buffer zones*

Актуальность обращения к данной проблеме определяется тем, что в настоящее время в политический оборот внедрена и активно применяется одна из основных категорий геополитики «геополитическое пространство» (ГП), которая не получила должного теоретического раскрытия своего содержания в научных исследованиях. По нашему мнению, структура ГП формируется из двух основополагающих, взаимодействующих оснований, *материально-физического и идейно-духовного*. В пределах первого лежит территория государства (империи, политического союза, военного блока государств), а также, в определённой степени, территориальное пространство, находящееся под контролем вне государственных структур как субъектов геополитического процесса, таких как транснациональные компании, террористические сети, организационные структуры транснациональной преступности, со всеми присущими ей характеристиками и параметрами, опирающимися на природную географическую среду. *Идейно-духовное о*пирается на коммуникационное взаимодействие нематериальных полей влияния в виде информационного, идеологического, духовного и всей гаммы общественных интересов и отношений.

Таким образом, ГП вбирает в свои параметры, с одной стороны, материальное основание как базовое, имеющее достаточно выраженные и закреплённые физические пределы своего распространения, а с другой – пульсирующую область полей влияния с «ускользающими» характеристиками, как правило, выходящие за границы территории субъектов геополитического процесса. На основании изложенного геополитическое пространство определяется в качестве системного, многоуровневого образования, обладающего протяжённостью своей структуры, нелинейно развивающегося в историческом времени через коммуникационное взаимодействие социально-политической сферы с природно-географической средой.

Экстраполируя подход С.А. Модестова, есть основание утверждать, что процесс формирования ГП изначально осуществлялся эволюционным путём, на основе естественного расселения и освоения незаселённых районов географического пространства. В последующем он опирался на прямую территориальную экспансию с применением разнообразных средств и методов её осуществления. В новейшей политической истории этот процесс связан с «выделяющимся переносом основных конкурентных усилий в новые, особенно активно осваиваемые измерения геополитического пространства в связи с исчерпанием возможностей экстенсивного геополитического развития в традиционном измерении» [1]. По своему содержанию ГП представляет интегральную систему, развивающуюся через взаимодействие таких её основных, разновеликих сфер, как природно-географической, социально-политической, экономической, духовно-культурной, информационно-идеологической, которые, в свою очередь, формируют подвид геополитического пространства. На основе анализа эмпирического материала предлагается следующая модель ГП, которая включает следующие основные структурные элементы: *геополитические опорные точки* – доминирующая область ГП, контроль над которой обеспечивает эффективное управление всей сферой или значительной частью ГП. К его элементам относятся проливы, каналы, стратегические перевалы, источники пресной воды, доступные для освоения районы, насыщенные природно-минеральными ресурсами, отрасли экономики, определяющие научно-техническое доминирование в конкурентном противоборстве субъекта геополитического процесса. В качестве примера логично привести стратегическое значение Ормузского пролива, проход судов по которому контролирует Оманский Султанат и Иран. Географическое положение двух исламских стран таково, что они, контролируя т.н. «нефтяные ворота» Персидского залива – т.е. выход из Персидского залива, формируют и затрагивают зону стратегических интересов не только Тегерана и Маската, но и многих других держав, так как через пролив проходит, по разным оценкам, от трети до 40 % транспортировки нефти планеты [2].

Подобных геополитических опорных точек на политической карте мира насчитывается значительное количество, которые в настоящее время все более проявляют себя, особенно это касается минеральных ресурсов, которые становятся доступными к освоению. Опираясь на индустриально-технический, научный потенциал государств, начинают реализовываться проекты, которые были невозможны в недалёком прошлом. Приобрел значение проект строительства канала, соединяющего Чёрное и Средиземное моря, через территорию Турции. Рассматривается проект строительства судоходного канала из Каспийского моря через территорию Ирана в Аравийское море. Становится очевидным, что в настоящее время достаточно чётко наметилась тенденция, связанная с интенсивным расширением количества геополитических опорных точек в мировом пространстве, формирование которых определяется геостратегическими приоритетами, целями и возможностями «старых» и формирующихся «новых» центров силы.

Геополитический потенциал рассматривается как вся совокупность ресурсов, которыми обладает субъект геополитического процесса для реализации своих интересов и заявленных целей. Геополитический потенциал отражает не только уровень развития ресурсов, но и его ёмкость, плотность их размещения в геополитическом пространстве. Прежде всего, к геополитическим ресурсам мы относим пространственные, природные, политические, экономические, научные, военные, информационные, культурные, идеологические, организационные возможности государства, способность его их реализовать во всём их многообразии и специфике применения. Геополитический потенциал рассматривается из понимания того, что это динамичная социальная сила, вбирающая в себя базисную основу для реализации постав-

ленных задач субъектами геополитики. В то же время, его состояние в значительной степени определяется востребованностью политической системой, тех параметров, в которых она нуждается. Если в доиндустриальную и индустриальную эпоху на первый план выступала значимость физического пространства как фактора геополитического влияния, то в современных условиях в связи с появлением качественно новых типов ресурсов наблюдается процесс его «сжатия». Всё в большей степени приобретают значение интеллектуальные, информационные ресурсы, которые становятся активным инструментом в трансформации содержания геополитического пространства. Целенаправленное применение информации превращает её в действенный механизм воздействия на общество. В руках политических сил информационные технологии непосредственно становятся оружием прямого или опосредованного влияния на характер и направленность политического процесса.

В настоящее время в политическом обороте уже внедрены такие категории, как «информационная война», «информационная операция», «информационное оружие», которые наглядно характеризуют значение информации в системе преобразования геополитического пространства [3].

Геополитические центры силы (внутренние, внешние) – субъекты геополитического процесса, обладающие широким комплексом ресурсов, опираясь и включая их в геополитический процесс, способны формировать необходимый им доминирующий алгоритм развития геополитического пространства как на региональном, так и на глобальном уровнях. Подобные центры имеют возможность проецировать свои устремления на избранный объект влияния, применяя имеющийся геополитический потенциал в конкретной или прогнозируемой политической обстановке. Но при этом необходимо понимать, что промежуточный, конечный результат такого воздействия будет носить лишь вероятностный тип развития.

Геополитические структуры влияния представляют собой различного рода информационные, культурные центры, военные базы, политические, общественные, неправительственные организации (НПО) и т.д., внедрённые в геополитическое пространство объекта воздействия или находящиеся вне его юридических границ, через которые осуществляется проведение воли определённого центра силы. Примером подобного рода влияния может служить реализуемая США практика развёртывания в глобальном масштабе системы военных баз. Так, на начало XXI в. у США насчитывалось не менее 700 иностранных военных баз в 130 странах мира, которые с полным основанием необходимо рассматривать как центры политического, военного, экономического, информационного влияния на страну пребывания или целый регион. Так, бригадный генерал морской пехоты США Мартин Робсон утверждает,…что для ведения «превентивной» войны нам необходимо «глобальное присутствие», под которым он подразумевает «заполучить гегемонию над любой страной, ещё не находящейся у Америки под каблуком» [4]. Подобные структуры влияния имеют различную направленность, в том числе ориентированных на коренное изменение общественного строя, приведение с помощью них к власти таких политических структур, которые отвечали бы геополитическим интересам проецирующего центра силы.

В этом отношении интересен «опыт» подобного политического переустройства в бывшей ГДР. С помощью ЦРУ в этой стране к 1990 г. создано около 190 различных общественных образований, на первый взгляд совсем с неполитическими названиями: «кружки в защиту мира», «экологические группы», «женские группы», «кружки врачей» и т.д. Кроме этого, существовало около 10 образований со специфическими координирующими функциями – «Комитет – конкретно за мир», «Рабочий кружок – солидарная церковь», «Экологическая сеть Ковчег» [5]. В последующем они стали теми агентами влияния, опираясь на которые осуществлена «бархатная революция» в этой стране. В качестве фактора актив-

ного геополитического влияния включены и специальные службы. В структуре Национального Совета по разведке США существует Секция российских и евразийских исследований (National Intelligence Office for Russia and Eurasia) (NIC), «которая участвует в координации финансирования и методического обеспечения западных и прозападных неправительственных организаций (НПО) в странах Восточной Европы и бывших республиках СССР, создавая здесь эшелонированную сеть влияния. К этой работе привлекаются представители оперативных подразделений разведсообщества, крупных медиа-холдингов, транснациональных корпораций, а также многочисленных «гуманитарных» организаций, таких как Фонд Сороса, Фонд «Евразия», Фонд Макартуров, Джеймстаунский фонд, Фонд Карнеги, Национальный демократический институт, Институт Альберта Эйнштейна, Фридом Хаус, Эмнести Интернэшнл, Хьюмэн Райтс Вотч и др.

Одновременно на другом уровне влияния США на Россию действуют многочисленные региональные центры, развернутые по периметру границ РФ. Как правило, это филиалы крупных международных, чаще американских, организаций в Польше, Чехии, Грузии, Турции, странах Балтии. Их значение резко возросло после ужесточения условий деятельности иностранных НПО в России в связи с принятием соответствующих законов. Эти структуры организуют тренинги местных правозащитников, борцов за «толерантность», демократию, либеральные ценности и т.д., занимаются их финансированием, методическим обеспечением, информационной поддержкой, а также первичной обработкой добываемой информации и её переправкой в США. Основная форма поддержания контактов – Интернет и проведение регулярных выездных семинаров, на которые приглашаются «активисты» из России и стран СНГ» [6].

Конфликтогенные узлы (рубежи) геополитического противостояния – пересечение в определённой зоне (точке) геополитического пространства противоположных, несовпадающих интересов субъектов геополитического влияния, создающее предпосылки для формирования между ними конфликта различной направленности, интенсивности, широте, его протекания в сформировавшемся противостоянии. По времени их проявление может носить длительный, среднесрочный или краткосрочный характер. Как правило, оно затрагивает несколько сфер, включая территориальную, экономическую, военную, идеологическую, духовную и т.д., в силу чего приобретает интегрированный тип функционирования. В качестве примера является сложившейся характер отношениях между Индией и Пакистаном. Проблема территориального размежевания одновременно сочетается с религиозно-духовной составляющей, не имеющая в ближайшее время какой-либо положительной динамики её разрешения. Конфликт тем самым приобретает «замороженный» тип функционирования, потенциально несущий угрозу территориальной (пространственной) целостности обоим государствам, обладающим ядерным оружием. В целом, в настоящее время только по островной проблематике насчитывается более десятка спорных территорий между субъектами международного права. В центре территориальных споров стоят Фолклендские (Мальвинские острова) в Южной Атлантике, Парасельские острова в Южно-Китайском море, архипелаг Спратли, острова Такешима (Ток-До, Лианкур) в Тихом Океане и т.д. [7]. Если проблемы территориального размежевания ещё как-то можно обозначить и очертить через их физические границы, то противостояние в духовной, идеологической областях, проходящее через общественное сознание, с укоренившимися традициями, менталитетом народов предельно сложно. В данной сфере подобную материально-физическую форму измерения применить фактически невозможно.

Геополитические границы разделения сфер влияния – юридически закреплённые, де факто, традиционно сложившиеся границы (пределы) распространения сфер влияния геополитических субъектов в ГП.

В сфере реальной политики современное общество нередко сталкивается с ситуацией, когда достаточно отчётливо и нередко в явочном порядке наиболее сильные субъекты геополитического процесса стремятся зафиксировать границы распространения своего влияния в геополитическом пространстве, не исключая их дальнейшее расширение. Подобного типа границы не имеют жёстко закреплённого статуса, часто опираются на исторически, традиционно сформировавшуюся область геополитического присутствия конкретного субъекта в ГП. И любое вторжение в данную область, как правило, вызывает сопротивление присутствующей в данном регионе (сфере) геополитической силы. По всей видимости, классическим примером в этом отношении может служить реализация США «доктрины Монро», в соответствии с которой Латинская Америка на протяжении двух столетий рассматривалась своеобразной вотчиной интересов США, вторжение в которую со стороны третьих стран встречало активное противодействие со стороны политических кругов США. В современных условиях, реализуя провозглашенный западной школой геополитики принцип «подвижности границ», США, опираясь на экономическое, военно-техническое, культурное превосходство, осуществляет активное расширение сфер своего влияния в новых областях геополитического пространства, определяемых ими как зону их национальных интересов. Попытки США и других стран Запада вытеснить Россию из этой жизненно важной для неё части ГП, определяемое как «постсоветское», практически полностью совпадающее с «исторической территорией России», естественно встречает со стороны руководства государства активное противодействие [8]. В Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., говорится, что приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ [9].

Геополитические буферные зоны – определённая часть ГП, находящегося между противостоящими центрами силы, выполняющая функцию «компенсирования», смягчения давления одного субъекта по отношению к другому, способствующая предупреждению от их прямого столкновения или перенесение противостояния центров силы в область буферной зоны. Подобные геополитические буферные зоны получили свое развитие в качестве так называемых «санитарных зон», «линий водораздела», «санитарного кордона». Подобный тип буферной зоны рассматривался её архитекторами в 20-30-е гг. XX в. в виде специфического геополитического барьера, из числа лимитрофных государств, призванного защитить страны Западной Европы от проникновения коммунистической идеологии и «экспорта революций» со стороны Советской России. Такую зону, вдоль западных её границ (СССР), образовали такие страны-марионетки, как Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Эстония, Латвия, Литва.

Геополитические барьеры – часть геополитической среды (пространства), являющейся трудно преодолимым препятствием для распространения, расширения сферы влияния одного субъекта геополитики по отношению к другому. Барьерами подобного типа могут быть структурные сегменты географической среды, экономической, политической, идеологической, социально-культурной и других сфер. Наиболее выраженными проявлениями подобного типа барьеров являются, прежде всего, географические, представляющие горные системы, акваторию морей и океанов, трудно преодолимые безводные пустыни и т.д. Классическим примером подобного типа барьера может служить прикрытие территории США двумя океанами, что обеспечивало эту страну от возможности прямого внешнего вторжения на их территорию на протяжении всего периода их существования. В условиях развернувшейся между двумя системами «холодной войны», в начале 50-х гг. XX в., Советский Союз, не обладая стратегической авиацией, способной «достать» США, был вынужден активно осваивать арктическое побережье и льды Северного Ледовитого океана. Созданная там

авиационная группировка, ледовые промежуточные аэродромы «подскока» обеспечивали авиации, в случаи возникновения вооружённого конфликта, нанесение ответных ударов по территории США через Северный полюс. Тем самым это в максимальной степени снижало уровень защищённости США мировым океаническим пространством. После запуска в СССР в 1957 г. первого искусственного спутника земли стало очевидным, что появился качественно новый тип доставки средств поражения, для которого пространство начинает «сжиматься» в своей протяжённости и «течении» времени [10]. С появлением качественно новых средств коммуникаций, вооружений, географические барьеры утрачивают своё былое стратегическое значение. Особое место в этом отношении занимают барьеры, опирающиеся на идеологическое, духовное, культурологическое основание, проходящие через мировоззрение, «душу» человека, которые нередко становятся непреодолимой преградой для иных взглядов, ценностных ориентиров, политических устремлений, формирующие конфликтную рубежность в течение длительного исторического времени между народами и государствами.

Геополитическое «окно», «шлюз» — специфическая зона геополитического пространства, когда в его параметрах образуется «коридор», через который осуществляется прорыв изоляции геополитического субъекта и активизируется взаимодействие с внешним миром. В то же время геополитическое «окно» может служить инструментом для проникновения в «тело» геополитического субъекта идей, технологий, ценностей, духовных ориентиров, нацеленных на дестабилизацию политической, экономической, социальной сфер. В последующем их разрушение с целью взятия под контроль и управление геополитическим субъектом со стороны внешних или внутренних сил влияния.

Таким образом, геополитическое пространство необходимо рассматривать через призму протяжённости географической и социально-политической среды, формирующейся в процессе их взаимодействия в параметрах развивающегося исторического времени, при включённости в него всех других сфер социума. Геополитическое пространство — это изменяющаяся система, включающая разновеликие по своей значимости структурные сегменты социального и природного характера.

Литература

1. Модестов С.А. Системно-ресурсный подход к геополитике XXI века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ni-journal.ru/archive/dc347408/47943eaf/f4b2dd12/be634fe1/.

2. Гордеева Е. Ормузский пролив — центр столкновения Ирана и США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://topwar.ru/9872-ormuzskiy-proliv-centr-stolknoveniya-irana-i-ssha.html.

3. Волконский В.И. Информационные войны как угроза национальной безопасности России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.volkovsky.ru/publications/articles/show.php?id=35.

4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://left.ru/2004/5/johnson104.html.

5. Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. С. 167 (Досье) (С. 446).

6. Манкие Марат. Механизмы влияния США на Россию и СНГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://regnum.ru/news/polit/1377502.html#ixzz1EsExDGjR.

7. Свиридов В. Острова раздора [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://press.try.md/item.php?id=33248.

8. Суслов Д.В. Роль США сегодня и завтра: сборник. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить // Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 343-357.

9. Концепция внешней политики РФ 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. rg. /2008/05/26/koncepciya-dok.

10. Козин В.М. Резонансный метод разрушения ледяного покрова. Изобретения и эксперименты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rae.ru/monographs/11.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Шарапов А.К., канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)

A. Sharapov, Candidate of Political Sciences, associate professor, state, municipal administration and politics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: изучение проявлений политического экстремизма в различных сферах общественной жизни, проблемы современной геополитики

Scientific interests: study of manifestations of political extremism in various spheres of public life, problems of modern geopolitics

Социологические науки

УДК 325 (571.55)

Бадмаева Людмила Владимировна
Lydmila Badmaeva

Башкуева Елена Юрьевна
Elena Bashkueva

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЙ СРЕДЕ

CHINESE STUDENTS IN ZABAIKALSKY KRAI: PROBLEMS OF ADAPTATION AND COMMUNICATION IN THE ACCEPTING ENVIRONMENT

Рассматриваются проблемы адаптации и коммуникации учебных мигрантов из Китая в Забайкальском крае. На основе результатов сплошного анкетного опроса китайских студентов установлены особенности их социокультурной адаптации в иноязычной среде; определены факторы, способствующие лучшей интеграции учебных мигрантов в принимающем социуме. Особое внимание уделено коммуникативным аспектам адаптации

Ключевые слова: *адаптация, учебный мигрант, китайский студент, принимающая среда, интеграция в новую среду, коммуникационные аспекты адаптации*

This article discusses the problems of adaptation and communication of training migrants from China in Trans-Baikal region. On the basis of the results of a questionnaire survey of Chinese students, the peculiarities of their social and cultural adaptation in a foreign language environment are established; factors that contribute to a better integration of education of migrants in the host society are defined. The special attention is given to communicative aspects of adaptation

Key words: *adaptation, training migrant, Chinese student, host environment, integration into a new environment, communication aspects of adaptation*

Построение «информационного общества» в современном Китае подразумевает подготовку корпуса высококлассных специалистов. С этой целью сфера образования КНР как одно из ключевых направлений своей деятельности стала выделять расширение международных обменов студентами. Этот феномен определяется как неотъемлемая составляющая политики открытости и геополитической стратегии страны «Идти вовне». Укрепление связей между вузами России и университетами Китая становится одним из показателей интенсификации российско-китайского сотрудничества в сфере науки, образования, культуры и т.д. Хотя основная масса китайских студентов выбирает для обучения вузы США, Европы и Японии, за последние годы наблюдается устойчивый рост учебных мигрантов, получающих образование в России. Отечественные вузы привлекательны для данного контингента сочетанием невысо-

кой платы за образование и сравнительно неплохим его качеством. Несомненными плюсами образовательной системы России являются ее фундаментальность и глубокая теоретическая подготовка в сочетании с прикладными аспектами, что делает выпускников российских вузов востребованными на рынке труда. Существенной причиной, определяющей рост интереса к российским образовательным услугам, является и развитие экономического сотрудничества между Россией и Китаем. В свою очередь, для этого требуются высокопрофессиональные кадры со знанием русского языка. Студенты, получающие образование в России, представляют собой для страны своеобразных «агентов влияния», в перспективе способных стать двигателями для наращивания российско-китайского стратегического партнёрства. Для принимающей стороны заинтересованность в иностранных студентах вызвана, главным образом, тем обстоятельством, что по причине «демографического провала» численность абитуриентов – российских граждан – ежегодно сокращается. В этих условиях обучение иностранцев в какой-то мере решает проблему обеспечения занятости профессорско-преподавательского состава российских вузов. Региональная экономика также может получить от учебной миграции политические, социальные, экономические и демографические эффекты [1; С. 53].

Большим потенциалом выхода на международный рынок образовательных услуг обладают вузы Забайкальского края, приграничное расположение которого способствует этому. Высокие конкурентные возможности края на рынке международных образовательных услуг обусловлены не только территориальным преимуществом. В современной России «можно найти не только позитивные примеры межэтнических взаимодействий» [2; С. 56]. По данным отечественных исследователей, ксенофобские, националистические настроения присущи большинству населения России, в особенности по отношению к определенным этническим меньшинствам. При этом мигрантофобия и ксенофобские настроения чаще всего фиксируются в центральных регионах России. Поэтому периферийные приграничные регионы стали привлекать иностранных студентов как более безопасные и спокойные, что выглядит как одно из конкурентных преимуществ края в заданном ракурсе. Вместе с тем, расширение контактов приграничных территорий в образовательной сфере подразумевает наличие и конкурентоспособного принимающего социума в лице самих вузов, представителей государственных, правоохранительных органов и других социальных слоев и групп населения края.

С целью изучения социального самочувствия студентов из Китая в регионе-реципиенте, выявления основных проблем их адаптации и коммуникации в принимающем социуме Забайкальского края, авторами в 2011 г. проведен анкетный опрос китайских студентов, обучавшихся в ЧитГУ и ЗабГГПУ. Отметим, что в вузах центральных регионов и ряда крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, Томск, Хабаровск) подобные опросы иностранных студентов проводятся регулярно, а в некоторых из них процессы адаптации и коммуникации учебных мигрантов отслеживаются в виде мониторингов.

Китайские студенты, прибывшие в Россию с целью получения образования, представляют особую социальную и возрастную категорию мигрантов, характерной чертой которой является необходимость адаптации к условиям трансформирующейся иноэтничной среды и изменившимся условиям жизнедеятельности. Для повышения эффективности управления процессом социальной адаптации учебных мигрантов из КНР необходимо адекватное понимание проблем адаптации и коммуникации, с которыми они сталкиваются в процессе обучения и интеграции в иноэтничный социум. Преодоление фрустрирующих обстоятельств, осложняющих пребывание в чужеродной среде, представляется как главный залог успешности их адаптации, а отсюда и обучения.

В современной научной литературе адаптация рассматривается как сложный

многоаспектный процесс, тесно связанный с процессом взаимодействия индивида и новой социокультурной среды. Адаптация в иноэтничном социуме к чужеродному социальному окружению к специфике российской высшей школы «сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов-иностранцев» [3; С. 124]. В контексте нашего исследования структурообразующей составляющей социальной адаптации выступает базовая интерактивная матрица: «субъекты адаптации (адаптанты) – адаптивная среда (принимающее этнокультурное сообщество); все прочие структурные элементы актуализируются в данном контекстуальном поле» [4; С. 41]. Молодые люди, приехавшие учиться в Россию, вынуждены не только осваивать учебу в высшем учебном заведении на неродном языке, но и адаптироваться к совершенно незнакомому обществу и культуре. Вместе с тем, китайские студенты являются, по сути, визитерами. Их пребывание в нашей стране ограничено временем обучения, что обуславливает особенности адаптационного поведения. Важное значение для адаптантов имеет и социокультурная среда принимающего сообщества, ее особенности и специфика. Забайкальский край является полиэтничным сообществом, в котором проживают русские, буряты, татары и другие этнические группы. Социальная среда Забайкальского края успешно синтезирует в себе традиции и ценности всех проживающих в нем народов. В этом субъекте федерации наблюдается достаточно толерантная среда по сравнению с регионами РФ с одним численно доминирующим этносом. Здесь широко представлена не только православная, как в большинстве российских регионов, но и буддийская культура, близкая китайским образовательным мигрантам. Тем не менее, в мировосприятии, поведенческих стереотипах и коммуникации существуют различия, которые способствует возникновению барьеров между китайскими студентами и принимающим обществом. Так, конфуцианская культура, носителями которой являются китайские студенты, значительно отличается от системы ценностей и традиций России.

Социальная среда учебных мигрантов представляет широкий разветвленный ареал общения: взаимодействие с преподавателями, студентами-россиянами, управленческим персоналом учебного заведения и обслуживающим на предприятиях торговли, общепита и т.д., в транспорте, быту. Таким образом, основное свойство взаимодействия китайских студентов с принимающей средой – интерактивность, которая требует не только владения русским языком, коммуникабельности, но и соответствия нормам поведения. Перед принимающей стороной стоит задача обеспечения благоприятных условий жизни и учебы иностранным студентам; задача адаптантов – овладеть нормами культуры страны-реципиента, что значительно облегчает процесс адаптации.

Обследованием было охвачено 89 китайских студентов: 32 юноши и 57 девушек. Достаточно обширна и география исхода обследованных мигрантов. Основной массив респондентов представлял приграничный с Забайкальским краем Автономный район Внутренняя Монголия КНР. Значительную долю составляли выходцы из северо-восточных провинций КНР. Близость территорий исхода китайских студентов послужила дополнительным положительным фактором, облегчающим их адаптацию в принимающей среде, поскольку:

1) эти регионы близки ЗК по климатическим условиям;

2) студенты имеют возможность съездить домой на праздники и каникулы, а их родственники – посетить их в России.

Адаптанты-студенты – в возрасте 21…23 лет, каждый пятый – младше 20 лет либо старше 24 лет. Необходимо учитывать, что китайские студенты, проходящие стажировку, достаточно зрелые, социализированные личности, сформировавшиеся под влиянием того социума, в котором они находились на родине. Вместе с тем, респонденты не имели опыта преодоления адаптационных сложностей, на который они могли бы ориентироваться, так как все

они впервые выехали на учебу за границу. Учебные мигранты, прибывшие в Россию, изначально отличаются высокой мотивацией на учебу: освоение русского языка, обучение в российском вузе, по их совокупному мнению, обеспечит им в будущем престижную работу на родине и соответствующий социальный статус, хотя на момент опроса он итак был достаточно высок. В изучаемом массиве учебных мигрантов превалировали дети бизнесменов и торговцев (каждый третий респондент), слой выходцев из интеллигенции представлял каждый третий студент, к слою детей рабочих относился каждый пятый опрошенный. При этом выявлена прямая линейная связь между социальным происхождением китайских студентов и наличием у обследованных высоких адаптивных качеств.

Рассмотрим некоторые особенности социальной адаптации учебных мигрантов в иноязычной среде. Так, установлено, что на первом этапе приживаемости, условно названном нами «адаптацией к образовательному процессу» [5; С. 127], в качестве одного из факторов, детерминирующих успешность процесса, выступает удовлетворение потребности в нормальных жилищно-бытовых условиях. По самооценкам респондентов зафиксировано, что большинство адаптантов – две трети массива (65,2 %) полностью удовлетворено условиями проживания, тогда как каждого третьего респондента они удовлетворяют лишь частично. Не удовлетворенных условиями проживания в общежитии насчитывается всего лишь 3,4 % студентов, что несущественно для анализа. Представляется, что доминирование положительных мнений у обследованной когорты, рассматриваемой в контексте китайской цивилизации, определено во многом особенностями этноса, а также конфуцианской этики. Среди особых черт национального характера изучаемого массива исследователи выделяют непритязательность, неприхотливость китайцев в быту. Кросс-культурный анализ исторического пути, пройденного китайским народом, позволяет отметить, что на большинстве этапов развития страны фиксировался сравнительно невысокий уровень жизни простого народа, этим и обусловлены названные черты характера, присущие этносу.

На процесс адаптации учебных мигрантов в принимающей среде, безусловно, влияет и включение адаптантов в коммуникативные сети. Поэтому существующая практика расселения иностранцев в студенческих кампусах, на наш взгляд, не способствует ускорению процесса адаптации обследованных в принимающем обществе. В советский период иностранных студентов расселяли в кампусах, совместно с отечественными. Такая практика размещения являлась обязательной, что способствовало успешной приживаемости учебных мигрантов, быстрому включению в коммуникативные сети, в частности, более качественному освоению русского языка. В настоящее время руководство российских вузов практически повсеместно отошло от данной практики, расселяя иностранцев отдельно от россиян, выделяя им либо специальные корпуса, либо этажи в кампусах. Вне сомнения, приживаемость китайских студентов в принимающей среде во многом зависит от уровня знания языка страны-реципиента, который является основным фактором, определяющим успешность адаптации студентов как к учебному процессу, так и к чужеродному социуму. По эмпирическим результатам выявлено, что лишь половина респондентов понимает и может объясняться на русском, говорят свободно – 14,8; могут читать – 11,2 %. Каждый пятый учебный мигрант (22,5 %) плохо понимает русский язык и говорит на нем. Эти показатели подтверждаются и результатами аналогичных исследований отечественных авторов. Так, в опросах, проведенных в университетах России (Томск, Москва и др.), проблема недостаточного уровня знания языка страны-реципиента также выделялась в качестве главного барьера адаптации китайских образовательных мигрантов в принимающей среде [6; С. 158-160]. Незнание или недостаточное знание русского языка препятствует правильному пониманию картины мира, кото-

рая формируется при помощи слова. При этом индивид испытывает не только коммуникативные трудности, но и невозможность полноценно приобщиться к новой культуре. По мнению специалистов, «трудности в изучении русского языка вызваны принципиальными различиями в грамматическом строе русского и китайского языков, иероглифическом и буквенном письме, фонетике, а также иными методами преподавания иностранного языка» [7; С. 15]. Необходимо качественное улучшение языковой подготовки китайских студентов, направленное на развитие практико-ориентированных навыков изучения русского языка как иностранного. Представляется, что увеличение количества учебных часов на изучение русского языка может в какой-то степени оптимизировать ситуацию.

Отдельный блок вопросов в инструментарии направлен на выявление субъективных оценок учебных мигрантов относительно адаптации к учебному процессу. В целом, китайские студенты достаточно высоко оценивают уровень предоставляемых образовательных услуг. Так, подавляющее большинство респондентов (83,1 %) удовлетворены организацией учебного процесса в принимающем вузе, однако каждый седьмой отметил, что его не устраивают «некоторые моменты», среди них назывались слишком быстрый темп подачи лекционного материала, затрудняющий процесс усвоения знаний; малое количество времени на преподавание русского языка. В ответах только четверти респондентов зафиксировано, что учеба дается легко, программа обучения усваивается хорошо. Большинство опрошенных (68,5 %) испытывает трудности в процессе обучения из-за недостаточного знания русского языка.

Среди основных барьеров адаптации, обозначенных в самоощущениях респондентов, зафиксированы те же «сложности с русским языком» (83,1 %); «трудности привыкания к жизни в чужой стране, среди чужих людей» (36 %); «чувство ностальгии, тоски по родине» (48,3 %). Таким образом, фрустрирующими обстоятельствами адаптации в чужеродном социуме выглядят, по самооценкам опрошенных, в основном коммуникативные: иноэтничная среда общения, невключенность в контактные и дружеские сети. Успешная адаптация личности в условиях инокультурной среды предполагает расширение контактов в принимающей среде. По мнению исследователей, китайцы – одна из сегрегированных наций во всем мире. Стремление к изоляции, закрытости, обособлению внутри общины или добровольному «капсулированию», по терминологии М. Саввы, проявляет большинство представителей китайского этноса.

Установлено, что взаимодействие опрошенных китайских студентов с новым кругом общения не носит ярко выраженного интерактивного характера. Китайские студенты стараются сохранить свою самостоятельность как культурно-языковое сообщество и поддерживают устойчивые связи лишь со своими соотечественниками. Так, постоянно общаются со своими земляками каждые двое из пяти представителей изучаемого массива, нечасто общаются (40 %) и только каждый пятый не поддерживает связей с соотечественниками. Вместе с тем, наличие дружеских, приятельских связей и контактов в местном сообществе может способствовать успешности процесса адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. «Дружеские связи выполняют важные психологические функции, помогая индивиду преодолеть многочисленные трудности вхождения в новую культуру» [8; С. 12]. По нашим данным, друзья и знакомые среди россиян имеются только у половины обследованных, причем «на уровне общения в вузе» – то есть это студенты-однокурсники. Вне вуза имеют друзей и знакомых лишь 13,5 % адаптантов, а двое из пяти обследованных вообще не имеют друзей и знакомых среди местных жителей. Закрытость и изоляция внутри диаспоры не способствуют повышению адаптивного потенциала изучаемой когорты мигрантов. Примечательно, что в ходе исследования респонденты выражали желание подружиться с российскими сверстниками, при этом большая часть китайских студентов (62,9 %) хотела

бы завязать контакты с целью совершенствования русского языка, а каждый пятый – с целью проведения совместного досуга. Небольшая часть респондентов (7,9 %) отметила, что хотела бы подружиться с российскими сверстниками с целью завязывания деловых контактов. Очевидно, что эти студенты связывают свое будущее с развитием бизнеса в России.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Учебная миграция в современных условиях выглядит как одно из свидетельств прогрессирующей глобализации. В то же время демографическое вызовы XXI в., наблюдаемые в России, диктуют необходимость расширения регионального рынка образовательных услуг, что и предпринимают вузы Забайкальского края. Однако, расширяя канал образовательной миграции, принимающий социум в лице вуза обучения и региона-реципиента, прежде всего, должен позаботиться об успешности процесса адаптации иностранных студентов в инокультурном окружении. При этом в процессе приживаемости учебного мигранта в новую среду курирующему персоналу вуза следует учитывать этнокультурные особенности, в нашем случае, китайского общества, культуры, государства и т.д. В то же время неоспоримо влияние на этот процесс и личностных качеств студента: семейного воспитания, статуса родителей, качества образования, полученного на Родине, и т.д.

Авторы статьи признательны за помощь в организации и проведении исследования следующим сотрудникам ЗабГУ: Фоминой М.Н. – д-ру филос. наук, профессору, проректору по инновационному образованию; Бурову В.Ю. – канд. экон. наук, доценту, директору Высшей школы экономики, управления и предпринимательства; Новиковой Н.А. – заместителю начальника международного отдела; Козыкиной Н.В. – канд. полит. наук, доценту кафедры государственного и муниципального права, а также Абросимовой О.Л. – канд. филол. наук, доценту кафедры русского языка как иностранного, ЗабГГПУ.

Литература

1. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): автореф. дис. ... д- ра социол. наук. М., 2009. 65 с.

2. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // СОЦИС. № 2. 2005. С. 56.

3. Кривцова И.О. Особенности адаптации студентов-иностранцев к образовательному процессу в российском вузе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 6. Т. 86. 2010. С. 124.

4. Ильина А.С. Содержание педагогического содействия социально-культурной адаптации студентов-мигрантов в вузе // Современная высшая школа: инновационный аспект. № 3. 2010. С. 41.

5. Базаров Б.В., Бадмаева Л.В. Китайские студенты в Бурятии: к проблеме миграционного взаимодействия // Tartaria Magna // Studia Turkica, Mongolica, Tibetica, Sibirica, Russica Et Cetera. № 1. 2011. С. 127.

6. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: колл. монография / Науч. ред. Е.Ю. Кошелева. Томск: «РАУШ МБХ», 2011. С. 158-160.

7. Кожевникова М.Н. Педагогические условия адаптации учащихся из КНР в процессе довузовской подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 22 с.

8. Скворцова Е.В. Психологический анализ социальной адаптации личности в инокультурной среде: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1997. 24 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Бадмаева Л.В., канд. социол. наук, ст. научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», Отдел региональных экономических исследований
socludvlad@mail.ru

Научные интересы: этносоциология, социология миграции, социология села

Башкуева Е.Ю., канд. ист. наук, мл. научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», Отдел региональных экономических исследований
frombear@mail.ru

Научные интересы: этносоциология, социология миграции

L. Badmaeva, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor, Federal State Budget Establishment of Science «Buryat Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences», Department of Regional Economic Studies

Scientific interests: ethnosociology, sociology of migration, rural sociology

E. Bashkueva, Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow, Federal State Budget Establishment of Science «Buryat Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences», Department of Regional Economic Studies

Scientific interests: ethnosociology, sociology of migration

УДК 301

Лига Марина Борисовна
Marina Liga

Щеткина Ирина Анатольевна
Irina Shetkina

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

MODERN SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF THE QUALITY OF LIFE

В конце XX — **начале XXI вв. общество, переходя** от качества товаров к качеству человека, качеству образования, вступило в новую цивилизацию, получившую название «цивилизация качества жизни». В связи с чем актуальным становится разработка теоретических, концептуальных основ качества жизни как научной категории

Ключевые слова: *качество жизни, социологические концепции качества жизни*

In the end of XX — beginning of XXI centuries society, moving from the quality of goods to the quality of a person, the quality of education, entered into a new civilization, which received the name of "civilization of the quality of life". In connection with this, the current is the development of theoretical, conceptual basis of the quality of life as a scientific category

Key words: *quality of life, sociological concept of the quality of life*

Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6. 3634. 2011.

В конце XX — начале XXI вв. возникла новая парадигма общественного развития — парадигма качества жизни. Обеспечение высокого, достойного качества жизни становится целью социально-экономического развития многих государств, а формирование системы обеспечения высокого качества жизни — приоритетным направлением в их деятельности.

Между тем развитие социальной практики, ее динамизм детерминируют необходимость исследования качества жизни как интегральной характеристики, раскрывающей критерии, условия жизнедеятельности и жизнеобеспечения общества, отражающие качественное состояние природной среды обитания, состояние здоровья, образования, наличие свободного времени, духовно ориентированную жизнь. В связи с чем актуализируются проблемы научного анализа эволюции концептуального осмысления понятия и оценки качества жизни в рамках социологической науки.

Концепции постиндустриального общества (Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Э. Тоффлер и др.)

Исследование качества жизни активно осуществляется в рамках концепций постиндустриального общества, где качество жизни понимается как совокупность материальных и духовных благ, предоставляемых гражданам постиндустриальным обществом. Среди концепций, получивших широкое признание, можно назвать концепцию стадий экономического роста У. Ростоу, единого индустриального общества Р. Арона, нового индустриального общества Дж. Гэлбрейта, постиндустриального общества Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинс-

кого, сверхиндустриального общества Э. Тоффлера и др. Эти и многие другие теории оказали значительное влияние на становление понятия «качество жизни», формирование моделей качества жизни, создание методик оценки качества жизни населения (общества, человека и др.).

В рамках данной концепции относительно возможности обеспечения достойного качества жизни сложились две противоположные позиции, две точки зрения.

Оптимисты (Р. Арон, Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, П. Дракер, Ж. Фурастье и др.) считали, что переход к обществу нового качества жизни возможен только на основе научно-технического прогресса. Согласно их точке зрения, только в обществе нового качества жизни могут быть решены социальные проблемы. Реальность и возможность решения социальных проблем в сверхиндустриальном обществе они объясняют тем, что только это общество может создать условия для психологического удовлетворения личности. Э. Тоффлер связывал качество жизни с переходом общества от этапа удовлетворения материальных потребностей *к этапу удовлетворения духовных потребностей* [11]. Сверхиндустриальное общество, по мнению Э. Тоффлера, это общество нового качества жизни, его становление и развитие возможно только на основе научно-технического прогресса, способствующего быстрому экономическому росту. Э. Тоффлер считал, что качество жизни – это единство трех аспектов, трех сторон жизнедеятельности общества: экологической, экономической и социальной. Он полагал, что обеспечить экологическую составляющую качества жизни можно путем «борьбы против загрязнения атмосферы, неэстетического нарушения настроения, борьбы с увеличением плотности населения, шумом, грязью,… т.е. путем восстановления физической жизненной среды и улучшения того, что должно быть названо качеством жизни» [12].

В социальном аспекте детерминантой качества жизни Э. Тоффлер считал социальную субкультуру. В экономическом плане качество жизни рассматривалось им как логическое и историческое следствие «стандарта» жизни, как переход от удовлетворения «основных материальных нужд потребителя» к этапу удовлетворения «утонченных видоизмененных личных потребностей потребителя в красоте, престиже, индивидуализации и чувственных отношениях» [12].

Р. Арон под качеством жизни понимал «возрастание индивидуального дохода и пропорциональное расходование его на предметы потребления, роскоши (или близкие к роскоши) и, в конце концов, даже на такие нематериальные вещи, как *бытовые услуги, культура, проведение свободного времени*» [1].

У. Ростоу рассматривал качество жизни и как цель человека, и как закономерную стадию развития так называемого общества потребления. Если в «обществе потребления» ведущая роль принадлежит экономической сфере, то в «обществе качества жизни» он отводил главную роль таким сферам, как *образование, политика, здравоохранение, организация отдыха*. У. Ростоу писал о том, что стадия нового качества жизни наступила в США в 1950-х гг. При этом основой для формирования стадии «нового качества жизни» выступает предшествующая ей стадия «экономической зрелости», которая создает материальные возможности для удовлетворения разнообразных материальных и духовных потребностей человека. Общество уже не считает «дальнейшее развитие технологии своей главной целью», оно не интересуется проблемами производства, поскольку главное сейчас – проблемы качества жизни.

Нельзя дать однозначную оценку позиции оптимистов. Действительность подтвердила, что в отдельных странах политика экономического роста была чрезвычайно актуальной и создала условия для решения многих социальных проблем; в других же странах политика экономического роста, политика шоковой терапии, напротив, привела к росту бедности, ухудшению качества жизни большей части населения страны. Экономический рост невозможен без человеческого капитала, интеллектуальных ре-

сурсов. Технику и технологию можно приобрести за деньги, но для использования новой техники и технологий необходим интеллектуальный национальный потенциал, направленный на решение задач экономического развития конкретной страны.

По мнению представителей пессимистической точки зрения (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Мишан, Л. Мэмфорд, Ф. Розак, Б. Скинер, Ю. Хабермас, члены Римского клуба, Э. Фромм и др.), наука и техника, ухудшая окружающую среду, оказывают отрицательное воздействие на жизнь человека. Эти ученые считают, что человечество должно замедлить или даже остановить экономический рост, сократить потребление материальных благ, так как человек, потеряв материально, приобретает духовно. Если технический прогресс не ограничить, то это приведет к социальной катастрофе, к подчинению человека технике.

Среди представителей пессимистического направления особое место занимает Л. Мэмфорд, который в отличие от оптимистов, отдающих приоритет технике перед человеком, подходил к анализу техники с точки зрения самого человека. Ученый утверждал, что техника должна быть подчинена человеку. Она создается человеком в соответствии с его желаниями, целями и потребностями. Это означает, что не только техника влияет на человека и общество, но и она сама испытывает влияние человека и общества, поэтому, прежде всего, необходимо контролировать не технику, а ценности и цели, закладываемые в новые технологии человеком [4].

По его мнению, в ухудшении качества жизни виноват сам человек. Человек, создавая технику, вложил в нее свои ценности, а враждебность техники по отношению к обществу и окружающей его природной среде привнесена самим человеком. Такое поведение людей привело к ухудшению, падению качества жизни. Л. Мэмфорд считал, что для улучшения качества жизни необходимо в центр поставить жизненные ценности отдельного человека и преодолеть культ техники.

Э. Фромм видит путь улучшения качества жизни в гуманизации техники, подчинении ее человеку. Причиной ухудшения качества жизни он считает научно-технический прогресс и культ материального потребления, поглотившего духовное начало. Современное общество, ориентированное на экономический рост, сделавшее ставку на роботизацию и автоматизацию, он называет патологическим обществом, потому что оно забыло о человеке. Э. Фромм считает, что автоматизация приводит к ухудшению качества жизни человека, превращению его в робота. Человек лишается индивидуальности, становится бессильным, равнодушным, неудовлетворенным, пассивным, бесчувственным, а его умственное развитие – односторонним. По мнению Э. Фромма, в заброшенности, угнетенности человека виновата только техника. Ученый полагал, что решение проблемы повышения качества жизни возможно только в том случае, если человек перейдет от политики обладания к политике бытия, так как политика обладания «делает людей несчастными». Разработанная Э. Фроммом программа гуманизации техники включала следующие компоненты:

– переориентацию с материального обогащения на духовное удовлетворение;

– «гуманистическое планирование»;

– превращение человека из пассивного потребителя в инициативного и способного члена общества, участвующего в управлении и принятии решений;

– возрождение ценностей, созданных великими гуманистами прошлого [13].

Г. Маркузе полагал, что общество под давлением техники наделяет человека «неправильным сознанием», которое формирует и новое качество жизни, нацеленное на удовлетворение сверхпотребностей. Г. Маркузе называет современное общество «одномерным», возникающим как результат взаимодействия науки, техники, промышленности, общественных и индустриальных сил. Причем движущей силой развития этого общества становится техника, которая стандартизирует, стабилизирует всю жизнь человека, культуру, политику, экономику. Под влиянием техники

сознание человека тоже становится одномерным и односторонним, так как человек подчинен технике и как ее производитель, и как ее потребитель. В одномерном обществе техника угнетает человека, ухудшает качество его жизни, превращается в источник формирования «неправильных потребностей» [8].

Таким образом, теоретики пессимистического направления критиковали современное общество, которое подавляет личность, ее духовные и творческие силы. Они выступали против «технологизации человеческих отношений», одномерного мышления, пренебрежения гуманистическими ценностями культуры и науки.

Несмотря на различие взглядов представителей пессимистического и оптимистического направлений по вопросу о взаимосвязи качества жизни и экономического роста, можно выделить ряд общих черт:

– обоснование влияния экономического развития общества на повышение (понижение) качества жизни;

– формирование системы объективных индикаторов качества жизни;

– рассмотрение новых моделей развития общества с точки зрения обеспечения качества жизни как приоритетного направления.

Эти общие моменты в исследовании качества жизни порождены объективными процессами, происходящими в современном обществе. К ним следует отнести изменение социальной структуры западного общества; увеличение процента занятости в сфере производства информации и услуг; развитие сферы услуг социально-культурного профиля; усиление роли социального, человеческого капитала.

Концепция информационного общества (М. Кастельс, У. Мартин, Е. Масуда, Дж. Нейсбит и др.). Сторонники данной концепции связывают качество жизни с информацией и формами ее эксплуатации.

Представители данной концепции обращают внимание на значение производства, распределения и потребления информации в изменении качества жизни общества. По их мнению, в различных отраслях экономики начинает преобладать производство и распространение информации, возникает информационная экономика. Быстрое развитие информационной экономики обусловливает ее контроль над сферой бизнеса и государства, производство информации и коммуникации централизуется и в итоге основным ресурсом постиндустриального порядка признается информация, которая позволяет изменять качество жизни.

У. Мартин отмечал, что информационное общество можно определить как «общество, в котором качество жизни так же, как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее эксплуатации. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [9].

М. Кастельс отмечает, что сетевая структура общества создает условия для удовлетворения разнообразных потребностей и повышения качества жизни членов общества [7]. Современное общество (информационное, сетевое, по М. Кастельса) – это ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их социальных и личных потребностей. Формирующееся глобальное информационное пространство является основой для достойного качества жизни тех, кто имеет доступ к информации и умеет этой информацией пользоваться [7].

Концепция общества риска (У. Бек, П. Бернстайн, Э. Гидденс, Н.А. Мешавкина, О.Н. Яницкий и др.) связывает качество жизни с уровнем рискогенности общества. «Общество риска» характеризуется

развитым производством, технологическим прогрессом, экономическим ростом и его эффективностью. В этом обществе человек теряет контроль над природой, над тем, что создано им самим — гидроэлектростанциями, плотинами, атомными объектами и т.д. «Общество риска», увеличивая материальное благосостояние, превращает человека в существо, беззащитное перед природными и социальными катастрофами. В окружающем человека мире существует большое количество различных рисков, связанных с производством, торговлей, движением. Это риски, которые можно прогнозировать и которыми можно управлять. Но в современном мире возникли новые неуправляемые риски. Этот тип риска У. Бек определяет как результат взаимодействия человека и окружающей его среды. К числу рисков этого типа относятся ядерная энергия, производство различных химикатов, генная технология, экономические катастрофы, выбросы и отходы производства.

Суть концепции «общества риска» У. Бека может быть сведена к следующим положениям: во-первых, большое значение имеет понимание степени риска и информация о нем; во-вторых, увеличение числа рисков приводит к социально опасным ситуациям; в-третьих, индустриальное общество, ориентированное на удовлетворение постоянно самообновляющихся потребностей, создает опасные ситуации и негативный политический потенциал «общества риска»; в-четвертых, только знание рисков поможет их предотвратить [3].

У. Бек подчеркивает, что дискуссия об окружающей среде невольно вызывает у людей представление о себе только как об органическом механизме. Поэтому нельзя оставлять без внимания социальные, политические и культурные реалии и последствия модернизации рисков [3]. Учет этих факторов необходим потому, что страх перед новыми рисками вызывает недоверие человека к социальным институтам общества, человек в обществе риска отказывается от традиционных ценностей и норм. У него возникает страх перед созданными им самим, его деятельностью рисками, поэтому происходит ухудшение качества жизни.

По мнению У. Бека, риски — это закономерный этап развития общества, оно само порождает их. Ученый выделяет следующие типы глобальных рисков, это:

— конфликты, связанные с «пороками», которые являются обратной стороной «выгод», т.е. вызванные стремлением к обогащению технико-индустриальные угрозы (озоновые дыры, парниковый эффект, а также непредвиденные, не принимаемые в расчет последствия генной инженерии и ретрансплантационной медицины);

— разрушение окружающей среды и технико-индустриальные опасности, обусловленные бедностью;

— *угроза* применения оружия массового уничтожения (атомного, биологического и химического), напротив, связанная с чрезвычайным положением во время войны (в отличие от исходящей от этого оружия потенциальной угрозы). Опасность регионального или глобального самоуничтожения ядерным, химическим или биологическим оружием не устранена и после прекращения конфронтации между Востоком и Западом, скорее, она вырвалась из-под контроля сверхдержав, попавших в «атомную ситуацию» [3; С. 76-78].

У. Бек считает, что в «обществе риска» людей объединяет чувство страха перед изменяющейся экологической обстановкой. Страх, отрицательно влияя на психологические, интеллектуальные силы человека, еще более усиливает его неумение бороться с изменениями, происходящими вокруг него. Неумение человека бороться с рисками ученый объясняет тем, что человек до конца не знает причин их возникновения и содержания. В соответствии с этим У. Бек считает, что для улучшения качества жизни необходимо:

— во-первых, научиться управлять рисками;

— во-вторых, сформировать и расширить охранительную функцию государства;

— в-третьих, изменить отношение общества к технике, которая может не только производить риски, но и предотвращать их.

Э. Гидденс, напротив, считает, что,

только изменив человека, научившись управлять страхами, тревожностью, сохранив оптимизм, осуществляя последовательные действия по локализации и устранению конкретных рисков, можно обеспечить достойное качество жизни [5].

Достижение благ и преимуществ всегда сопряжено с непредвиденным развитием событий, конкретными потерями, «обратным эффектом», «платой за удовольствия». «Общество риска», увеличивая материальное благосостояние, превращает человека в существо, беззащитное перед природными и социальными катастрофами. Страх, возникающий у человека перед рисками, вызывает у него недоверие к социальным институтам общества. Человек в обществе риска отказывается от традиционных ценностей и норм, он чувствует угрозу от всего, что создано им самим, его деятельностью, из-за чего происходит ухудшение качества его жизни.

Концепция альтернативной цивилизации. По мнению создателей этой концепции (И.В. Бестужев-Лада, Г.Г. Дилигенский и др.), достижение высокого качества жизни возможно только в рамках альтернативной цивилизации, которая ориентирована не на количественный, а на качественный рост, что предполагает изменение условий, принципов и смыслов существования.

Современное общество, по мнению «альтернативистов», это разбалансированное общество, в котором нарушены топливно-энергетический, материально-сырьевой, продовольственный, транспортный, торговый, экологический, демографический, экономический, жилищный, образовательный, военный и другие балансы» [4; С. 107-108]. Сторонники альтернативистики предлагают самые разные пути улучшения качества жизни. Среди них использование новейших технических изобретений, усиление процессов урбанизации, предоставление образования и работы, административная политика. К числу механизмов улучшения качества жизни «альтернативисты» относят восстановление топливно-энергетического и зависимого от него материально-сырьевого баланса, нормализацию воспроизводства поколений, восстановление экологического баланса, всеобщее и полное разоружение. Конечной целью всех этих преобразований должно стать обеспечение благополучия и полноценного развития самого человека [4].

Альтернативная цивилизация, по их мнению, – это цивилизация будущего, с качественно новой экономикой, политикой, культурой, образованием, новыми ценностями и новым качеством жизни.

Нельзя однозначно оценивать концепцию альтернативной цивилизации. С одной стороны, ее представители выступали против экономического роста как фактора, ухудшающего качество жизни людей, ведущего к росту и распространению псевдопотребностей, нарушению экологической среды; с другой – они считали, что если совсем отказаться от промышленного производства, то «разом очутишься в обществе, где, чтобы не умереть с голоду, необходим 16-часовой рабочий день тяжелого физического труда, неизбежна гибель от болезней большинства родившихся еще до их собственной свадьбы, неизбежны поголовная нищета, полуголодное существование, эпидемии, словом, все то, что мы и по сей день наблюдаем в наиболее отсталых странах мира. Поэтому они предлагали не отказ от экономического роста, а формирование разумных потребностей, которые позволят уменьшить промышленную нагрузку на природу и обеспечат уровень и качество жизни «выше самых высоких мировых стандартов» (И.В. Бестужев-Лада).

Концепция индивидуализированного общества (З. Бауман и др.) связывает качество жизни с личными желаниями, интересами, потребностями, стремлением к благополучной жизни сегодня, не задумываясь о завтрашнем дне. Единственным механизмом, позволяющим обеспечить достойное качество жизни в условиях нового общества, является укрепление моральных принципов и основ того, что человечество вынесло из прошлого, и того, что оно почти полностью утратило на современном этапе своего развития.

Авторы концепции выделяют три главных характеристики качества жизни в условиях индивидуализированного общества:

1) утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов [2];

2) снижение возможностей человека контролировать собственную судьбу, возрастание неопределенности человеческого бытия. Данная ситуация, по мнению З. Баумана, — результат совокупного опыта неуверенности человека в своем положении, в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, его личности, а также для имущества, социального окружения, сообщества [2; С. 194].

Исследуя современное общество, З. Бауман показывает, что оно занято убеждением самого себя в том, что нарастающая неопределенность — это не столько зло для каждого человека, сколько единственный способ существования;

3) радикальный пересмотр всей системы ценностей, приводящий к стремлению человека отказаться от достижения перспективных целей и задач ради получения немедленных результатов, что, в конечном счете, ведет к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни.

З. Бауман уверен, что в современном обществе не представляется возможным использовать традиционные механизмы изменения качества жизни. Индивидуализированное общество меняет представление о качестве жизни, в основе которого теперь лежат, по мнению З. Баумана, личные желания, потребности и интересы, стремление к краткосрочному наслаждению, отказ от благополучной жизни в будущем в пользу сиюминутной радости.

При всем пессимистичном отношении к современному обществу, З. Бауман оставляет надежду на выход из создавшейся ситуации. Решение многих проблем и прежде всего проблем качества жизни в индивидуализированном обществе лежит в плоскости морали и нравственности. Безусловно, укрепление нравственных основ взаимодействия между людьми было и остается актуальным в любой ситуации в любой исторический период. Автором отмечается, что благополучие и достойное качество жизни в будущем зависят от восстановления этического подхода к решению общественных проблем [2].

Между тем, З. Бауман отмечает, что важнейшим элементом нравственной позиции является не подвергаемое сомнению чувство сопричастности к проблемам других людей, чувство ответственности за себе подобных.

Таким образом, индивидуализированное общество, по мысли исследователя, это реальность современности.

Концепция жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности (С.И. Григорьев, Л.Г. Гуслякова и др.). Под жизненными силами понимается способность человека воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в исторически конкретном жизненном пространстве и в рамках взаимозависимости людей по поводу их жизненного пространства — первичных, базовых социальных отношений владения, пользования, распоряжения и распределения, присвоения, потребления, развертывающихся во всех основных сферах жизни общества: в экономике — по поводу собственности; в политике — по поводу власти; в социально-бытовой сфере — по поводу условий жизни в семье, микрогруппе; в социально-экологической сфере — по поводу воспроизводства экологических ресурсов региона проживания; в сфере духовно-культурной — по поводу производства и потребления ценностей духовной культуры [6].

Под жизненным пространством человека понимается общественно-экономическая среда, в целом — производство, система общественных отношений, социальные институты и формы социализации, культура, нормы и ценности общества.

Жизненные силы и жизненное пространство воздействуют друг на друга своим количеством, качеством и мерой. Жизненные силы, воздействуя на жизненное пространство, среду обитания, порождают

определенные социальные отношения владения, пользования, распоряжения. В свою очередь, в процессе воздействия жизненного пространства на жизненные силы возникают отношения распределения, присвоения, потребления. В зависимости от того, как развиты жизненные силы, зависит участие человека в отношениях владения, пользования, распоряжения. Участие человека в этих отношениях определяет уровень и форму распределения, присвоения, потребления материальных и культурных благ. Показателем развитости этих отношений является качество жизни [6].

Один из авторов концепции жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности (Л.Г. Гуслякова) утверждает, что качество жизни детерминировано, с одной стороны, возможностью реализовывать человеком свои жизненные силы, с другой, всей совокупностью условий, предпосылок, созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей (характеристика жизненного пространства), с третьей – субъективным отношением человека к реализации своих жизненных сил в рамках конкретного жизненного пространства [6].

Качество жизни общества – это совокупность условий, предпосылок, созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей. К ним относятся исторические, географические, экономические, социальные, демографические условия. Качество жизни личности – отношение людей к этим условиям, использование их для удовлетворения своих потребностей. В данном аспекте качество жизни выступает как социальная реальность, существующая в конкретно-историческом времени в конкретном социальном пространстве. Качество жизни общества учитывает то, что личность является одновременно и производителем благ и услуг, и их потребителем. Отношение людей к экономическому, социально-политическому, экологическому уровням развития общества отражается в степени удовлетворенности (неудовлетворенности) их своей жизнью, то есть качеством жизни. Общество создает одинаковые для всех людей условия. Но использование этих условий зависит от самой личности, творческого потенциала, ее активности в улучшении своих условий жизни. Однако люди в силу как объективных, так и субъективных факторов по-разному используют эти возможности. К числу субъективных факторов можно отнести психологические качества личности, уровень образования и т.д. К объективным факторам – социальный статус, экологическую обстановку, социальное окружение и т.д.

Анализ современных социологических концепций позволяет отметить, что в конце XX – начале XXI столетия обозначился заметный парадигмальный сдвиг в понимании проблемы качества жизни, связанный с постиндустриальным развитием социума, превращением знания, образования в решающий фактор социально-экономического развития, формированием нового класса интеллектуалов.

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс, 2000. 384 с.

4. Бестужев-Лада И. Альтернативная цивилизация. М.: Мысль, 1978. 98 с.

5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурализации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.

6. Гуслякова Л.Г. Качество жизни в контексте неклассической социологии // Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей. Барнаул, М., 2003. С. 132-141.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Издательство, 2000. 308 с.

8.Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: АСТ, Ермак, 2003. 336 с.

9. Мартин У. Дж. Информационное общество // Теория и практика общественно-научной информации: ежеквартальник. М.: АН СССР ИНИОН, 1990. № 3. С. 115-123.

10. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление / Предисл. В.А. Чаликовой. М.: Ин-т социол., 1991. 345 с.

11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

12. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Корпорация, 2004. 557 с.

13. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-Пресс, 2004. 384 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Лига М.Б., д-р социол. наук, профессор, кафедра социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
liga@inbox.ru

Научные интересы: качество жизни

Щеткина И.А., канд. социол. наук, доцент, заместитель декана по учебной работе, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)

Научный интерес: качество жизни населения провинциального региона современной России

M. Liga, Doctor of Sociological Sciences, professor, sociology and social work department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Scientific interests: quality of life

I. Shetkina, Candidate of Sociological Sciences, vice-dean on studies, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Scientific interests: quality of life of provincial population in the regions of modern Russia

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИДЕРСКИХ РОЛЕЙ И ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

GENDER PECULIARITIES OF PERFORMING LEADER ROLES AND FUNCTIONS OF PERSONAL MANAGEMENT

Приводятся данные о самооценке лидерских качеств. Охарактеризованы лидерские стили управления персоналом женщин и мужчин. Рассмотрена роль стереотипных представлений о лидерах

Ключевые слова: *лидерские функции, гендерные стереотипы, профессиональные и личностные качества, шкала оценки*

The data on self evaluation of leader qualities are given. The leader's styles of personal management for men and women are characterized. The role of stereotype conception about leaders is described

Key words: *leader's functions, gender stereotypes, professional and personal qualities, evaluation scale*

В обзоре современных проблем предпринимательства показано, что типичный портрет успешного лидера-предпринимателя, по мнению североамериканских исследователей, включает такие личностные свойства, как реалистическая оценка при выборе альтернатив, критичность в представлении о своих возможностях и одновременно высокий уровень притязаний, готовность идти на смелый и вместе с тем разумный риск, преодолевать конъюнктурные оценки и хорошо прогнозировать развитие событий [1].

За последние годы в российской научной литературе были представлены результаты ряда эмпирических исследований. Под руководством В.Я. Нечаева изучался образ российского предпринимателя в оценках самих предпринимателей. Приводятся данные о преобладании в самооценке таких качеств, как порядочность, обязательность, компетентность, немеркантильность [2]. В исследовании Т. В. Корниловой с соавторами получены характеристики, свойственные успешным предпринимателям, среди которых низкие показатели «социального догматизма», устойчивость при давлении авторитетов, независимость, стремление полагаться только на самих себя, подчиненность поведения внутренним ориентирам. Кроме того, исследовались мотивационные тенденции в группе предпринимателей, наиболее существенными из которых явились желание и умение доводить начатое дело до конца, стремление к познанию себя, готовность брать на себя функции лидера и оказывать давление на других людей. В то же время предпринимателями отвергались такие свойства, как принятие авторитетов и демонстративность как неприемлемые в поведении или недостаточно осознаваемые [3].

Считается, что женщины больше думают о чувствах своих сотрудников, обладают лучшими навыками общения и поэтому более ориентированы на отношения. Мужчин же часто рассматривают как жестких, авторитарных лидеров макиавеллиевского типа, которые не особенно обращают внимание на чувства своих подчиненных и

намного меньше беспокоятся об их взаимоотношениях. Соответствуют ли такие гендерные стереотипы действительности?

Психологи изучили сотни научных исследований в поисках ответа на вопрос, чем лидерский стиль женщин отличается от лидерского стиля мужчин. Они обнаружили, что действительно, как и принято считать, женщины обычно практикуют более демократичную манеру руководства, чем мужчины. Возможно, это происходит потому, что женщины обладают лучшими навыками общения. Это позволяет им при принятии решений использовать способности членов группы и, если нужно, вежливо отвергать их советы.

Значит ли это, что женщины – лучшие руководители, чем мужчины? Как мы можем предположить исходя из ситуационной теории лидерства, это зависит от характера ситуации. Женщины обычно являются лучшими лидерами (как по объективным показателям их работы, так и по оценкам сослуживцев) в тех сферах деятельности, где особенно важны навыки общения, например, в сфере образования. Мужчины обычно бывают более успешными лидерами там, где требуется способность решительно отдавать приказы и осуществлять контроль, например, в армии.

Прежде чем делать какие-либо выводы из этих данных, следует учесть некоторые дополнительные факторы. Во-первых, найденные различия не так уж велики. Есть много женщин, вполне способных усвоить «маскулинный» (мужской) стиль руководства, особенно если характер работы этого требует. И есть много мужчин, обладающих не меньшими навыками общения, чем женщины. Кроме того, при любом исследовании лидерской эффективности возникает следующая проблема: отражают ли собранные данные действительно существующие различия или только распространенные стереотипы относительно лидерства? Если, например, женщину характеризуют как менее эффективного лидера, чем мужчину, происходит ли это потому, что она действительно худший руководитель или потому, что ее сослуживцы используют другую шкалу для оценки ее действий?

Старая мудрость говорит, что из-за половой дискриминации женщина должна быть «в два раза лучше, чем мужчина», чтобы преуспеть. К сожалению, различия в оценке деятельности лидеров мужчин и женщин существуют на самом деле. Если женщина практикует стереотипный «маскулинный» стиль руководства, если она типичный «босс» и ориентирована на задачу, ее оценивают более негативно, чем руководителя-мужчину с таким же стилем [4].

А.Е. Чирикова подчеркивает расхождения данных, полученных при изучении уровня мотивации достижения, что свидетельствует, по ее мнению, о неоднозначности предпринимательских групп, которые различаются по своим психологическим особенностям в зависимости от возраста, времени прихода в бизнес, размеров собственного бизнеса и других факторов, в том числе и половой принадлежности лидеров [5; 6].

Как показали результаты исследования самооценок деловых и личностных качеств, проведенного этим автором, существуют серьезные отличия между мужчинами и женщинами в восприятии тех умений, с помощью которых они действуют и достигают успехов в бизнесе. Женщины в своих стратегиях ориентированы на качества «компромисса» и «уверенности» при высоком влиянии качеств «пластичности» на фоне напряженной способности доминировать, действовать в ситуации неопределенности и угрозы риска, эффективно использовать потенциал других людей. Мужчина в бизнесе – больший «игрок», ориентированный на доминирование и достижение целей «во что бы то ни стало».

Обращает на себя внимание тот факт, что женщины, по сравнению с мужчинами, в оценках самих себя предстают более «рациональными», «гибкими», «компромиссными», умеющими «жить сегодняшним днем». Относительно совпадающими в самооценках мужчин и женщин предпринимателей качествами являются умение действовать в ситуации конфликта и

угрозы риска, постоянная готовность к изменениям, способность к нововведениям, умение эффективно использовать навыки и способности других людей, умение противостоять давлению и нажиму, отстаивать свою позицию.

И.Н. Серегина отмечает, что женская мотивация предпринимательской деятельности имеет более подвижный характер. Преобладающими мотивами высокой деловой активности женщины является потребность не в материальных благах, а в саморегуляции и активной деятельной жизни [7].

Таким образом, в современной психологической литературе достаточно большое внимание уделяется исследованию и гендерных различий лидеров, и лидерства в бизнесе. Накоплен определенный эмпирический материал по данной проблеме. На сегодняшнем этапе можно констатировать наличие существенных различий в мотивации и самооценках предпринимателей — мужчин и женщин.

Подтверждением этому может являться исследование представлений людей, работающих в сфере малого бизнеса, проведенное в 2002 г. на базе 10 частных фирм г. Кемерово [8]. Выборка составила 100 человек, 50 из которых — мужчины, 50 — женщины. Все участники занимаются не руководящей, а исполнительской деятельностью. Возрастные характеристики, стаж и опыт работы в компаниях не учитывались.

Для исследования был задействован метод опроса с использованием методики «Экспертная оценка личностных и деловых качеств», предложенной С. Степановым [9]. Опросник, содержащий 160 вопросов, направлен на выявление самооценки или экспертной оценки личностных и деловых качеств. Испытуемым предлагалось вспомнить лидеров-мужчин и лидеров-женщин, работающих в сфере бизнеса, и оценить их личностные и деловые качества, отвечая на предложенные вопросы. Ответы заносились в специальную таблицу, результаты подсчитывались по 10 шкалам: направленность на цель; деловитость; доминирование, инициативность; уверенность в себе; требовательность, жесткость; упрямство, негативизм; уступчивость; зависимость; психологический такт; отзывчивость. При обработке полученных ответов учитывалась шкала лжи. Правдивость результатов равна 76 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценивания сотрудниками профессиональных и личностных качеств лидеров

Шкалы оценки профессиональных и личностных качеств	Оценка мужчин-лидеров		Оценка женщин-лидеров	
	женщинами	мужчинами	женщинами	мужчинами
Направленность на цель	164	225	183	113
Деловитость	161	233	206	118
Доминирование	130	155	222	133
Уверенность в себе	108	117	188	131
Требовательность	61	89	152	144
Упрямство	36	55	ш	177
Уступчивость	52	26	48	109
Зависимость	57	65	51	182
Психологический такт	124	162	89	91
Отзывчивость	75	99	66	66

В оценках, которые даются мужчинами, лидеры-женщины более уверены в себе, требовательны, упрямы, уступчивы, зависимы. Лидеры-мужчины более направлены на цель, деловиты, стремятся к доминированию, психологически более тактичны и отзывчивы, чем лидеры-женщины. Таким образом, в оценках мужчин как лидеры-мужчины, так и лидеры-женщины наделяются и традиционными чертами, и качествами, ранее считавшимися прерогативой противоположного пола.

По оценкам женщин, лидеры-женщины превосходят лидеров-мужчин по критериям: направленность на цель, деловитость, доминирование, уверенность в себе, требовательность, упрямство. Лидеры-мужчины более уступчивы, зависимы, отзывчивы и психологически более тактичны, чем женщины-лидеры. То есть в представлениях женщин лидеры-мужчины наделяются скорее «традиционно женскими» чертами, а лидеры-женщины — «традиционно мужскими».

При оценке лидеров одного с ними пола, испытуемые отвечают таким образом, что в оценках мужчин лидеры-мужчины более феминны, чем лидеры-женщины в оценках женщин, по критериям зависимости, психологического такта, отзывчивости. Лидер-женщина в оценках женщин более «мужественна», чем лидер-мужчина в оценках мужчин, по критериям: доминирование, уверенность в себе, требовательность.

Приблизительно равны показатели оценки доминирования, которые дают обе группы испытуемых лидерам другого пола. В лидерах противоположного пола мужчины видят в качестве более выраженных уверенность, требовательность, упрямство, уступчивость, зависимость (по сравнению с представлениями женщин о лидерах-мужчинах). Женщины в лидерах-мужчинах видят направленность на цель, деловитость, психологический такт и отзывчивость (по сравнению с лидерами- женщинами в оценках мужчин).

На основе полученных данных были построены рейтинговые таблицы личностных и деловых качеств, приписываемых сотрудниками коммерческих фирм лидерам. Первая позиция в рейтинге отводилась качеству, которое называлось испытуемыми наиболее часто, последняя — наиболее редко встречающемуся в ответах. Полученные ранжированные списки представлены в табл. 2 и 3.

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, последовательность качеств, приписываемых лидерам-мужчинам сотрудниками, не имеет значительных различий в группах мужчин и женщин-испытуемых. Стереотип мужчины-лидера практически однороден для всей выборки. Главными качествами мужчин-лидеров, по мнению испытуемых, являются деловитость и направленность на цель, психологический такт и доминирование, а также уверенность в себе.

Таблица 2

Рейтинговая таблица личностных и деловых качеств, приписываемых сотрудниками коммерческих фирм лидерам-мужчинам

Шкала оценки деловых и личностных качеств	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников-мужчин	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников-женщин
Деловитость	1	2
Направленность на цель	2	1
Психологический такт	3	4
Доминирование	4	3
Уверенность в себе	5	5

Окончание табл. 2

Шкала оценки деловых и личностных качеств	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников-мужчин	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников-женщин
Отзывчивость	6	6
Требовательность	7	7
Зависимость	8	8
Упрямство	9	10
Уступчивость	10	9

Представления о ведущих качествах лидера-женщины существенно различаются в двух группах выборки (см. табл. 3). Для мужчин женщина-лидер, прежде всего, зависима, упряма, требовательна. Для женщин она – стремится к доминированию, деловита, уверена в себе, т.е. мужской стереотип включает более негативные характеристики лидеров-женщин, чем женское представление.

Таблица 3

Рейтинговая таблица личностных и деловых качеств, приписываемых сотрудниками коммерческих фирм лидерам-женщинам

Шкала оценки деловых и личностных качеств	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников- мужчин	Номер рейтинговой позиции в оценках сотрудников-женщин
Зависимость	1	9
Упрямство, негативизм	2	6
Требовательность, жесткость	3	5
Доминирование, инициативность	4	1
Уверенность в себе	5	3
Деловитость	6	2
Направленность на цель	7	4
Уступчивость	8	10
Психологический такт	9	7
Отзывчивость	10	8

В оценке наименее выраженных качеств лидеров-женщин больше совпадения. Как мужчины, так и женщины менее всего склонны обращать внимание на их уступчивость и отзывчивость. Кроме того, первые считают, что также слабее выраженным является психологический такт, а вторые – зависимость лидеров-женщин.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представления мужчин и женщин-сотрудников о лидерах-мужчинах схожи. Они наделяются, скорее, типичными лидерскими качествами, женщины чуть более склонны замечать их уступчивость, отзывчивость, тактичность. Можно сказать, что лидеры-мужчины, скорее, демократичны в представлениях мужчин и либеральны в представлениях женщин.

Стереотип женщины-лидера не столь однороден. Без сомнения, ответы испытуемых свидетельствуют о том, что за женщинами признается возможность быть лидерами. Об этом говорят как сам факт оценивания лидеров двух полов всеми ис-

пытуемыми, так и совпадения в оценках по некоторым шкалам, например, по шкале доминантности. Однако мужчины склонны в лидерах-женщинах подчеркивать именно те черты, которые традиционно считаются «женскими», тем самым дистанцируясь от объекта оценивания. Женщины же описывают лидеров-женщин как в первую очередь лидеров, чем нивелируются признаки пола, и происходит отказ в какой-то степени в самой возможности проявления «природной слабости», хотя эта же «слабость», «мягкость» признается за лидерами-мужчинами.

Полученные данные свидетельствуют, на взгляд авторов, о том, что происходит изменение существовавших ранее стереотипов. Лидер в глазах последователей – уже не обязательно именно мужчина. Окружение по-прежнему готово видеть мужчин в лидерской позиции, достаточно четко и однородно формулирует свои ожидания относительно выполнения ими лидерских функций и проявления тех или иных деловых и личностных качеств, в числе которых не последнюю роль играют психологический такт и отзывчивость. Женщины, претендуя на лидерскую роль, сталкиваются с более неоднородным и пристрастным отношением к себе. Последователи в большей степени могут дистанцироваться от них, чем от лидеров-мужчин, в силу разных причин: мужчины потому, что лидер-женщина противостоит им в их сознании как женщина, а женщины потому, что она не похожа на них тем, что она – лидер. Основываясь на полученных результатах, можно предположить, что в реальности лидеры, взаимодействуя с непосредственным окружением, сталкиваются с рядом трудностей, которые порождаются наличием стереотипных представлений о лидерах вообще и о гендерных вариантах лидерства, в частности.

Литература

1. Тидор С.Н. Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск, 1997. 252 с.

2. Нечаев В.Я. Предприниматель и благотворительность // Деньги и благотворительность. 1996. № 2. С. 18.

3. Корнилова Т.В., Булыгина В.Г., Корнилов А.П. Личностные предпосылки успешности деятельности брокера // Психологический журнал. 1993. № 1. С. 90-99.

4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/lider2.htm.

5. Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997. 203 с.

6. Чирикова А.Е. Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 62-74.

7. Серегина И.Н. Профессиональная карьера // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 78-81.

8. Терпугова О. В., Шех Е.И. Гендерные особенности представлений о деловых и личностных качествах лидеров. Кемеровский государственный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// spf.kemsu.ru/portal/psy2002/ogl.shtml

9. Степанов С.С. Способности и карьера. М., 2001. 124 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Романова Н.П., д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры «Управление персоналом», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, associate professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: гендерные особенности лидерства

Scientific interests: gender peculiarities of leadership

УДК 316.4

Туякбаева Аида Ерлановна
Aida Tyakbaeva

Полутова Марина Александровна
Marina Polutova

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ МОТИВАЦИЯ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

ENTREPRENEURAL MOTIVATION AS A SPECIAL CASE OF LABOUR MOTIVATION

Проанализированы понятия «мотив», «мотивация» и «трудовая мотивация», а также рассмотрены различные виды трудовой мотивации. Выдвинута гипотеза о предпринимательской мотивации, как о частном случае трудовой мотивации, разобраны ее сущность, особенности и основные причины возникновения

Ключевые слова: *предприниматель, мотивация, трудовая мотивация*

In the article the essence of «motive», «motivation» and «labor motivation», as well as various kinds of motivation are analyzed. Hypothesis regarding entrepreneurial motivation, as a special case of motivation, and dismantled its essence, characteristics and basic causes are given

Key words: *entrepreneur, motivation, labour motivation*

Термин «мотивация» используется в современной психологии двояко: как обозначающее систему факторов, детерминирующих поведение (сюда входят, в частности, потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и мн. др.), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне. Таким образом, мотивацию можно определить как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность [1].

Мотивация – это процесс побуждения человека к деятельности для достижения целей.

Мотив – это то, что вызывает определенные действия человека, его внутренние и внешние движущие силы.

Трудовая мотивация – это побуждение человека к труду, являющееся результирующей системой внутренних побудительных элементов, таких, как потребности, интересы, ценностные ориентации, с одной стороны, с другой – отражаемые и фиксируемые сознанием человека факторы внешней среды, так называемые внешние стимулы, побуждающие к трудовой деятельности. Все эти элементы представляют собой сложную систему мотивов, под влиянием которых в сознании человека формируется как отношение к труду, так и программа трудового поведения, способного привести к удовлетворению соответствующих потребностей. Трудовая мотивация является мотивацией высшего типа наряду с мотивациями, инициирующими социальные контакты, творчество. Трудовая мотивация как система мотивов, отражающих потребности, удовлетворяемые с помощью трудовой деятельности, динамична. Ее изменение так же, как и мотивов, происходит в зависимости

от изменения личности работника (например, системы его ценностных ориентаций и т.д.) и окружающей его социальной действительности [3].

Принято выделять три основных вида трудовой мотивации:

1) материальную;

2) социальную (моральную);

3) организационную (административную).

Материальная мотивация реализуется через ряд каналов: систему оплаты труда, систему дифференцированного учета видов и результативности труда, систему реализации полученных за труд денежных средств (развитие сферы расходования полученных трудовых доходов). К дополнительным стимулам, практически также являющимся материальными, мировая практика (об этом свидетельствует политика фирм в странах с развитой рыночной экономикой) относит оплату за счет фирмы транспортных расходов, субсидии на питание, помощь в оплате расходов на образование, оплачиваемые за счет фирмы медицинские обследования, поездки туристического характера в выходные дни и во время отпуска, расходы работодателя на страхование жизни работников и их иждивенцев, страхование от несчастных случаев и т.п.

Социальные, или моральные стимулы основаны на нравственных ценностях человека, осознании работником своего труда как долга перед обществом, понимании ценности и полезности этого труда. К данной категории относят также побудительные мотивы, связанные с творческой насыщенностью и содержательностью труда, относительно благоприятными его условиями, взаимоотношениями в трудовом коллективе, отношениями между работником и его руководителем, возможностью профессионально-квалификационного роста, самосовершенствования и самовыражения.

Организационная (или административная) мотивация опирается на закрепленное законом право администрации (работодателя) требовать от работников соблюдения принятых правил трудовой деятельности. Статья 3 КЗоТ Российской Федерации определяет, что работник должен добросовестно выполнять трудовые обязанности, соблюдать трудовую дисциплину, бережно относиться к имуществу предприятия, выполнять установленные нормы труда. Следовательно, основа этого вида мотивации – дисциплина труда, а ее результат – дисциплинарная ответственность, предусматривающая меры воздействия на работника за ненадлежащее исполнение своих обязанностей [4].

В современных условиях труд как фактор производства часто становится определяющим, поскольку способен принести доход собственнику производства. Но речь идет не о любом труде, а о труде профессиональном, эффективном, организованном и мотивированном.

В 30-х гг. XX в., в годы перехода от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным, возникла необходимость поиска новых форм мотивации, характеризующихся более выраженным социологическим и психологическим содержанием. Одной из таких форм является предпринимательская мотивация.

Проблема мотивации российских бизнесменов постепенно стала проникать в научные издания и становиться предметом эмпирического изучения социологов и психологов как у нас в стране, так и за рубежом. Однако на русском языке отсутствуют более или менее полные обзоры проблем психологии предпринимательства [6].

С социальной точки зрения роль предпринимателя становится предпочтительнее роли менеджера. Предприниматель как основатель нового дела больше озабочен перспективами развития бизнеса, нежели сиюминутной прибылью. Он отличается сочетанием высокого уровня мотивации достижения и средне-высоким уровнем социальной ответственности.

Первые попытки научно осмыслить мотивацию предпринимательского поведения относятся к концу XIX в. Уильям Джемс (1842-1910), выдающийся американский философ и психолог, разработал учение об эмоциях, ставшее одним из источников би-

хевиоризма. Вместе со своим коллегой Карлом Лангом он разработал теорию эмоций, которая так и называется – теория Джемса-Ланга.

Мотивы к предпринимательскому поведению формируются при наличии потребности быть предприимчивыми. Осознанная, осмысленная, изученная потребность становится поведенческим мотивом. Поэтому предприимчивые действия людей и выбор ими предпринимательской профессии опираются не только на их призвание, но и на их желание. Мотив (установка) предпринимательского действия – состояние предрасположенности, готовности, склонности предпринимателя действовать тем или иным образом. Предрасположенность является внутренней позицией предпринимателя по отношению к различным объектам и ситуациям, включая других людей, касающимся его деловой сферы. Мотивы (установки) придают ситуации личностный предпринимательский смысл. Получение дохода, извлечение прибыли – основной мотив, но не самоцель и не является конечным. Не вся предпринимательская деятельность осуществляется ради личного потребления, напротив, она противостоит всякого рода гедонизму, так как предпринимательство по своей сути не только стратегическая, но творческая деятельность с высокой степенью автономности в принятии решений.

Можно выделить следующие группы мотивов, побуждающих людей к предпринимательской деятельности:

– экономические;
– социальные;
– психологические;
– физические;
– гуманистические.

Предпринимательская мотивация имеет следующие особенности.

Мотивация 1. Стремление к победе, борьбе. Мотив достижения успеха у потенциальных и действующих предпринимателей преобладает над мотивом избегания неудачи. Предприниматель готов бороться. Ему не нужна спокойная жизнь, важна самореализация и общественное признание.

Мотивация 2. Направленность на дело. Энергия предпринимателя направлена на дело, а не на себя или на общение. Он всегда нацелен на результат.

Мотивация 3. Склонность к риску и ответственность. Для предпринимателя характерны две черты характера. Во-первых, он имеет склонность к риску. Жизнь в комфортных предсказуемых условиях для него невыносима. Высокий уровень неопределенности принимаемых решений, наличие риска, угроза потерь – это его прерогатива. Но при этом предприниматель – очень ответственная личность. Его рассудок всегда преобладает над импульсивностью.

Мотивация 4. Внутренний контроль. Еще одна важная особенность личности предпринимателя – это внутренняя локализация контроля. Ему дается свобода поиска способов и свобода выбора экономических действий. Он ориентирован на свою собственную цель, способен противостоять любому давлению внешних факторов, будь то люди или экономические условия.

Американский экономист Й. Шумпетер, занимавшийся проблемой предпринимательской мотивации, выделял три основных мотива:

1) потребность в господстве, власти, влиянии (способность и возможность оказывать определяющие воздействия на деятельность, на поведение людей через накопление индивидуального богатства);

2) воля к победе, стремление к успеху, достигаемому через совершение конкретных действий (это так называемая потребность в достижениях – ситуация, когда формальные достижения становятся самоцелью);

3) радость творчества, которую дает самостоятельность ведения деловой активности.

Однако теория мотивации, разработанная Й. Шумпетером, отражает стереотип западного менталитета, базируется на ситуации, складывающейся в стабильных экономических системах западных стран. В России же продолжающийся возврат к практике предпринимательства, начавшейся в середине 1980-х гг., выяв-

ляет новую шкалу мотивации у поколения советских людей, которые «ринулись» в процесс формирования и укрепления предпринимательской сферы. Известно, что возврат к предпринимательской активности в России сопровождается целым рядом специфических черт и особенностей. Доминирующие мотивы вхождения российских людей в сферу предпринимательства отличаются специфичностью. Их можно представить в такой последовательности:

– стремление к сверхбыстрому обогащению через эгоистическое использование хаотичности текущей ситуации (в условиях экономического развала и упадка отдельные представители российской деловой элиты за 4…5 лет вошли в число 500 самых богатых людей мира);

– нестерпимое желание не зависеть от государственных структур и государственного чиновничества, получить свободу действий и независимость существования (в том числе и профессионального);

– стремление реализовать присущие потенциальные возможности (в том числе профессионального роста, профессиональной карьеры);

– желание реализовать, претворить в жизнь существующие идеи и задумки, что непозволительно сделать в рамках старых производительных структур;

– невозможность обеспечить себе хотя бы минимально допустимый уровень жизненного комфорта за счет заработной платы;

– желание заниматься интересным делом в условиях самостоятельности, независимости;

– стремление повысить свой общественный статус («…Ну, что вы, я ведь тоже имею свою фирму…» — так любят «щегольнуть» к месту и не к месту такие предприниматели);

– стремление повысить свой авторитет, реноме в глазах окружающих («…я сумел завести свой бизнес…»);

– желание проверить себя на «прочность» («А я смогу? Смогу так же, как и другие?») [5].

Одним из стимулов развития предпринимательской деятельности нередко оказываются ситуативные обстоятельства, затрагивающие судьбы отдельных людей, побуждающие их решать свои жизненные проблемы вступлением на путь предпринимательства. Психологические особенности предпринимателя определяются, прежде всего, содержанием его мотивационной сферы. В мотивации предпринимателя ведущей всегда является потребность в самоактуализации, направленной на реализацию своего личностного потенциала. Этим подлинный предприниматель отличается от человека, единственным стремлением которого является лишь обогащение, а также от мелкого бизнесмена, для которого предпринимательство лишь способ поддержания определенного уровня существования. В предпринимательство идут люди, обладающие потребностью в достижениях, но если у них нет объективной возможности ее реализовать, она начинает постепенно угасать.

Как правило, под предпринимательством понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск экономическая деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом и/или нематериальными активами, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Определения понятия «предпринимательство» в разных источниках могут отличаться друг от друга. Однако можно выделить главные принципы:

– личный интерес предпринимателя, стремление к получению прибыли;

– творчество, новаторство;

– проявление инициативы, активная деятельность;

– планирование чего-то нового, разработка и внедрение новых идей, организованность;

– различие собственника и инвестора от функций предпринимателя, т. е. лицо, которое вкладывает свои деньги в какое-либо предприятие, ещё не является предпринимателем, необходимо также при-

нимать активное участие в деятельности предприятия;

– риск, ответственность.

Миссия предпринимательства – создание богатства для себя и общества в целом.

Предпринимательство – важнейший атрибут рыночной экономики, пронизывающий все её институты. Для понимания природы предпринимательства многое сделали Людвиг фон Мизес, Фридрих Август фон Хайек и другие представители австрийской школы экономистов. Они рассматривали предпринимательство в качестве одного из основных ресурсов (факторов) экономики наряду с природными – землей, трудом, капиталом, информацией и временем [8].

В настоящее время предпринимательство имеет большое значение для государства. Это – инновационное развитие государства, повышенные доходы страны, рабочие места, возможность самореализации.

Тема развития предпринимательской мотивации является особенно актуальной для России в условиях развития рыночных отношений.

В России предприниматель – новая социальная фигура, без которой невозможна рыночная экономика. Поэтому поиск, «выращивание» людей инициативных, независимых, способных взваливать на себя риск и ответственность за ведение дела, – важная задача [9]. Цель предпринимательской активности у всех едина, ни один предприниматель не может обойтись без получения прибыли и не может не стремиться к извлечению прибыли из процесса своей профессиональной деятельности. Однако конкретные формы достижения цели при этом у каждого предпринимателя свои. Формы избираются самим предпринимателем. Выбор же диктуется тем мотивом, который им движет и который стимулирует его к занятию именно предпринимательской активностью.

Литература

1. Глазов М.М. Управление персоналом. М.: Инфра-М, 2009. 231 с.

2. Егоршина А.П. Мотивация трудовой деятельности. М.: Инфра-М, 2008. 436 с.

3. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г. Мотивация персонала. М.: Альфа-Пресс, 2010. 640 с.

4. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2009. 224 с.

5. Мотивация предпринимательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.predprinimatelstvo.5311sps.edusite.ru/p11aa1.html, свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

6. Ориентиры трудовой мотивации в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hrm.ru/orientiry-trudovojj-motivacii-v-sovremennojj-rossii, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

7. Основы трудовой мотивации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hr-portal.ru/article/osnovy-trudovoi-motivatsii-kollektiva, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

8. Понятие и функции предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/predprinimatelskoe-pravo/7.htm, свободный. Загл.с экр. Яз. рус.

9. Романова Н.П. Харизматичность лидерства. Чита: ЧитГУ, 2005. 236 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Полутова М.А., канд. социол. наук, доцент, факультет экономики и управления, кафедра управления персоналом, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
polutovama@mail.ru

M. Polutova, Candidate of sociological Sciences, associate professor, faculty of economics and management, personnel management department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: предпринимательская мотивация

Scientific interests: entrepreneurial motivation

Туякбаева А.Е., соискатель, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
philosofy@mail.ru

A. Tyakbaeva, applicant, Zabaikalsky State University

Научные интересы: предпринимательская мотивация

Scientific interests: entrepreneurial motivation

Технические науки

УДК 004.822

Маргазова Надежда Владимировна
Nadezhda Margazova

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕОДНОРОДНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СРЕДАХ

MODERN REVIEW ON APPROACHES TO MODELING OF COMMUNICATIVE PROCESSES IN NON-HETEROGENEOUS ENVIRONMENT

Приводится краткий обзор проблем, существующих в сфере междисциплинарного информационного обмена, и основных подходов к их решению. Определены направления исследований, результаты которых могут быть использованы при разработке информационной системы, базирующейся на модели естественного взаимодействия участников коммуникативного процесса и ориентированной не столько на формальное, сколько на содержательное взаимодействие пользователей

This article is a short review of problems in interdisciplinary communications and approaches to their solution. We defined basic directions of research for modeling of native communications in heterogeneous information environment and for development of information systems oriented not only for formal communion but also for exchange of knowledge of users

Ключевые слова: *информационные технологии, междисциплинарные коммуникативные процессы, семантика*

Key words: *information technology, interdisciplinary communication processes, semantics*

Работа поддержана грантом РФФИ (№11-07-98019).

Последние десятилетия наглядно показали, что интересные научные результаты часто возникают на стыке различных дисциплин. Сложное и изначально психологически дискомфортное состояние вступления в неизвестность — непременный атрибут научного творчества. Слова «я не понимаю» нередко предшествуют постановке научной задачи независимо от того, к какой проблематике относится исследование и к какой научной школе принадлежит учёный. Но это состояние многократно интенсивнее переживает человек, соприкасаясь с чужой, незнакомой ему областью знаний.

Специалист, работающий в некоторой предметной области, зачастую не только не понимает специфики материала, который изложен с использованием терминологии и в соответствии с порядком, принятым в другой предметной области, но, как правило, вообще не видит там потенциально полезной для себя информации. В то же время вероятность попадания человека в условия, требующие не только восприятия, но и опе-

рирования знаниями из ранее неизвестных ему предметных областей, увеличивается многократно вследствие возрастающей дифференциации научных направлений, роста числа исследователей и количества самих исследований, интенсификации коммуникативных процессов.

Междисциплинарные направления, поиск прикладной составляющей в фундаментальных научных работах, инновационная деятельность — лишь немногие из примеров, для которых необходимым условием получения качественного результата является эффективное совместное использование знаний, созданных в рамках различных дисциплин. Применительно к инновационному процессу очевидно, что для коммерциализации знаний необходимо наличие отлаженных информационных потоков между исследователями, инженерами, финансистами, маркетологами, обеспечивающих их согласованную деятельность.

В России созданы многие элементы инновационной инфраструктуры: наукограды, особые экономические зоны, технопарки и бизнес-инкубаторы, однако проблемы информационного взаимодействия зачастую так и остаются нерешенными. Доклады учёных по-прежнему мало интересуют инвесторов, производство не видит потенциального экономического эффекта от внедрения инновационных технологий, покупатель не замечает новых продуктов, пока к ним не приложена мощная маркетинговая и сервисная составляющая. Сказанное даёт основание говорить о наличии коммуникативных барьеров между разными группами потенциальных участников информационного обмена.

Каким же образом снять эти барьеры или хотя бы существенно их понизить? Что взять за исходную точку при попытке решения этой сложной задачи, над которой работают специалисты разных стран [1-5; 7; 11; 12], в том числе и России [8; 13; 10; 14].

В работе [17] отмечается: «В 1945 году американский инженер, советник по науке президента Рузвельта Ванневар Буш в статье «Как мы могли бы думать» указал на несоответствие способов хранения и обработки информации «внутри» и «вовне» человеческой головы: человеческая память ассоциативна, а каталоги библиотек упорядочены по формальным критериям. Для устранения этого несоответствия он предложил проект электромеханического устройства (названного им «Метех»), в котором информация хранилась бы так же, как в человеческой голове. «Информационный взрыв» XX в. обострил указанное несоответствие до противоречия: поиск уже наработанных материалов по той или иной проблеме стал отнимать больше времени и сил, чем само «думанье» над ней. В 1965 г. программист, математик и философ Т. Нельсон, реализовав идею Буша на ЭВМ, разрешил данное противоречие. Он же ввёл в употребление термин «гипертекст». Гипертекст является простейшей искусственной формой информационной системы».

Информационные (компьютерные) системы, создаваясь в рамках существующих коммуникативных парадигм, в значительной степени копируют сложившуюся систему представления информации, характерную для печатной литературы, достаточно чётко разделённой на две категории — популярную и специализированную. Причина такого разделения очевидна и сводится, как правило, к высокой интенсивности фоновых коммуникативных потоков, что влечёт за собой как сознательное, так и бессознательное ограничение объёма обрабатываемой информации, формирование в сообществах внутренних языков, систем понятий и символов. Это способствует, во-первых, чёткой дифференциации информационных потоков на тематические и не тематические, во-вторых, позволяет оперативно распознавать уровень компетентности источника сигнала. Например, сеть Интернет может рассматриваться как глобальная система обмена и распространения информации, используемая широким кругом авторов и пользователей. Эта система в целом характеризуется слабой систематизацией информации, которая к тому же часто бывает неполной или избыточной, содержит много информационных

шумов. Такие же недостатки характерны для интернет-ресурсов, ориентированных на широкий круг пользователей. В то же время существуют специализированные информационные ресурсы, как интегрированные в Интернет, но требующие специального доступа, так и существующие вне пространства имён Интернета.

Общим для всех специализированных информационных систем является сознательное ограничение тематики размещаемых, а в некоторых случаях и обсуждаемых материалов, жёсткая структуризация и модерация данных, использование специфических для данной области знаний понятий, ограничение или существенное разграничение доступа. Полностью отвечая интересам целевой группы, специализированные системы в то же время искусственно выставляют новые коммуникативные барьеры для других групп потенциальных получателей информации.

Частично вопросы получения информации в сети Интернет решаются поисковыми системами, индексирующими и некоторые открытые специализированные информационные системы. Однако при этом, во-первых, остаются нерешенными проблемы несистематизированности, неполноты или избыточности информации, а получаемые сведения нередко бывают недостоверными или искаженными, во-вторых, для нахождения необходимой информации в текстах, проиндексированных поисковой машиной, пользователь обязан владеть именно той терминологией, которая применяется автором публикации.

Для решения проблемы несистематизированности данных в сети Интернет разработан целый ряд технологий, позволяющих автоматическим системам оперировать метаданными и структурированными web-документами, в том числе в рамках концепции **Semantic Web. Для представления** семантических данных активно используются онтологии различных предметных областей, разработаны онтологии верхнего уровня, объединяющие знания различных дисциплин. Однако в настоящее время эти разработки получили существенное распространение только в специализированных информационных системах и для отдельных, хотя и часто встречающихся задач, таких, например, как представление библиографических данных или адресов.

Поиск и автоматическая систематизация документов, оформленных по правилам, принятым в таких системах, существенно упрощается, тем не менее, остаются проблемы конвертации данных, согласования форматов и версий, несовместимости структур, создаваемых для различных целей и областей деятельности. Можно предположить, что более широкое распространение этих технологий сдерживается предъявляемыми к разработчикам и авторам интернет-ресурсов строгими требованиями по форматированию и представлению документов в соответствии с принятыми в этих системах стандартами и недостаточной гибкостью самих стандартов.

Таким образом, несмотря на высокий уровень развития современных информационных технологий, пока ещё не создано эффективной системы, ориентированной на решение задач извлечения информации, созданной в различных информационных контекстах, интенсификации коммуникативных процессов между специалистами различных предметных областей, содержательного взаимодействия географически и организационно распределённых пользователей.

В то же время все эти слабоформализованные задачи достаточно успешно решаются в условиях естественного общения людей. Его участникам несложно выявить признаки недостаточной компетенции собеседника в том или ином вопросе и, как следствие, предоставить ему необходимую информацию в адаптированной форме. Взаимное согласование семантических конструкций позволяет каждому из собеседников как сместить акценты в своем представлении обсуждаемой информации, так и научиться понимать альтернативную терминологию.

Способность осваивать различные формы представления знаний изучается в рамках когнитивной семантики, которая

разделяет смысловое построение и выражение знания. Хотя способность сознания человека напрямую оперировать смыслами является врожденной и проявляется у него до освоения языков и письменности, однако для обеспечения устойчивых коммуникативных процессов в группах применяются различные системы знаков. Когнитивная семантика определяет, что существуют проекции смыслов в доступные для участников коммуникативного процесса форматы. Примерами таких проекций являются язык, письменность, условные обозначения, жесты, формулы, термины и т.д.

Не вызывает сомнения тот факт, что основная роль в коммуникативном процессе отводится вербальным средствам. Посредством общения людей на своем естественном языке передается огромный объем информации, поэтому на первый план при решении поставленной проблемы выдвигается задача формализации вербальных средств общения. Анализ научных исследований в области лингвистики показывает, что ученые, интересы которых лежат в гуманитарной сфере, все чаще обращают внимание на методы, характерные для естественных наук. Так, в работе [9] отмечается: «Несмотря на то, что в гуманитарных областях исследования принцип системности трудно реализуем – в частности, говорят об асистемности и даже антисистемности в языке, – системный подход является основополагающим научным принципом исследования». В своей работе автор ставит вопрос: «…правомерно ли говорить о коммуникативной системе и можно ли, в принципе, выделить из коммуникации как явления – процесса общения – некую сущность – коммуникативную систему, отличную от языковой системы?» и доказывает, что можно. Таким образом, у нас появляются основания для перехода от понятия «коммуникативный процесс» к понятию «коммуникативная система». Это дает нам возможность использовать методы системного анализа для поиска механизма интенсификации информационного обмена.

Как известно [15], под системой понимается множество взаимодействующих элементов, составляющих целостное образование, не сводящееся к простой сумме своих частей, т.е. представляющее нечто большее, чем сумму своих частей. Это нечто, отсутствующее в частях системы, взятых самих по себе, и совершенно необходимое, чтобы элементы образовали систему, представляет собой интегрирующее начало, системообразующий фактор.

Чтобы воспользоваться методами системного анализа, необходимо, во-первых, определить все элементы, входящие в состав коммуникативной системы, и, во-вторых, проверить, отвечает ли это образование качествам, свойствам, признакам, присущим любой системе, независимо от ее происхождения и конкретного воплощения.

В условиях коммуникативной системы «источник-сигнал-приёмник» [19] независимо от того, какой носитель и какая знаковая система используется, участник коммуникативного процесса закладывает в свое сообщение интерпретацию некоторых, однозначно понимаемых им смыслов и рассчитывает, что сигнал будет распознан. Если принимающая сторона обладает достаточной компетентностью для выявления и понимания заложенного в сообщение смысл, то это сообщение будет для получателя информативным.

Единого общепринятого определения термина «информация» в настоящее время не существует. Так, в работе [20] сообщается о более чем 400 таких определениях. Как отмечает А.Я. Фридланд, [18]: «…от понимания термина «информация» зависят значения всех производных терминов: «информационная технология», «информационная система», «информационный процесс», «информационное общество» и др. и даже понимание предмета самой науки».

Используя понятие «смысл», дадим ещё одно определение информации.

Информация – это непустое множество смыслов и взаимосвязей между ними.

Объем информации, которым может сознательно оперировать человек, характеризует его уровень знаний и компетенции. Для передачи информации без потерь необ-

ходимо выполнение следующих условий:

— передаваемые смыслы должны принадлежать к пересечению множеств знаний участников коммуникативного процесса;

— существование как минимум одной проекции каждого передаваемого смысла в форматы, распознаваемые участниками коммуникативного процесса.

При этом не гарантируется, что в каждом формате будут существовать проекции для всех элементов полного множества информации. Умение проецировать информацию в используемые в коммуникативном процессе форматы, извлекать ее и конвертировать из одного формата в другой формируется в процессе обучения. Владение навыками работы с проекциями является одним из важнейших критериев социальной успешности индивидуума.

В то же время следует отметить тенденцию к все более активному применению «интуитивно понятных» форматов, например, пиктографической письменности, для определения смысла которых не требуется длительного обучения.

Несмотря на то, что язык и процесс мышления теснейшим образом связаны между собой, смысл — это экстралингвистическое явление [16], а язык — средство проекции смыслов в понятный его носителям формат. В этом контексте перевод с одного языка на другой следует воспринимать не как прямое сопоставление слова из одного языка слову из другого, а как сопоставление слова из одного языка смыслу, а смысла — слову из другого языка. Как отмечал Норберт Виннер, переводить надо не слово за словом, а идею за идеей [6]. Вследствие этого преобразование информации из одного формата в другой с учётом семантики обеспечивает наименьшее количество интерпретационных искажений.

Значимость семантического базиса коммуникативной среды объясняется ещё и тем, что представители разных культур и сообществ вне зависимости от параметров и возможностей, сложившихся проекционно-знаковых систем, в состоянии распознать смыслы, заложенные в принимаемом форматированном потоке сигналов, в том случае если уровень знаний приёмника сопоставим с уровнем компетенции источника сигнала.

В процессе распознавания сигнала мозг формирует и оптимизирует ассоциативные цепочки — алгоритмы быстрого распознавания наиболее часто встречающихся сигналов, т.е. некоторые шаблоны восприятия. В то же время при поступлении сигнала, не прошедшего ни по одному из известных ранее оптимизированных алгоритмов, мозг задействует дополнительные системы, в том числе эмоциональные. Результатом активной деятельности мозга, инициированной неопознанным сигналом, становится либо корректировка существующего алгоритма распознавания, либо формирование нового, но в любом случае сигналу будет сопоставлен некий смысл.

Наличие осознанного опыта, связанного с тем или иным информационным контекстом, способствует тому, что сведения, аналогичные уже известным, обрабатываются значительно быстрее. Вследствие этого объем и качество знаний индивидуума в разных областях развиваются неравномерно. Индивидуум генерирует и воспринимает преимущественно те сигналы, семантическое наполнение которых коррелирует с ранее полученной информацией. При этом в условиях информационного переполнения сигналы, даже имеющие смысл для одного человека, воспринимаются другим как шум.

Задача создания эффективного механизма, позволяющего интенсифицировать коммуникативные процессы в неоднородных информационных средах, требует формирования информационных ресурсов, адаптированных к информационным потребностям пользователей. Для этого в структуре данных необходимо выделить три основных «слоя» индивидуального информационного поля: событийный контекст, область интересов, область знаний. Объем, динамика и семантическая структура этих слоёв могут существенно отличаться, однако каждый из них непрерывно влияет на остальные как вследствие достраивания, модификации и разрушения семантичес-

ких конструкций, так и вследствие герменевтической рефлексии. Предлагаемый подход может быть использован при моделировании естественного взаимодействия участников коммуникативного процесса и для разработки информационной системы, ориентированной не столько на формальное, сколько на содержательное взаимодействие пользователей.

Литература

1. Hatch J. Defining Organizational Knowledge: Turning individual knowledge into organizational intellectual capital, 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://knol.google.com/k/defining-organizational-knowledge.

2. Mareschal D. Computational perspectives on cognitive development / WIREs Cognitive Science, 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wires.wiley.com/WileyCDA/WiresArticle/wisId-WCS67.html.

3. White S.M. Application of cognitive theories and knowledge management to requirements engineering Systems / Conference 2010 4th Annual IEEE, 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1109/SYSTEMS.2010.5482489.

4. Берлинская декларация об открытом доступе к научному и гуманитарному знанию, 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://informika.ru/text/magaz/newpaper/messedu/2003/cour0311/200.htm.

5. Будапештская инициатива «Открытый Доступ», 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.soros.org/openaccess/view.cfmhttp://www.soros.org/openaccess/view.cfm.

6. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001.

7. Инициатива «Открытые архивы», 2000 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2001/part6/LS.

8. Когаловский М.П. Онлайновый открытый доступ к научным публикациям – важный компонент исследовательской ИТ-инфраструктуры. Глава коллективной монографии «Проблемы развития рыночной экономики» // Под ред. член.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМН РАН, 2011.

9. Конецкая В.П. Социология коммуникации: учеб. М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997.

10. Максимов Н.В. Информационная среда науки и образования: от информационного обслуживания к распределённой системе управления знаниями // Информационное общество. 2009. № 6. С. 58-67.

11. Международное соглашение «Берлин-3», 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eprints.org/events/berlin3/outcomes.html.

12. Международная петиция за гарантированный публичный доступ к результатам исследований, финансированных Европейской Комиссией, 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ec-petition.eu.

13. Паринов С.И. e-Science – онлайновое будущее науки: прил. к журналу «Информационные технологии». № 9. 2007 (авторская версия статьи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:mqijxk:19).

14. Рыженко Л.И. Подход к смысловой организации информационных баз данных // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 279-292.

15. Системный анализ, ключевые термины [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sistemanaliz.ru.

16. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.

17. Усов В.Н. Философские проблемы информатики: учеб. пособие для аспирантов и соискателей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010.

18. Фридланд А.Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к определению // Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы», 2008.

19. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике: пер. с англ. М., 1983.

20. Шнейдоров В.С. Занимательная информатика. СПб.: Политехника, 1994.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Маргазова Н.В., директор, Забайкальский центр трансфера технологий
+79243783771

N. Margazova, director, Transbaikalie technology transfer center

Научные интересы: интеллектуальные интернет-технологии, проблемно-ориентированные системы, основанные на веб-технологиях, распределенная обработка данных

Scientific interests: smart Internet technology, problem-oriented systems based on Web technologies, distributed data processing

Философские науки

УДК 215

Булыко Иван Петрович
Ivan Bulyko

ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ В БОГОСЛОВИИ КАРДИНАЛА ИВА КОНГАРА

PNEUMATOLOGIC SYNTHESIS OF ECCLISSIOLOGY AND ATHROPOLOGY IN THE THEOLOGY OF CARDINAL YVES CONGAR

Рассматривается пневматологический синтез экклезиологии и антропологии в богословии кардинала Ива Конгара. Этот синтез кардинала Ива Конгара был значительным вкладом в католическое богословие Святого Духа

Ключевые слова: *пневматология, экклезиология, антропология, сотериология, пневматологический синтез, храм Святого Духа*

Pneumatological synthesis of ecclesiology and anthropology in the theology of Cardinal Yves Congar are described in the article. This synthesis was a considerable contribution in the catholic theology of the Holy Spirit

Key words: *pneumatology, ecclesiology, anthropology, sotreology, pneumatological synthesis, temple of the Holy Spirit*

Богословие кардинала Ива Конгара о Святом Духе способствовало возрождению католической богословской мысли и облегчило в определённой мере взаимопонимание между Востоком и Западом. В своём богословии Святого Духа он попытался показать ту важную роль Святого Духа, которую Он играет в жизни Церкви, а также в жизни каждого отдельно взятого христианина.

Человек сотворён по образу и подобию Божию. Этот образ, по мнению кардинала Конгара, не может быть ограничен физической структурой человеческой личности. «Человеческое существо сотворено по образу Триединого Бога, не только в физической структуре, но также в реальности существования в обществе и общении» [2; С. 254]. Человеческие личности наделены знанием и любовью для того, чтобы существовать в отношениях с Богом и друг с другом. Они — активные, свободные исторические субъекты, причастные общей человеческой природе.

Верующие есть воистину живые камни этого храма. Бог входит в их жизнь до самого основания. Они воистину святы, потому что Бог лично вошёл в этот мир и реально соединился с каждым из них. Это соединение стало возможно благодаря событиям Боговоплощения, Пасхи, Пятидесятницы, благодаря домостроительствам Сына и Святого Духа, которые были посланы в этот мир для того, чтобы восстановить утраченное в раю общение между Богом и человеком. Если Сын Божий, ставший человеком через своё Воплощение, смерть, Воскресение, совершает наше Искупление, то Святой Дух усвояет нам плоды этого Искупления, обитая в нас как в своих храмах. Он соединяет нас с Собой, а через это единение мы также соединяемся с Лицами Отца и Сына. Святой Дух приводит нас в общение с другими людьми. Во Святом Духе наша любовь друг

ко другу возвышается до сверхъестественного уровня. Мы любим друг друга любовью Божией, мы соединены друг с другом единством Тела Христова.

Интерес кардинала Ива Конгара к богословию Святого Духа неотделим от экклезиологии – учения о Церкви. Богословие Святого Духа является компонентом его экклезиологии, а экклезиология естественно и органично должна включать антропологию, учение о человеке, потому что Церковь как Богочеловеческий организм состоит из людей, которые являются членами этого организма. И каждый верующий, который принадлежит Церкви, также есть храм живущего Святого Духа, который животворит как отдельного верующего, так и всё Тело Церкви.

Следовательно, пневматологию мы должны рассматривать не отдельно от экклезиологии, но в синтезе с ней. Именно поэтому богословие Святого Духа, по мнению кардинала Конгара, требует синтеза пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии. Этот взгляд на развитие и интеграцицию этих двух измерений пневматологии есть существенный вклад кардинала Ива Конгара в современное Римо-католическое богословие Святого Духа.

Как отмечает Элизабет Тереза Гропп, «именно православное богословие побудило его интегрировать пневматологическую экклезиологию и пневматологическую антропологию» [5; С. 35]. Кардинал Конгар пришёл к выводу о необходимости данного синтеза под влиянием православных богословов. В октябре 1963 г., когда был подготовлен документ «О Церкви» на Втором Ватиканском Соборе, кардинал Конгар имел беседу с протоиереем Александром Шмеманом и греческим богословом Никосом Ниссиотисом, которые сделали ему замечания по данному документу: «Если бы мы должны были приготовить трактат «О Церкви», мы бы включили в этот трактат главу о Святом Духе, к которому также добавили бы ещё одну главу, которая касалась бы христианской антропологии» [2; С. 470].

Для кардинала Ива Конгара пневматологическая антропология и пневматологическая экклезиология – это два неразрывных измерения одного и того же дара Святого Духа. «Пневматология есть некое измерение экклезиологии, так что она включает в себя и антропологию» [4; С. 18]. Святой Дух является одновременно обоживающим началом человеческой личности и соучредителем и жизненным принципом Церкви. Истинное богословие Святого Духа должно включать богословие обитающей личности и богословие Церкви, потому что Святой Дух приводит все личности, все поместные Церкви в общение друг с другом.

Кардинал Ив Конгар осознавал, что разрыв антропологии и экклезиологии недопустим с токи зрения библейского и святоотеческого богословия, богословия Фомы Аквинского, а также Восточного богословия. Он в Доминиканской богословской школе Солышвар под влиянием своих великих учителей, таких как Мари-Доминик Шеню, открыл для себя традицию, которая интегрировала богословие Церкви и богословие человека. Точкой соприкосновения этих двух областей вероучения, по мнению кардинала Конгара, является пневматология. Именно учение о Святом Духе является для него тем основанием, которое должно присутствовать как в антропологии, так и в экклезиологии. Без этого основания было бы совершенно невозможно объяснить тайну общения Бога и человека, тайну обожения и Божественного усыновления.

Кардинал Ив Конгар отмечал, что «современная антропология отделена от экклезиологии» [1; С. 325-326]. «Самое большое различие между святоотеческой экклезиологией и современной экклезиологией заключается в том, что первая включает в себя антропологию, тогда как вторая является книгой общественного права… Антропология святоотеческой экклезиологии – это антропология человеческого общества, которая находит своё выражение через это общество, потому что только таким образом раскрывается Богоподобие. Вот то место, где встречаются антропология и экклезиология, и именно это человечество, которое

имеет общение с Богом и между собой, является предметом Церковных действий» [6; С. 31-32].

Синтез пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии кардинала Ива Конгара есть богословие, укоренённое в библейской, патристической и средневековой традиции.

Рассматривая данный синтез с точки зрения библейского богословия, кардинал Конгар полагает, что в Библии нет разрыва между богословием обитания Святого Духа в праведном человеке и богословием Церкви. Христианин, согласно Библии, органично вписан в реальность Церкви. Он есть член Церкви как Тела Христова, а следовательно, её часть. Если Святой Дух действует во всём целом, точно так же Он должен действовать и в части этого целого.

В богословии апостола Павла как отдельно взятая личность, так и вся Церковь есть храм Святого Духа, и Святой Дух даётся нам не как индивидуумам, но как лицам, находящимся в общении друг с другом, лицам, соединённым через общее прославление и почитание Бога. Апостол Павел говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» (1 Кор. 3,16). У апостола Павла есть неоднократное утверждение обитания в нас Святого Духа как в своём святилище, которое относится одновременно как к личностям, так и к общине как таковой. Понятие обитания у апостола Павла передаёт, по мнению кардинала Конгара, значение постоянного присутствия и идею «обитания-владения».

Исследуя святоотеческую традицию, в частности, труды святого Иринея Лионского и святого Кирилла Александрийского, кардинал Ив Конгар говорит о том, что они указывают на то, что каждая душа — это Церковь. Духовные ценности Церкви, как Храма Невесты, реализуются в каждой верующей душе. Подобно тому, как человеческая личность становится храмом Святого Духа через постоянную молитву, точно так же и Церковь является храмом, чьи стены отражают звук голосов тех, кто объединён в хвале Бога.

Однако кардинал Конгар предупреждает о том, что это не означает, что обитание Святого Духа в человеческой душе причинно предшествует действию Святого Духа в Церкви и действие Святого Духа в Церкви причинно предшествует обитанию Святого Духа в человеческой личности. И как отмечает собрат кардинала Ива Конгара по монашескому Доминиканскому ордену и его ученик (в настоящий момент профессор и ведущий специалист в области экклезиологии Парижского Католического Института) отец Эрве Легран, «совершенно неправильным было бы представить себе то, что кардинал Ив Конгар вначале развивал антропологию, а затем экклезиологию и в конечном итоге пытался бы синтезировать эти два элемента богословия»[5; С. 169]. Обитание Святого Духа не чуждо нашей тварной человеческой природе, но оно, как подчёркивает кардинал Ив Конгар, неотделимо от тайны Церкви.

Антропология кардинала Конгара ни в коем случае не является индивидуалистической. Мы сотворены со способностью общаться с другими, стремиться познать других, любить друг друга. Человеческое существо сотворено для того, чтобы жить в отношениях друг с другом. Наше призвание к знанию и любви указано способностью быть призванными Богом. Мы сотворены по образу Божию с целью получить Божественное призвание и ответить Богу истиной, верностью и любовью.

Пневматологическая экклезиология кардинала Ива Конгара также не есть некая конгрегация, в которой индивидуумы объединяются вместе по общему признаку, она также не есть иерархия, в которой некоторые личности имеют автономную власть даровать Божественную благодать другим. С точки зрения богословия Святого Духа, которое в то же время есть антропологическая пневматология и экклезиологическая пневматология, Церковь — это не просто иерархия в смысле подчинённых и начальствующих, потому что обитание Святого Духа обще всем. Святой Дух обитает в каждом члене Церкви, независимо от того, обличён ли христианин иерархической властью или нет.

Пневматологическая экклезиология кардинала Ива Конгара – это сложное богословие Церкви, которое имеет общинный характер природы и благодати. Святой Дух действует через отношения взаимности и общения. Церковь для кардинала Ива Конгара – это не просто общественная организация, которая имеет свой статус в человеческом обществе, живёт и существует по установленным законам, но это живой организм, это собрание людей, которые руководимы Святым Духом и которые стремятся к Богообщению и Богоподобию.

Синтезируя пневматологическую антропологию и пневматологическую экклезиологию, кардинал Ив Конгар исходит, во-первых, из того принципа, что ни человеческая личность, ни Церковь, ни даже дар Святого Духа не являются целью сами по себе. Обитание Святого Духа в человеческой личности и миссия Церкви объединены в общей направленности к трансцендентному Богу. Дух Христов исходит от Бога и призывает нас вернуться к Богу – отвратиться от греха и эгоизма и жить в святости, правде, любви и общении. Это сильный теоцентрический акцент его богословия.

Во-вторых, для кардинала Ива Конгара важным принципом интеграции пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии является богословие природы и благодати. Он утверждает, что у нас есть естественное желание благодати Божией и что с момента творения Бог определил для нас Божественное общение. Кардинал Конгар делает особый акцент на том, что благодать – это Сам Святой Дух. Согласно учению кардинала Конгара, мы способны познавать Бога тогда, когда в нас присутствует Святой Дух, который совершает наше обожение.

Ещё одним ключевым принципом для синтеза пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии для кардинала Ива Конгара является пневматологическая христология. Кардинал Конгар подчёркивает, что Иисус Христос стал Мессией для нас благодаря действию Святого Духа в событиях жизни, смерти и воскресения. Через Святого Духа всё человечество ипостасно соединяется с Превечным Словом. Благодаря Святому Духу, через которого Церкви сообщается благодать, каждый член Церкви соединён с Её Главой – Господом Иисусом Христом. Святой Дух делает нас причастниками Самого Превечного Слова благодаря таинствам Церкви, а особенно в таинстве Евхаристии, когда под видом хлеба и вина, которые под действием Святого Духа становятся Телом и Кровью Христовой, мы причащаемся Самого Источника Жизни – Господа Иисуса Христа.

Именно во Святом Духе Иисус Христос служит основанием для Церкви. Святой Дух делает Иисуса Христа Начальником нового искуплённого человечества, которое составляет Церковь Христову. Господь Иисус Христос возглавляет это человечество в своей Ипостаси, будучи Главою Церкви. Церковь есть результат Его искупительного подвига, а также сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы. Поэтому можно сказать, что в основе Церкви лежат два домостроительства: домостроительство Христа и Святого Духа.

Таким образом, пневматологическая экклезиология кардинала Конгара предполагает пневматологическую христологию. И пневматологическая антропология также требует эту предпосылку, ибо как «Святой Дух преобразует человечество Христа из формы служебной в форму Божественную, так Он совершает и обожение человечества» [5; С. 35]. Через Боговоплощение и вхождение в мистическое Тело Христово мы становимся чадами Божиими. Мы становимся сотелесными Христу, который воспринял нашу человеческую природу, кроме греха, и прославил наше воспринятое человечество через своё телесное вознесение на небо. В Теле Христовом мы соединены мистически Святым Духом с Христом как единым Главой этого Тела и друг с другом. Через это соединение мы являем собой эсхатологический народ Божий, усыновлённый Богу, Глава которого есть Сам Господь Иисус Христос.

Кардинал Ив Конгар на основании библейского и святоотеческого богословия

проводит параллель между обитанием Святого Духа в Церкви, как Теле Христовом, и Его обитанием в человеческой душе. Душа человека, так же как и Церковь, есть храм живущего в ней Святого Духа. Таким образом, можно говорить о том, что душа – это храм Святого Духа в малом масштабе, где Святой Дух обитает в человеке как индивидууме, а Святая Церковь есть храм Святого Духа во вселенском масштабе. Она есть совокупность тех, в ком обитает Святой Дух. Бог присутствует в нас и находится в общении с нами до такой степени, что тела наши есть храмы Господа.

Если рассматривать пневматологическую антропологию в отрыве от пневматологической экклезиологии, то возникают проблемы в понимании учения о спасении. Догматическое учение Церкви построено так, что все догматы рассматриваются в тесной связи друг с другом, и эта связь даёт нам целостную картину того, как происходит спасение человека от греха и приведение его в общение с Богом.

Литература

1. Congar Y.,o.p. J'aime l'Orthodoxie // Ecrits Reformateurs. Choisis et prèsentè par Jean-Pierre Jossua, Les Editions du CERF, 1995, P. 325-326.

2. Congar Y., o.p. Je crois en L'Esprit Saint. Paris. 1998.

3. Congar Y., o.p. Le mystère du Temple, Paris, 1958.

4. Congar Y., o.p. Le Saint Esprit dans la theologie thomiste d`agir morale // L`agire morale, Napoli, 1974.

5. Groppe E.T. Yves Congar`s theology of the Holy Spirit. Oxford University Press, 2004.

6. Kallistos (Ware), bishop Preface // Flynne G. Yves Congar theologian of the Church, Peeters Press, Louvain-Paris-Dudley, 2005.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Булыко И.П., канд. богословских наук, преподаватель, Санкт-Петербургский Православный Институт Религиоведения и Церковных Искусств
IvanBulyko@yandex.ru

I. Bulyko, Candidate of theological sciences, teacher, Saint-Petersburg Orthodox Institute of the Religion Study and Church Arts

Научные интересы: пневматологическая антропология

Scientific interests: pneumatological anthropology

УДК 22.24

Жуков Артем Вадимович
Artem Zhukov

Жукова Алена Алексеевна
Alena Zhukova

ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

HISTORIOGRAPHY OF RELIGION RESEARCHES IN THE TERRITORY OF TRANSBAIKALIE

Представлены главные указания и тенденции изучения религий на территории Забайкалья, среди которого научные исследования XVIII столетий, исследования декабристов, российского географического общества, рассмотрены работы представителей Русской православной церкви, исследователей буддизма. Авторы приходят к выводу о том, что тема «Религия Забайкалья» привлекательна для широкого руководства авторов в течение более чем 300 лет, и сегодня эта направление нуждается в развитии в связи с быстрыми изменениями современного периода

Ключевые слова: *религии Забайкалья, буддизм, историография*

In article the main directions and tendencies of studying of religions in the territory of Transbaikalie among which the academic researches of the XVIII century, researches of Decembrists, Russian geographical society, confessional works of representatives of Russian Orthodox Church, buddologic researchers are presented. The authors make a conclusion that the subject «Religion of Transbaikalie» is attractive to the wide direc-tion of authors for more than 300 years, thus it needs a development in connection with the prompt changes of modern period

Key words: *religions of Zabaikalie, buddologi, historiography*

Религии Забайкалья – это тема, которая привлекает внимание исследователей с конца XVII в. Элементы религиозной жизни народов Забайкалья описаны в трудах историков, археологов, этнографов, религиоведов. Одним из первых свидетельств, повествующих о жизни православных христиан и вере тунгусских народов края, стало «Житие протопопа Аввакума». Первые научные описания, в которых имелись сведения о религиозности населения региона, составили И. Идес, А. Брандт, Ф. Ланге, Н. Спафарий-Милеску. И. Идес и А. Бранд в конце XVII в. описали шаманов; клятвы, произносимые на берегах Байкала; суеверия, связанные с этим великим озером; священные горы, где устраивались кровавые жертвоприношения. С 20-х гг. XVIII в. народы региона изучаются Ф.И. Страленбергом и Д.Г. Мессершмидтом, научным наследием которого стало рассмотрение религиозной культуры народов Сибири.

Значительную роль в научном осмыслении религиозности сыграли академические экспедиции XVIII в. Г. Миллер описывал культовые места почитания петроглифов современными ему бурятами. В этнографических сравнениях академик находил доказательство шаманского происхождения писаниц и высказал мнение о том, что некогда по всей Сибири была одна

и та же архаическая религия. П.С. Паллас в своих произведениях изложил содержание нескольких буддийских текстов и попытался дать обзор буддийской мифологии, иконографии и космологии. В 1776-79 гг. была издана книга И.Г. Георги [3; С. 323], часть которой содержала описание быта и нравов бурят.

Богатым на исследования религиозности народов региона оказался XIX в. Этнографические и религиоведческие сведения собрали М.А. и Н.А. Бестужевы и Д.И. Завалишин. М.А. Бестужев является автором трактата о буддизме, основанном на буддийской космологии. Н.А. Бестужев занимался историей бурят и рассматривал влияние буддийского духовенства на их культуру [5; С. 73]. Значителен вклад декабристов в исследования забайкальского старообрядчества, высокий уровень интеллектуальной жизни которых они отмечали. В начале XIX в. на территории Забайкалья проводили исследования Д. Банзаров, Н.Я. Бичурин, А.П. Маслов, В. Паршин [7; С. 73]. Эти авторы ориентировались на накопление фактических знаний. Ими были записаны многочисленные легенды о кладах и древних вещах, мифических народах и всемогущих духах.

В 1845 г. после основания Императорского Русского географического общества, сыгравшего огромную роль в сборе и обобщении различных этнографических и религиоведческих материалов, начинается новый этап, когда развитие знания о религиях региона приобретает целенаправленный характер. У исследований этого периода имеется несколько особенностей. Одна из них состояла в усилении активности православных священнослужителей и миссионеров, которые не только интересовались православной историей, но и публиковали свои наблюдения о состоянии религиозности народов Байкальского региона. Среди них архимандрит Аввакум (Д. Честной), Н.С. Щукин, архиепископ Нил (Исакович), священник И. Попов, проф. А. Введенский, В. Кожевников и др. В этнографических зарисовках деятелей Иркутской и Забайкальской епархии (о. И. Подгорбунский, о. Мелетий (Якимов), И. Иркутский (Кульчицкий) [16; С. 16] и др.) были осуществлены попытки рассмотрения влияния христианской морали на жизнь, быт и нравственный облик крещеных бурят. Они писали о вреде и безнравственности сектантства. Труды православных авторов, несмотря на пристрастность, отличаются тщательностью наблюдений религиозной жизни населения Забайкалья. Так, буддийскую религиозность, интерпретированную средствами православной традиции, представляет К.К. Стуков. В книгах архиепископа Вениамина (Благонравова), иеромонаха Гурия (Степанова) проводятся попытки сравнения двух типов религиозности на концептуальном уровне. Например, Г. Флоровский [32; С. 671] в староверии усматривал возврат к старине, косность, темноту и невежество. С начала XX в. актуализируются проблемы борьбы православия с другими верованиями.

Другой особенностью исследований этого периода является рост интереса к религиозности бурят. Эпос и шаманизм у бурят Забайкалья изучал Ц. Жамцарано. Важные описания культуры тибетского буддизма совершил Б. Барадийн. Значительным событием стала публикация научной статьи Н. Разумова и И. Сосновского, посвященной ламаизму агинских бурят в изданиях «Материалов комиссии Куломзина». Бурятский буддизм изучали Ф. Бюлер, В.В. Вашкевич, А.М. Позднеев, Г.М. Осокин, Э.Э. Ухтомский [17; С. 117]. Ученых этого времени интересовали религиозные представления, детали и характерные особенности образа жизни мирян и духовенства. Вопросы общетеоретического характера не входили в сферу их интересов.

В конце XIX – нач. XX вв. появились исследования, в которых ученые представили ценные сведения о буддизме и шаманизме. Необходимо отметить работы А.М. Позднеева, Г.Н. Потанина, Б. Рабданова, Б.Я. Владимирцова, А. Потаниной [12; С. 141]. Г.Ц. Цыбиков [33; С. 127] издал путевые заметки, которые содержат описание жизни монгольских монастырей и духовенства, ритуалов и практик, взаимо-

отношений с населением и мн. др. Истории буддизма и православия в это время посвящали свои работы П.Г. Мацокин, Ю.Д. Талько-Грынцевич, Я.С. Смолев. Постепенно интерес к буддийской проблематике выливается в формирование отечественной школы буддологии, многие представители которой имели непосредственное отношение к Забайкалью и проводили исследования на этой территории.

Деятельность востоковеда С.Ф. Ольденбурга касалась изучения религиозности народов этой части Центральной Азии. Ф.И. Щербатским разработана методология буддологических исследований, которая показала ограниченность европоцентристского понимания буддизма и его неприменимость к реалиям восточного общества. Эта полемика продолжена О.О. Розенбергом, который считал, что есть различие Востока и Запада, но нет на самом деле Востока и Запада по отдельности, что проявляется и в философии. Теоретическая находка О.О. Розенберга заключается в открытии структурных уровней буддизма: философского и популярного. Она связана с реализацией принципа рассмотрения буддизма в контексте культуры. Значительную роль в развитии отечественной буддологии сыграли командировки в Забайкалье учеников Ф.И. Щербатского: М.И. Тубянского, Е.Е. Обермиллера, А.И. Вострикова, Р.Е. Пубаева и Б.В. Семичова. Важно обратить внимание на то, что эти исследователи изучали не только проблемы буддизма. Их интерес вызывала религиозность различных групп населения: старожилов-сибиряков, семейских, эвенков, бурят.

Вопросы, связанные с попытками сформулировать теоретические положения о характере религиозности бурят и эвенков на основании этнографических описаний и фольклорных записей, были подняты С.М. Широкогоровым, Н.Н. Агапитовым и М.Н. Хангаловым, Б. Петри, Г.Л. Ленхобоевым. В связи с этим необходимо упомянуть о взглядах и идеях «областников». Так, Д.М. Головачев [14; С. 14] говорил об особых свойствах сибиряков. А.П. Щапов [35; С. 365] обращал внимание на антропологические особенности местного населения и развил теорию о характере метисации под влиянием христианизации.

Дальнейшая разработка теоретико-методологической базы религиоведческих исследований была прервана сменой парадигмы и установлением материалистического мировоззрения. В то же время исторический фон, необходимый для понимания такого сложного социального явления, как этническая культура и религия, был обеспечен фундаментальными историческими исследованиями и разносторонней разработкой архивных документов и источников. Изучение истории, духовной и религиозной культуры населения региона проводили исследователи И.А. Асалханов, Н.П. Егунов, Ф.А. Кудрявцев, Г.Н. Румянцев, П.Т. Хаптаев [23; С. 144] и др. Велись работы археологов, изучавших в том числе и верования населения Забайкалья. Среди них М.М. Герасимов и Е.Н. Черных, А.П. Окладников, М.И. Рижский, Г.П. Сосновский и др. [26; С. 26]. Изучение веры древнего населения края в середине XX – нач. XXI вв. продолжили С.В. Киселев, Н.Н. Диков, И.И. Кириллов, М.В. Константинов, А.В. Константинов, Е.В. Ковычев [22; С. 25] и др. Исследования религиозности населения региона значительно продвинулись вперед усилиями А.Ф. Анисимова, К. Рычкова, И.М. Суслова, Г.М. Василевич и др. [10; С. 242], которые разрабатывали вопросы шаманизма. В целом комплексные исследования, сделанные отечественными сибиреведами и востоковедами, создали солидную источниковую и методическую базу для исследований и реконструкции духовной культуры этнических групп региона.

Начиная с 60-70-х гг. XX в., появились работы советских историков, в которых широкое освещение получили отдельные стороны духовной культуры народов и истории православия на территории Байкальского региона. Основное внимание в них было уделено исследованию христианизации местного населения и ее влиянию на его культурное развитие. Для понимания религиозности очень важны материалы фольклора, собранные Л.Е. Элиасовым и

В.Л. Кляус [36; С. 295]. Такие авторы, как Л.П. Шорохов, Л.М. Дамешек и Л.В. Машанова [34; С. 52], публиковали данные об истории Иркутской епархии и влиянии церкви на социальное положение народов.

В это время начинается возрождение российской буддологии, в которой влиятельное направление посвящено изучению буддизма забайкальских бурят. На этот период пришелся расцвет творчества наследника просветителей начала XX в. национальной школы буддологии – Б.Д. Дандарона. Была издана серия буддологических книг Ф.М. Шулунова, А. Атарханова, Н. Ербанова, К.М. Герасимовой, Н.Л. Жуковской, Т.Д. Скрынниковой. Большинство исследователей этого периода сосредоточились на изучении истории и философии буддизма, экономического и политического значения монастырей, социальной роли ламства и т.п. Н.В. Абаев осуществил типологическое сравнение западно-бурятской ментальности и социально-философских доминант буддизма [1; С. 7]. Изданы монографии Д.С. Дугарова, Г.Р. Галдановой, Л.Л. Абаевой. Истории и теории буддизма посвящены труды Р.Е. Пубаева, Н.Д. Болсохоевой, Ш.Б. Чимитдоржиева, Г.-Н. Заятуева, Д.С. Жамсуевой и др. [2; С. 4]. В рамках этого направления велось изучение структуры и социальной функции ламаистского культа и традиционных религиозных обычаев.

Философский анализ буддийской картины мира с позиций компаративистики проводили Е.А. Торчинов, Л.Е. Янгутов, С.Ю. Лепехов, С.П. Нестеркин, И.С. Урбанаева, Т.В. Бернюкевич [6; С. 41]. Процесс взаимопроникновения и преемственности шаманских и буддийских мировоззренческих феноменов исследовала К.М. Герасимова [13; С. 6]. С 2001 по 2010 гг. в Агинском округе проходят симпозиумы и конференции, посвященные буддийской культуре. В 2008 г. вышла монография «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье» [9; С. 28]. В перечисленных трудах исследуется социальная роль культовой системы ламаизма в комплексной взаимосвязи образа жизни, мировоззрения, сакрализации основных устоев общественного и семейного быта бурят. Показаны закономерности формирования региональной специфики бурятского ламаизма за счет приспособления его культовой системы к социокультурным особенностям этноса.

На изучение мировоззренческой основы культуры бурят направлены усилия историков, этнографов, фольклористов (Б.Б. Дашибалов, Ц.Б. Цыдендамбаев и др.). Особой группой представлены исследователи, изучающие кочевые культуры центральноазиатской цивилизации (Л.Л. Викторова, Т.Д. Скрынникова, Н.Н. Крадин). Ими созданы устойчивые традиции в определении основных исторических типов бурятской ментальности и мировоззрения, особенностей традиционного образа мировосприятия бурят. Среди них необходимо отметить работы Т.Д. Скрынниковой [31; С. 3], которая разрабатывает проблемы мировоззренческого основания исторических этапов и актуального состояния мировоззрения традиционной культуры бурят.

Исследования мировоззрения и этики древней религии представлены работами С.В. Алексеева, Т.М. Михайлова [24; С. 9]. Современные взгляды на мир профессиональных шаманов Забайкалья представлены в книге Б.Б. Базарова [4; С. 129] и диссертации А.С. Баирова. В последние годы появились обращения к мировоззренческим истокам религиозности бурят – тэнгризму (Т.М. Михайлов, И.С. Урбанаева, М.И. Гомбоева [15; С. 75]).

Стремительное распространение конфессиональной тематики в 1990-е гг. отразилось на публикациях, посвященных русскому населению Байкальского региона. Это работы Л.Л. Абаевой, М.Я. Жорницкой, В.К. Мальковой, В.И. Затеева [27; С. 87] и др. Религиозность русских являлась предметом обсуждения на традиционной региональной научно-исследовательской конференции «Иннокентьевские чтения», в работе которой принимали участие М.В. Константинов, А.И. Лыщусь, Л.В. Камедина, Н.К. Замошникова, Т.В. Воронченко, М.Г. Андриевская, О.Е. Наделяева, Е.В. Полищук. В 2004 г. в г. Чита издан коллек-

тивный труд «Православное Забайкалье». В 2006 г. вышло издание «Казанский кафедральный собор в Чите: история и современность». В 2009 г. появилась работа «Духовная летопись Забайкалья», в которой с конфессиональных позиций предпринята попытка подробно осветить историю православного Забайкалья.

Среди исследований начала XXI в., содержащих элементы описания православной религиозности, необходимо отметить работы О.Е. Наумовой, В.И. Косых, Г.С. Митыповой, И.А. Арзуманова. В работах В.Т. Михайловой постулируется тезис о формировании двух региональных типов православной религиозности [25; С. 39]. Во-первых, официальной религиозности с верноподданническим церемониалом. Во-вторых, особый тип народной православной религиозности, характерными чертами которой были патриархальный взгляд на роль и значение власти, церкви, семьи, хозяйственных занятий; направленность на сближение народных представлений с христианскими; стремление к согласию с другими традиционными конфессиями.

Кроме этого, имеется большое число трудов, посвященных религиозности русского населения региона (Н.П. Романова, А.А. Жукова) [29; С. 119], в частности, семейским (Ф.Ф. Болонев, Е.В. Петрова, Л.Е. Элиасов [8; 9] и др.). В 2001 и 2007 гг. в г. Улан-Удэ институтом ИМБиТ СО РАН проведены III и V международные конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». О забайкальском казачестве и его духовной культуре пишут А.С. Зуев, Е.А. Высотина, Л.В. Гернего [18; С. 30]. Также появились труды, в которых отдельные аспекты посвящены духовной культуре и религиозности других народов региона, например, евреев [19; С. 34] и поляков [29; С. 17]. Особенности менталитета населения региона и аспекты его религиозности исследуются К.К. Васильевой и С.А. Мельницкой [11; С. 67]. Религиозная ситуация в Забайкалье в целом впервые описана В.П. Секериным [28; С. 47]. Тема современной религиозности в Байкальском регионе раскрывается в работах И.А. Арзуманова, А.О. Баринова, О.Н. Волковой, А.В. Дроботушенко, А.В. Тиваненко, А.Г. Янкова, Н.С. Кондаковой [20; 23]. С 2000 г. начался выпуск многотомной «Энциклопедии Забайкалья». В ней опубликовано большое количество статей о религиозных организациях и их лидерах, культовых зданиях и обрядах, ученых, внесших вклад в изучение религиозной культуры населения в регионе.

Более чем трехсотлетняя история изучения религий Забайкалья показала стойкий интерес специалистов к данной проблеме. Имеющиеся материалы в целом отражают религиозные верования населения региона с древности до наших дней. Здесь можно согласиться с А.К. Конопацким [21; С. 100], который считает, что благодаря имеющимся в нашем распоряжении сообщениям путешественников и исследователей о верованиях и обычаях, фольклорным и этнографическим материалам, мы имеем возможность заглянуть в глубины мифологии и религиозных воззрений древних жителей края, произведя ретроспективный анализ некоторых представлений, дошедших до нас в позднейших модификациях.

Наиболее разработанными являются исследования традиционной религиозности русских, бурят, эвенков, семейских. В меньшей степени исследованы аспекты, касающиеся религиозности городского, сельского населения и отдельных социальных групп. Практически не изучена такая тема, как современное религиозное мифотворчество и религиозность населения на территории Байкальского региона. Кроме этого, отсутствуют попытки теоретического осмысления процессов, происходящих в регионе в постсоветский период. Практически не исследуется положение ислама, особенно в том, что касается социальных аспектов деятельности мусульман. Слабое внимание уделяется протестантским и новым религиозным движениям, их истории, деятельности, степени вовлеченности населения и т.п. Как правило, авторы ограничиваются лишь упоминанием тех или иных движений, не

давая подробного анализа их деятельности, причин популярности и т.д. Внимание исследователей акцентируется на одной или нескольких частных проблемах, изучение которых, безусловно, важно и необходимо, но недостаточно для понимания специфики процессов, происходящих в современной религиозной жизни. Для этого необходимо всестороннее, комплексное изучение данной проблематики. Как показало время, достаточно сложная сфера религий Байкальского региона требует дополнительных исследований, как историко-философских, так и скрупулезного изучения современной реальности, в частности, необходимо сосредоточиться на выявлении тех тенденций, которые с наибольшей вероятностью получат свое развитие в ближайшем и отдаленном будущем. Все это, в сочетании с философским анализом полученных данных, создает возможность для более полного понимания религиозной действительности.

Литература

1. Абаев Н.В. Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. Новосибирск, 1990. 214 с.

2. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992. 139 с.

3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 368 с.

4. Базаров Б.Б. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 2008. 236 с.

5. Бахаев В.Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980. 174 с.

6. Бернюкевич Т.В. Буддийские идеи в культуре России конца XIX – первой половины XX века: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2010. 45 с.

7. Бичурин Н.Я. О шаманстве // Отечественные записки. Т. VI. СПб., 1839. С. 73-81.

8. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск, 1994. 148 с.

9. Ванчикова Ц.П. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008. 600 с.

10. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-XX вв.). Л., 1969. 304 с.

11. Васильева К.К. Менталитет: онто-этнологическое измерение на примере бурятского этноса. М., 2002. 200 с.

12. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. 557 с.

13. Герасимова К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. 341 с.

14. Головачев Д.М. Труды агинской экспедиции. Население. Вып. VII. Иркутск, 1913. 114 с.

15. Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. Чита, 2002. 189 с.

16. Дроздов И. Святитель Иннокентий, 1 епископ Иркутский. Иркутск, 1903. 92 с.

17. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998. 344 с.

18. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. 191 с.

19. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. 172 с.

20. Кондакова Н.С. Протестантизм на конфессиональном поле Восточного Забайкалья // Вестник Читинского государственного университета, 2010. № 9. С. 23-28.

21. Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск, 1982. 175 с.

22. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Сибири. Улан-Удэ – Чита, 1994. 180 с.

23. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х гг. XIX в.). М.-Л., 1940. 242 с.

24. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. 287 с.

25. Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. 173 с.

26. Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. 138 с.

27. Романова Н.П., Жукова А.А. Религиозные образы в процессах возрождения этнических культур Забайкальского края // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 2. С. 119-124.

28. Русские в Бурятии: история и современность / Отв. ред. В.И. Затеев. Улан-Удэ, 2002. 578 с.

29. Секерин В.П. Религии на карте Забайкалья. Чита, 1995. 96 с.

30. Семенов Е.В. Место польских политических ссыльных в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья (30-50-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2005. 25 с.

31. Скрынникова Т.Д. Изучение традиционной культуры бурят (новый подход) // Монголоведные исследования. Вып. 2. Улан-Удэ, 1997. С. 3-64.

32. Флоровский. Г. Затруднения историка-христианина. Вера и культура: избранные труды по богословию и философии. СПб., 2002. С. 671-707.

33. Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Петроград, 1918. 492 с.

34. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII вв. Красноярск, 1983. 164 с.

35. Щапов А.П. Этнографическая организация русского народонаселения // Соч. А.П. Щапова. Т. 2. СПб., 1906. С. 365-397.

36. Элиасов Л.Е. Фольклор казаков Сибири. Улан-Удэ, 1969. 363 с.

Коротко об авторах / *Briefly about the authors*

Жуков А.В., д-р филос. наук, профессор кафедры философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
artem_jukov68@mail.ru

A. Zhukov, Doctor of Philosophical sciences, professor of philosophy, theory and cul-tural history department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: религиоведение, этнография, краеведение, музееведение

Scientific interests: religious studies, ethnography, study of local history, geography and culture, museology

Жукова А.А., гл. научный сотрудник научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
artem_jukov68@mail.ru

A. Zhukova, chief research worker, Educational Research Museum Center, Zabaikalsky State University

Научные интересы: этнография, религиоведение, музееведение, археология

Scientific interests: ethnography, religion study, museum study, archeology

УДК 323

Ковалёва Оксана Олеговна
Oksana Kovaleva

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

HUMAN POTENTIAL IN THE CONTEXT OF RESEARCHES OF THE CHINESE SCIENTISTS

Статья посвящена анализу китайских исследований о человеческом потенциале. Рассматривается суть человеческого потенциала, его компоненты, критерии оценки, влияние на трансформационные процессы и снятие барьеров развития современного китайского общества, а также механизмы поддержания высоких темпов развития человеческого потенциала

Ключевые слова: *социокультурный потенциал, человеческий потенциал, человеческий ресурс*

Article is devoted to the analysis of the Chinese researches about human potential. The essence of human potential and its components, criteria of its assessment, influence on transformational processes and removal of barriers of development of modern Chinese society, and as mechanisms of maintenance of high rates of building of human potential reveals are analyzed

Key words: *sociocultural potential, human potential, human resource*

В последнее время успехи социально-экономического развития Китая все чаще связываются не с какими-либо материальными или финансовыми факторами, а с последовательностью и продуманностью китайской политики по накоплению и эффективной реализации «социокультурного потенциала» китайского общества – духовных и культурных компонентов [1], человеческих возможностей, социальных связей и накопленных обществом технологий. Особое внимание уделяется «человеческому потенциалу» китайского общества. Отмечается, что именно «человеческий потенциал» станет основой развития и механизмом снятия барьеров развития китайского общества в наступающую эпоху «экономики знаний» и «общества знаний» [2; С. 439]. Поэтому вопросы, связанные с «социокультурным потенциалом» китайского общества и его основным компонентом – «человеческим потенциалом», приобретают особую актуальность.

«Человеческий потенциал» является основным компонентом «социокультурного потенциала», помимо него включающего технологический, социальный и духовный потенциалы общества [3; С. 21]. «Человеческий потенциал», по сути, есть физические и духовные качества членов общества. Он включает структуру населения, состояние здоровья, уровень образования и квалификации, уровень дохода, активность (политическую, социальную, предпринимательскую, инновационную), менталитет, религию, самоидентификацию и духовные ценности, идейные установки, сплоченность и волю к достижению целей членов общества, а также политические и социальные условия для реализации человеческих способностей [4; С. 143-146]. Уровень развития «человеческого потенциала» определяет способность к эффективному воспроизводству и стабильному развитию общества, к усилению его влияния в мире. По отношению к реализованной и исполь-

зуемой (потребляемой) на современном этапе развития части «человеческого потенциала» общества чаще применяется более узкое понятие – «человеческий ресурс».

Китаем разработана и реализуется комплексная программа по наращиванию «человеческого потенциала» – «стратегия построения китайской державы человеческих ресурсов» *(жэньцай цянго чжаньлюе)* в рамках программы комплексной работы по повышению «социокультурного потенциала» – «стратегии гармоничного развития китайского общества» *(чжунго шэхуэй хэсе фачжань чжаньлюе)*. В процессе разработки программы по наращиванию «человеческого потенциала» возникла необходимость осмысления сути «человеческого потенциала», критериев оценки его уровня и механизмов стимулирования его роста. В рамках китайской науки начала формироваться отдельная отрасль знаний – наука о «человеческом потенциале», «...предметом которой является человеческий потенциал и его трансформации» [5; С. 43-45].

Проблемам «человеческого потенциала» китайского общества посвящены работы Ван Тунсюня, Ло Хунте, Е Чжунхай, Ли Яньпин, Хань Цинсян, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и других исследователей. В результате сформирована система научных представлений о «человеческом потенциале» – система мнений о «человеческом потенциале» и ответов на вопросы о его сути, роли, проблемах и способах поддержания темпов роста. Данная система включает три концепции: *«человеческий ресурс – первый ресурс»*, *«талантом может стать каждый»* и *«человек в основе»* [6; С. 2-24].

1. «Человеческий ресурс – первый ресурс» (жэньцай цзыюань ши ди и цзыюань). Данная концепция определяет роль «человеческого потенциала» в трансформационных процессах современного китайского общества.

Хань Цинсян отмечает, что ресурсы социального развития общества включают человеческие силы, капитал, материальные ресурсы и информацию. Материальные ресурсы, капитал и информация составляют основу развития общества, однако именно «человеческий ресурс» в виде развитого человеческого интеллекта и способностей определяет глубину и широту реализации других ресурсов, в чем и проявляется его значимость. Материальные ресурсы, капитал и информация последовательно являлись основными ресурсами на трех этапах развития общества: традиционном, индустриальном, информационном. На современном этапе перехода к «обществу знаний» «человеческий потенциал» становится определяющей силой социального развития [6; С. 2-24]. Китайская концепция «человеческий ресурс – первый ресурс» меняет традиционные представления о движущих силах общественного развития от теории «основного производственного фактора» к пониманию глубинной сути происходящих трансформационных процессов.

2. «Талантом может стать каждый» (жэнь жэнь доу кэ чэн цай). Данная концепция дает ответы на вопросы о том, что является «человеческим потенциалом» и каковы критерии его оценки.

В китайской научной мысли «человеческий потенциал» рассматривается через призму традиционного термина «жэньцай». Данный термин возник примерно 2500 лет назад. Впервые он употребляется в Шицзин в выражении «Цзюаньцзы – это муж, приносящий радость в Поднебесную» [7]. В древности термин «жэньцай» использовался в узком смысле как «добродетель», «муж», «талант». Однако уже после династии Сун он приобрел более широкий смысл и стал обозначать высокие человеческие моральные качества и выдающиеся способности. Китайские словари дают следующее определение данному термину. «Жэньцай» – это человек, во-первых, сочетающий в себе моральные и деловые качества, а также ряд достоинств, во-вторых, обладающий красивой и степенной наружностью [8; С. 341]. «Жэньцай» – это человек, во-первых, обладающий моральными и деловыми качествами, талантом, во-вторых, обладающий знаниями и образованием, в-третьих, привлекающий к себе внешне [9; С. 156].

Китайская наука дает глубокое опреде-

ление «человеческого потенциала» *(жэньцай, жэньлэй цянынэн)* как совокупности, с одной стороны, талантливых, выдающихся людей и, с другой – способностей, достижений, качеств людей, в том числе потенциальных.

Е. Чжунхай под «человеческим потенциалом» подразумевает совокупность возможностей членов общества, включая специальные знания во всех сферах деятельности общества, высокий уровень развития мастерства и способностей, которых достаточно для того, чтобы посредством осуществления трудовой деятельности внести вклад в накопление знаний, в трансформацию окружающей среды и общества, в прогресс человечества [10; С. 42].

По мнению Ло Хунте, «человеческий потенциал» – это внутренние качества людей, благодаря которым они способны в определенных условиях посредством созидательного труда оказывать существенное влияние на общественный прогресс и развитие производства [11].

Ван Тунсюнь определяет «человеческий потенциал» как способность людей осуществлять созидательную трудовую деятельность на благо развития общества, человечества и вносить ощутимый вклад в какую-либо область, отрасль или сферу деятельности [5; С. 43-45]. Позже Ван Тунсюнь отметил, что внутреннее содержание «человеческого потенциала» определяет следующее:

1) обладание определенными интеллектуальными способностями;

2) способность к осуществлению созидательного труда;

3) способность к осуществлению вклада в строительство «трех цивилизаций».

Среди них интеллектуальные способности – это внутренняя энергия «человеческого потенциала» общества, созидательный труд – это главный способ реализации данной внутренней энергии, а общественный вклад – результат проявления данной внутренней энергии. По его мнению, три данных сути не сложно уяснить, но именно они составляют основу «человеческого потенциала» [12; С. 127-131].

Профессор Ли Яньпин широко трактует «человеческий потенциал», выделяя его три смысловых уровня.

1 уровень: «человеческий потенциал» – это совокупность определенных знаний и мастерства, независимо от того, приобретены эти знания личным опытом или получены в процессе образования. Знания являются первой характеристикой человеческого потенциала.

2 уровень: «человеческий потенциал» – это способность членов общества к созидательному труду, независимо от того, привносится ими трудовой вклад сейчас или будет привноситься в будущем. Говоря о будущем вкладе, Ли Яньпин акцентирует внимание на скрытых возможностях человека, определяя их как важный элемент системы «человеческого потенциала», имеющий особое значение в долгосрочной перспективе. Способность к созидательному труду является второй характеристикой «человеческого потенциала».

3 уровень: «человеческий потенциал» – это обладание членов общества высокой моралью и устремлениями, направленными на развитие своего общества и человечества в целом. Моральные ценности – это третья характеристика «человеческого потенциала» [13; С. 8-10].

Исходя из анализа научных идей, составляющих основу концепции «талантом может стать каждый», можно сделать вывод, что суть данной концепции сводится к тому, что каждый человек обладает определенными «явными» *(сяньсянь цайнэн)* и «скрытыми» *(цяньцзай цайнэн)* способностями, может при определенных условиях проявить их и привнести свой вклад в общество. Поэтому каждый человек включен в систему «человеческого потенциала» общества.

3. «Человек в основе» (и жэнь вэй бэнь). Концепция дает представление о механизмах поддержания темпов роста «человеческого потенциала» и определяет ориентиры работы по его повышению.

Китай – государство с большим населением, для его дальнейшего развития необходимо большое количество людей преобразовать в качество людей, превратив тем

самым барьер в виде большого населения в мощную движущую силу будущего развития Китая. Для этого реализуются принципы концепции «человек в основе», которая включает ряд «необходимостей», имеющих значение для развития «человеческого потенциала» китайского общества. Необходимо «научно подходить к проблемам человеческого потенциала» – уделять внимание роли человека в процессе социально-экономического развития китайского общества, выдвигать новые идеи относительно влияния «человеческого фактора» на рост экономики Китая в будущем. Необходимо «уважать человека» – оказывать уважение к человеческим ценностям, индивидуальности, характеру и способностям, уважать человеческие права и потребности. Необходимо «освободить человека» – трансформировать систему, мешающую проявлению потенциала человека и создать новую, способствующую раскрытию человеческих талантов и способностей, стимулирующую и поддерживающую социальную среду. Необходимо «развивать человека» – постоянно совершенствовать и повышать способности, стимулировать инновационную активность и всестороннее развитие человека. По мнению Хань Цинсян, «...современное развитие китайского общества должно осуществляться на основе повышения уровня его членов, что включает не только развитие всех видов человеческих способностей, но и всех сфер человеческой жизни, межчеловеческих связей, а также сбалансированность общества, экономики и культуры. Необходимо проявлять потенциал людей, удовлетворять человеческие потребности, стимулировать переход общества и его членов на новую ступень развития, способствовать оздоровлению мышления и повышению духовности членов общества» [6; С. 2-24].

Таким образом, представления китайских ученых о «человеческом потенциале» обладают рядом важных, с практической точки зрения, особенностей. Во-первых, они всеобъемлющи – включают представления не только о сути «человеческого потенциала», но и о его роли, критериях оценки и механизмах наращивания. Во-вторых, они системны – включены в единый комплекс концепций о «человеческом потенциале», включающий три компонента: «человеческий ресурс – первый ресурс», «талантом может стать каждый» и «человек в основе». В-третьих, они обладают преемственностью – учитывают опыт предыдущих поколений исследователей.

В результате в китайской науке сформирована особая система представлений о «человеческом потенциале», которая легла в основу «стратегии построения китайской державы человеческих ресурсов». Благодаря комплексности научной разработки теории «человеческого потенциала» в Китае эффективна «стратегия построения человеческой державы», от реализации которой во многом зависят дальнейшие успехи социально-экономического развития китайского общества.

Литература

1. Абрамова Н. А. Культурные традиции как инновационный ресурс современной китайской культуры // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: мат. IV Межд. науч.-практич. конф. Чита: ЗабГУ, 2012. С. 5-13.

2. Сунь Гоцзян. Глобализация = Цюаньцюхуа. – Гуйчжоу.: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 2007. 517 с. Кит. яз.

3. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.

4. Романова Н.П. Социологический подход к изучению профессионального ресурсного потенциала муниципальных служащих // Мат. межд. науч.-практич. конф. Ч. II. Чита: ЧитГУ, 2010. 166 с.

5. Ван Тунсюнь. Новая теория человеческого потенциала = Жэньцайсюе синьлунь. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюеюань чубаньшэ, 2004. 315 с. – Кит. яз.

6. Хань Цинсян. Программа построения державы человеческих ресурсов = Цзяньшэ жэньцай цянго дэ синдун ганлин. – Пекин: Чжунгун чжуняндансяо чубаньшэ, 2010. 427 с. Кит. яз.

7. Шицзин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://baike.baidu.com/view/4976.htm#1. Кит. яз.

8. Словарь современного китайского языка = Сяньтай ханьюй цыдянь / Под ред. Ван Минго. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюеюань чубаньшэ, 2005. 815 с. Кит. яз.

9. Словарь китайского языка цыхай = Цыхай ханьюй цыдянь / Под ред. Чэнь Чжили. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2010. 791 с. Кит. яз.

10. Е. Чжунхай. Общий обзор представлений о человеческом потенциале = Жэньцайсюе гайлунь. Чанша.: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1983. 307 с. Кит. яз.

11. Ло Хунте. Вновь обсуждали практические вопросы человеческих ресурсов = Цзайлунь жэньцай дини дэ шичжи вэньти // Чжунго жэньцай. 2002. № 3. С. 23-24. Кит. яз.

12. Ван Тунсюнь. Общая теория человеческого потенциала = Жэньцайсюе тунлунь. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюеюань чубаньшэ, 2001. 273 с. Кит. яз.

13. Ли Яньпин. Стратегия усиления государства через человеческий потенциал и развитие человеческого потенциала Китая = Жэньцай цянго чжаньлюе юй чжунго тэсэ дэ жэньцай цзыюань кайфа. Пекин: Кэсюе чубаньшэ, 2010. 317 с. Кит. яз.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Ковалёва О.О., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 28-30-65

O. Kovaleva, post-graduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: востоковедение, региональные исследования

Scientific interests: oriental and regional studies

УДК 130:323 (510)

Морозова Валентина Сергеевна
Valentina Morozova

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» КАК ПРОЕКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РФ-КНР

THE CULTURE- PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT“ETHNO-CULTURAL LANDSCAPE” AS A REGIONAL CULTURE PROJECT IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF RUSSIA-CHINA BORDER COOPERATION

Раскрываются особенности интерпретации понятия «этнокультурный ландшафт» в контексте культурфилософского анализа, рассматриваются подходы к его исследованию в среде современной российской методологии. Формулируется вывод о роли региональной культуры в процессах формирования приграничного этнокультурного ландшафта и механизмах ее рефлексии

Ключевые слова: *этнокультурный ландшафт приграничья, региональная культура, культурфилософский анализ*

The article describes the interpretation features of the concept “ethno-cultural landscape” under the culture-philosophical analysis, examines the approaches to its study in the sphere of today’s Russian methodology. The author draws the conclusion about the regional culture’s role in the border ethno-cultural landscape forming processes and the mechanism of such reflection

Key words: *border ethno-cultural landscape, regional culture, culture- philosophical analysis*

Статья выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ

Этнокультурный ландшафт как пространство, репрезентирующее историко-культурную среду обитания конкретных народов, выступает важнейшей единицей исследования современной культуры. Однако это понятие зачастую является междисциплинарным, становясь предметом исследования таких наук, как география, история, социология и др. Проблема этнокультурного ландшафта затрагивается в философских исследованиях крайне редко. Сегодня актуальность предлагаемого исследования обуславливается рядом факторов, определивших своеобразие регионального культурного пространства приграничных территорий. Духовные и историко-культурные локусы региона, несущие в себе «неприкосновенный запас» ценностей культуры прошлого [1; С. 3], в современной культурфилософской мысли могут рассматриваться через концепцию этнокультурного ландшафта как пространства сосредоточия и выражения региональной культуры.

Вполне объяснимым является то, что при исследовании ландшафтов должен учитываться не только природный компонент, но и культурфилософская составляющая, опосредованная наличием системы региональных культурных ценностей. В контексте данного исследования можно говорить о своего рода региональных культурных ландшафтах. Несмотря на близкую геогра-

фическую расположенность и обусловленность функцией границы как точки притяжения, им свойственна ярко выраженная этнокультурная специфика.

В качестве методологической основы данного исследования предлагается не классический подход, в котором под культурным ландшафтом понимается «антропогенный комплекс», но этнокультурная концепция культурного ландшафта в интерпретации В.Л. Каганского [2], опосредованная, однако, расположением ландшафта на приграничной территории и поэтому имеющая свои нюансы (неустойчивость, тесная связь с конкретным историческим периодом и т.д.).

В настоящее время феномен региональной культуры приграничных территорий и ее выражение в этнокультурном ландшафте приобретает особое значение. Региональные культуры контактируют поверх государственных границ, перенося и закрепляя свои элементы за рубежом. В данном случае граница играет лишь формальное значение, что неизбежно влечет за собой трансформацию не только самого ландшафта, но и всей системы ценностей контактирующих территорий, что, в свою очередь, обуславливает степень их трансляции и восприятия в региональной культуре реципиента.

Данное обстоятельство определяется и философским пониманием термина «граница», представляющим собой не только разделение, но и связь каждой отдельно взятой культуры. Не случайно И.В. Кузин замечает: «Пространственная разделенность, с одной стороны, является иллюзией, так как может преодолеваться не пространственно, но, с другой стороны, совершенно реальна, так как существуют единые точки-события, сохраняющие и поддерживающие себя соприкосновением пространственных границ, преступая их собственной мыслью» [3]. Граница становится своего рода ресурсом, не ограничивающим территорию, но, напротив, путем «переправления» через нее знаний о другой стороне [4; С. 40].

При осуществлении культурно-ландшафтного районирования приграничных территорий одной из основных является проблема определения границ региональных этнокультурных ландшафтов. Эта ситуация осложняется культурфилософской составляющей данных территорий, выраженной системой региональных культурных ценностей, а также проблемой определения самого социокультурного пространства приграничья, не имеющего четких очертаний. К тому же в настоящее время политические границы не всегда соответствуют культурным рубежам [5; С. 270]. Решение данной проблемы является сложной задачей, что связано со спецификой самого понятия «этнокультурный ландшафт», а также с тем, что на сегодняшний день нет однозначной универсальной методики культурно-ландшафтного районирования [6]. Статус «приграничности» определяется лишь прилеганием к границе.

Междисциплинарное направление позволяет интерпретировать ландшафт как пространство культуры, которая играет более важную роль, чем сама «освоенная» территория [7; С. 47]. Можно говорить о прочтении природных ландшафтов конкретным этническим сообществом – носителем своей культуры. Соответственно, этнический фактор, формирующий и опосредующий геокультурное пространство, дает основание определять ландшафт не столько как культурное, но в большей степени как этнокультурное образование.

Приведем ряд особенностей формирования этнокультурных ландшафтов российско-китайского приграничья с учетом особенностей их региональных культур (см. таблицу).

Особенности этнокультурного ландшафта	Теория	Практика	
		Российское приграничье	Китайское приграничье
Природно-ландшафтные	Структура расселения	Неразвитость социально-экономических и социально-демографических институтов на фоне богатого природно-ресурсного потенциала	Наиболее полный народнохозяйственный комплекс, опирающийся почти целиком на местную сырьевую и топливную базу
Историко-культурные	Развитие современной территории	Значительное сокращение количества туристических фирм (последствие изменения законодательства), культурно-досуговых учреждений	Совокупность различных видов рекреационной деятельности (познавательный, пляжный, событийный, спортивный, оздоровительный, экскурсионный, пешеходный, лыжный, горный, водный, велосипедный, парусный и другие виды туризма)
Этнографические и этнолингвистические	Региональная специфика	Культурное наследие народов восточного забайкалья (региональная культура как фундаментальный фактор культурной идентификации)	Культурный потенциал полиэтничности народонаселения региона, выражающийся не только в сохранении традиционной культуры через ее региональный вариант, но и отражение большого количества культурных образцов русской культуры

Практика формирования этнокультурных ландшафтов приграничных территорий РФ-КНР носит некоторую противоречивость. Межкультурные связи между РФ и КНР развиваются, однако темпы такого развития крайне медленны. Во многом этому мешает такая объективная причина, как слабая инфраструктура на российских приграничных территориях. Поэтому в социокультурном пространстве российско-китайского приграничного взаимодействия нет возможности качественного использования географических преимуществ. Отсюда такая неравномерность развития этнокультурных ландшафтов, опосредованная высокими темпами экономического развития КНР.

Однако при исследовании геокультурного пространства важно использование той концепции, которая рассматривает территорию не только с позиций одного фактора, но в неразрывном единстве всех ее характеристик: природных, социально-экономических, геополитических, культурно-исторических [8; С. 270]. Культурная мозаика российско-китайского приграничья лишает гомогенности однотипную в природном отношении территорию. Имеющаяся здесь граница представляет некую «переходную зону» от одной региональной культуры к другой. Она не только является местом взаимного влияния, но и зоной разделения интересов этнических сообществ. Примером тому может служить возникновение особых сообществ военизированного типа (казачество на рубежах России в XVI-XIX вв.), формирующих специфику этнокультурного ландшафта приграничной территории.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что приграничный этнокультурный ландшафт характеризуется следующей совокупностью особых признаков его функционирования:

– *активность и насыщенность межрегиональных контактов*, что приводит к появлению новых элементов этнокультурных ландшафтов приграничья (туристический парк «Восточные ворота России Забайкальск-Маньчжурия», музей под открытым небом «Русская деревня» и т.д.);

– *одновременность влияния культурных центров и регионального компонента*, выраженная механизмами самоподдержания национальной культуры через ее региональный вариант;

— *этнокультурная толерантность*, поддерживаемая региональными властями в виде осуществляемых проектов «Толерантность в условиях развития поликультурного региона», «Байкальская школа толерантности»;

— *смешение архитектурных стилей*, представленная уникальной картиной архитектурных взаимоотношений в приграничном пространстве РФ-КНР, не имеющей аналогов не только в странах Северо-Восточной Азии, но и во всем мире [9]. Примером тому может служить архитектурный облик г. Харбин, сформированный в результате переплетения различных «европейских стилей», транслятором которых по преимуществу были приграничные регионы России;

— *зависимость жителей приграничья от политики правительств обеих сторон*, на данный момент проявляющаяся активизацией исследований, связанных с «китайским фактором» региональной политики России;

— *динамизм самого этнокультурного ландшафта* (трансформация во времени), опосредованный влиянием регионального варианта русской культуры, в результате чего изменялись религиозные догматы и стереотипы ведения традиционных форм хозяйствования населения Северо-Востока Китая.

Возвращаясь к вопросу о неравномерном развитии этнокультурных ландшафтов российско-китайского приграничья сегодня, заметим, что, выделяя примерно такие же признаки этнокультурного ландшафта приграничья, как и указанные ранее, Д.А. Дирин отмечает и то, что при грамотном распоряжении выгодами своего положения, при максимальной сглаженности своих недостатков у приграничных российских территорий есть все шансы превратиться из депрессивных регионов в точки экономического роста.

Рассматривая при этом такие основные условия взаимодействия культур, как территориальная основа, культурно-исторические предпосылки, укорененность населения, географическая обособленность, следует отметить, что они не могут быть учтены вне связи с региональным ценностным потенциалом. Таким образом, при исследовании этнокультурного ландшафта в социокультурном пространстве приграничья необходимо философское его осмысление в контексте системы ценностей каждого отдельно взятого региона как системообразующего фактора самой региональной культуры. В связи с этим социокультурный феномен пространственной организации приграничной территории и происходящие в ней процессы должны быть тщательно изучены в контексте культурфилософского исследования, позволяющего оценить посредническую роль региональной культуры в трансляции культурных образов соседней территории и формировании этнокультурного пространства приграничья.

Понятие «этнокультурный ландшафт» имеет непосредственное отношение к понятию «региональная культура». Представляя этнокультурный ландшафт как региональное культурное пространство, стоит вспомнить высказывание А. Моля о том, что «культура равна ее пространству». Поэтому этнокультурный ландшафт представляется как конструируемое региональной культурой пространство, одной из главных характеристик которого является уровень воплощения той совокупности культурных особенностей (как материальных, так и духовных), которые восприняты ландшафтом каждой приграничной территории. Важным свойством культуры является ее региональность, связанная с пространственно-временной локализацией социокультурных процессов. На тесные связи этносов с природными ландшафтами указывал Л.Н. Гумилев, определявший этнос как «… явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос». В данном контексте необходимо отметить, что этнокультурный ландшафт представляет также физическое и ментальное выражение региональных культур взаимодействующих этносов. Поэтому вполне справедливым становится рассмотрение этнокультурного ландшафта не только как материальной формы регио-

нального культурного наследия, но и в большей степени как транслятора региональных культурных традиций, обеспечивающих преемственность культурных навыков и представлений [10].

Под ментальным выражением региональных культур можно подразумевать цивилизационный ландшафт приграничья, столь неоднородный в силу указанных факторов. Очевидно, что уместность применения понятия «цивилизация» к региональной системе расселения может вызвать возражение у людей, знакомых с принципами цивилизационного подхода, сложившегося в гуманитарных науках XX в. Стало привычным, что в его рамках объекты исследования рассматриваются в масштабе отдельных этносов, объединенных определенным культурным и духовным путем развития. Однако было бы опрометчиво отрицать и то, что одним из востребованных и перспективных направлений развития цивилизационного подхода может стать рассмотрение отдельных историко-культурных районов в качестве своеобразных цивилизационных ландшафтов [11; С. 195]. Цивилизационный ландшафт приграничья, в свою очередь, детерминирован особым историко-культурным наследием, специфической системой расселения, наличием неповторимого сочетания региональных культурных традиций.

Жизнедеятельность каждого этноса, в свою очередь, подчинена определенной ценностно-смысловой парадигме. Так, региональные сообщества характеризуются своеобразием социально-политического и экономического устройства, системой расселения, традиционными и инновационными элементами культуры и т.д. В частности, на протяжении исторического развития традиционных культур этносов Северо-Востока КНР обновление осуществлялось как в результате автохтонного развития, так и благодаря межцивилизационным и межрегиональным заимствованиям, которые определяют каналы инновационной трансляции [12; С. 40]. В данном контексте речь, прежде всего, идет о культуре как наиболее значимом институте обновления традиций.

Далее, выделяя такую важную характеристику этнокультурного ландшафта, как осмысленность пространства населяющими его этносами, можно выявить и ее противоречивость в трех контекстах.

Первый определен включением и репрезентацией разнообразного количества этносов, формирующих один ландшафт.

Второй связан с приграничным положением самого ландшафта, которое определенным образом нивелирует культурные образцы национальной культуры через ее региональный вариант и заставляет в своей системе подчиняться культурным правилам соседней приграничной территории.

Третий определяет этнокультурный ландшафт приграничья как «пограничный ландшафт», что связано с конфликтом понятий «региональная идентичность» и «этническая идентичность».

Можно определить еще одно важное свойство этнокультурного ландшафта приграничья. Оно заключается в том, что ландшафт существует не только потому, что определенные группы людей считают себя его частью, но и потому, что региональные культуры приграничных территорий как фактор формирования рассматриваемого типа ландшафта, уязвимы именно в силу своей взаимообусловленности друг от друга и вынуждены приспосабливаться друг к другу. В связи с этим, культурный образ приграничного ландшафта зависит от степени воздействия на него региональной культуры соседней приграничной территории. На современном этапе развития межкультурного взаимодействия приграничных территорий РФ-КНР передача культурных ценностей от одного народа к другому ведет одновременно к трансформации ценностей и ценностных ориентаций жителей приграничья, усвоению новых идентификационных образцов и формированию новых идентичностей [13; С. 74-81]. Данное обстоятельство также влияет не только на функционирование этнокультурного ландшафта приграничья, но и наделяет его функцией транслятора культурных ценностей из мира духовного в материальный.

Вместе с тем, выделим те ценности, которые являются основными в эффективном функционировании приграничного этнокультурного ландшафта:

– *стремление к достижению гармонии с природой*, отождествление ценности природы не как ресурса, а как сферы комфортного проживания;

– *традиционализм* как основа этнокультурных ценностей;

– *высокий уровень самоорганизации*, формирующий характерные для каждого приграничного региона особенности социокультурных процессов;

– *толерантность* как основополагающая политическая ценность, позволяющая осуществлять полноценное межкультурное взаимодействие.

Обращение к ценностной составляющей приграничного этнокультурного ландшафта позволяет охарактеризовать его как средоточие совокупности культурных образов исторически населяющих приграничные территории народов, играющих роль регионального культурного каркаса территории.

После сопоставления понятий «региональная культура» и «этнокультурный ландшафт» отметим, что их соотношение и взаимообусловленность очевидны. Ландшафт представляет собой носителя всех свойств региональной культуры, опосредованной приграничным положением. Обе категории находятся в постоянном активном взаимодействии. Репрезентируя свои свойства в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия, они опосредуют те культурные элементы (нормы, ценности, правила, традиции и свойства, выраженные как духовно, так и материально), которые немыслимы без своего единства. Можно говорить об этнокультурном ландшафте как о прямой проекции региональной культуры, ее рефлексии. Приграничный этнокультурный ландшафт опосредован также «живым» характером своего пространства, осуществляемого свои функции не только сквозь связь прошлого, настоящего и будущего, но и сквозь государственные границы, вопрос о функциях которых с точки зрения социокультурного аспекта требует дальнейшей разработки.

Противоречивые свойства этнокультурного ландшафта приграничья, такие, как целенаправленность, неоднородность, многомерность, системность должны быть осмыслены в контексте культурфилософского анализа, предполагающего исследование не только этнокультурных процессов, но и выявление механизмов, определяющих состояние взаимодействующих региональных культур в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия с тем, чтобы определить возможные пути их дальнейшего развития. Вместе с тем, нельзя забывать о том, что эти процессы связаны не только с внешними условиями существования, но и с внутренними характеристиками каждого взаимодействующего этноса, выраженными системой ценностей и ценностных ориентаций.

Литература

1. Ляпкина Т.Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири (конец XVII – начало XX вв.): дис. ... д-ра культурологии. Санкт-Петербург, 2007. С. 3.

2. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в Российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1.

3. Кузин И.В. Хронотоп как ахрония: формальное условие события [Электронный ресурс] // Модусы времени: социально-философский анализ. Режим доступа: www.spho.ru/library/110.

4. Морозова В.С. Феномен региональной культуры в приграничном пространстве РФ-КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 4. С. 40.

5. Дирин Д.А., Красноярова Б.А. Культурно-географические особенности формирования и функционирования нового приграничья // Мир науки, культуры, образования. № 6 (25). 2010. С. 270.

6. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., 2004. 620 с.

7. Морозова В.С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР. М., 2011. С. 47.

8. Дирин Д.А., Красноярова Б.А. Культурно-географические особенности формирования и функционирования нового приграничья // Мир науки, культуры, образования. № 6 (25). 2010. С. 270.

9. Русская архитектура и градостроительство в Северо-Восточной Азии в XX в.: векторы взаимовлияний [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bestreferat.ru/referat-11684.html.

10. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.biodiversity.ru/publications/books/managcult/p1.html.

11. Фёдоров Р.Ю. Региональные цивилизационные ландшафты: введение в понятие и опыт реконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (19). 2012. С. 195.

12. Кулагина Ю.Г., Морозова В.С. Инновации в этнокультурной среде (на примере Северо-Восточного региона КНР) // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 40.

13. Морозова В.С. Процессы культурной диффузии в социокультурном пространстве приграничья РФ-КНР и формирование уникальности региональной культуры Северо-Востока Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. 2012. № 11. С. 74-81.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Морозова В.С., канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел. служ.: (3022) 41-65-04

V. Morozova, Candidate of Philosophical Sciences, associated professor, Oriental Studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: культурно-цивилизационная специфика Китая и ее влияние на формирование современного ценностного мировоззрения китайской нации, региональная культура, ценностная составляющая модернизирующегося китайского общества

Scientific interests: culture-civilized specific of China and it's influence towards the forming of modern value world outlook of the Chinese society, regional culture, part of value in modern Chinese society

УДК 101.1.::316

Хохрякова Анна Сергеевна
Anna Khokhryakova

КИТАЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РФ И КНР

CHINESE REGIONAL PRACTICES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-CHINESE CROSS-BORDER SOCIAL-CULTURAL SPACE

Рассматриваются особенности китайских региональных практик, определяется их влияние на процесс формирования трансграничного социокультурного пространства РФ и КНР

Ключевые слова: *региональные практики, социокультурное пространство, регионализация, трансграничный*

In the article the author inspects the Chinese regional practices' features and its influence on the formation of cross-border social-cultural space of Russia and China

Key words: *regional practices, social-cultural space, regionalization, cross-border*

В условиях взаимопроникающих процессов глобализации и регионализации, универсализации современного социума и его социокультурного разнообразия проблематика региональных практик становится особенно актуальной.

Концепт «региональные практики» вписывается в общефилософский дискурс и образуется посредством совмещения категории «практика» с региональной проблематикой. Понятие «практика» в социофилософском познании опирается на её понимание как осознанной, целенаправленной, материальной деятельности, имеющей общественно значимый характер и направленной на изменение, преобразование как природной, так и социальной реальности и раскрывается через категории субъекта и объекта, формируется, воспроизводится, развивается в единстве субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Поскольку практика выступает основой субъект-объектных отношений, рассматривая понятие «региональные практики», следует четко обозначить, что в данном случае категория «субъекта» связывается с *регионом*, а «объекта» – его *социокультурным пространством*. Таким образом, в данной работе мы будем опираться на определение региональных практик как активной деятельности региона-субъекта, который осуществляет необходимые преобразования, направленные на реструктуризацию, трансформацию собственного социокультурного пространства, а также его составляющих (региональных экономик, социальных, политических структур, культуры и т.д.) в соответствии со своими целями, идеальной моделью развития, знаниями, культурными ценностями и т.д.

Региональные практики КНР – это сложный социокультурный феномен, отражающий процессы внутренней и внешней регионализации, которые отождествляются с дифференциацией и расширением китайского социокультурного пространства.

Использование термина «социокультурный» в пространственном контексте

помогает избежать одностороннего социологического (Э. Дюркгейм), экономико-технологического (К. Маркс, Т. Веблен) и культурного (Л. Уайт, А. Кардинер, М. Мид) детерминизма и применить многофакторный подход к анализу жизненных реалий, понимая неразрывную связь социальных и культурных компонентов общественного бытия и невозможности их строгого разграничения [1].

Пространство является «вместилищем» социокультурных процессов. Оно имеет определенную территориальную структуру и включает ареалы распространения экономических, политических, социальных и культурных систем. Оно многомерно и тесно взаимодействует с географическим делением, но не всегда совпадает с формальными территориально-административными границами. Социокультурная характеристика пространства является необходимой, так как современный социум нельзя исследовать, разграничивая социальное и культурное.

Как утверждает И.В. Тулиганова, собственно пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как системное единство, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и, одновременно, – многомерности [2].

Социокультурное пространство может рассматриваться как совокупность социальных и культурных характеристик регионального сообщества. К социальным характеристикам относятся сферы общественной жизнедеятельности человека (экономика, политика, управление), т.е. все, что формирует социальные отношения и взаимосвязи, уровень качества жизни, направленность общественной деятельности и т.д. Культурные характеристики раскрываются через определение региональной культуры, включающей ценности, мировоззрения, нормы поведения, которые предопределяют характер деятельности регионального социума.

Таким образом, социокультурное пространство КНР представляет пространственную дифференцированную локализацию экономических, политических, научно-технических, социальных, этнических, культурных характеристик Китая. Такая локализация определяется как особенностями самой китайской нации, так и отдельного внутреннего региона КНР, который становится субъектом практической деятельности.

Специфика активности внутренних регионов КНР определяется стратегией согласованного регионального развития, которая наделяет их способностью к самоорганизации, предоставляя тем самым больше возможностей для субъективной практической деятельности. В результате этого, внутренние регионы КНР не только успешно адаптируются к условиям модернизирующегося китайского общества, но и преобразуют собственное и окружающее их социокультурное пространство.

Стратегия согласованного регионального развития КНР, во-первых, имеет соорганизационное и гармонизирующее начало, т.е. способствует сочетаемости многообразия форм регионального развития и созданию равных возможностей для внутренних регионов с разным потенциалом развития. Внутренние регионы имеют собственную стратегию развития (например, «План возрождения старопромышленных баз Северо-Восточного региона»), исходя из их возможностей, но создаются условия для взаимодействия и взаимодополняемости внутренних регионов на основе инструментов рынка, взаимопомощи, поддержки и сотрудничества. Во-вторых, в результате осуществления стратегии внутренние регионы наполняются синергетическим потенциалом, т.е. способностью к саморазвитию и самоорганизации.

В результате стратегия согласованного регионального развития способствует развитию процесса внутренней регионализации КНР, представляющего собой не только результат деятельности регионов, но также длительный синергетический процесс, характеризующийся постоянной циркуляцией, ведущий к упорядочению, стабилизации, гармонизации развития региональных социумов. При этом соорганизация внут-

ренних регионов КНР проявляется в комплиментарном их взаимодействии друг с другом, что способствует коэволюции их существования, преобразованию их социально-экономического разнообразия в дополнительный потенциал развития.

В результате, как мы видим, одной из основных задач региональной стратегии КНР является создание мощной структуры развития не только отдельного региона, но и регионального сотрудничества, кооперирования и соорганизации, что играет ведущую роль в согласовании развития всех регионов и построении гармоничного социалистического общества.

Наиболее точно, на наш взгляд, субъект-объектное практическое взаимодействие региона и его социокультурного пространства, а также процесс формирования трансграничного социокультурного пространства можно проанализировать на примере внутреннего Северо-Восточного региона КНР, в котором активно протекают процессы интеграции и регионализации.

Северо-Восточный регион (*Дунбэй*) — обширная территория в северо-восточной части Китая, включающая провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян и восточную часть автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Граница Дунбэя с Россией составляет около 4200 км и основная ее часть приходится на приграничные провинции КНР — Хэйлунцзян, АРВМ и субъекты РФ — Приморский край, Амурскую область, Забайкальский край.

В последние годы в приграничном Северо-Восточном регионе наблюдаются заметные успехи в его социально-экономическом развитии, в то время как Дальний Восток и Байкальский регион РФ, также занимающие приграничное положение, остаются относительно слаборазвитыми. Успехи, достигнутые Дунбэем, детерминированы, на наш взгляд, стратегией развития этого региона, которая определяет его преобразующую практическую деятельность.

Современное развитие Северо-Восточного региона иллюстрирует сущность китайских региональных практик в построении гармоничного общества, результатом которых становится самоорганизация региона, т.е. его регионализация. Понимание данного процесса может способствовать выработке адекватных стратегий трансграничного взаимодействия между приграничными регионами РФ и КНР.

Внутренний Северо-Восточный регион представляет собой, прежде всего, государственную административно-территориальную единицу, в отношении которой проводится комплексная региональная стратегия. Но, рассматривая Северо-Восточный регион в контексте трансформации его социокультурного пространства, представляется необходимым его анализ как мезоуровня горизонтальной дифференциации китайского социокультурного пространства и как гармонично расширяющейся социокультурной подсистемы КНР.

В отличие от макроуровня мезоуровень обеспечивает возможность выхода на конкретную социокультурную самобытность, что повышает гарант сохранения её уникальности. Роль мезоуровня диктуется задачей снятия противоречий между глобальным и региональным, в результате чего, как отмечает Р.Х. Симонян, мезоуровнь представляет пространство, в котором пересекаются векторы социокультурных процессов в координатах «интеграция — дифференциация» [3]. Выступая как мезоуровень социокультурного пространства, регион преобразует его, адаптируя глобальные процессы к местным условиям.

В контексте китайского социокультурного пространства Дунбэй можно определить как сложную диалектическую подсистему, образующуюся в результате синергетического объединения всех её элементов (провинций и регионообразующих факторов) между собой, и обуславливающих друг друга в рамках этой системы.

Социокультурная подсистема как совокупность социальных и культурных характеристик включает условия, процессы, обуславливающие непрерывное развитие и воспроизводство территориальной общности (территория или территориальная организация, система воспроизводственных процессов, ресурсный потенциал региона),

а также систему культурных ценностей, характерные для данной региональной культуры.

Внутренний Северо-Восточный регион КНР — это социокультурное, историко-этническое, ландшафтно-географическое, административно-территориальное, экономическое пространство, сформировавшееся как естественным, эволюционным путем, в ходе развития экономических, политических, социокультурных связей и взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества, так и исторически, посредством принятия КНР государственных решений по выделению этого региона в относительно самостоятельное экономическое пространство.

Институциональным механизмом определения Северо-Восточного региона как мезоуровня дифференциации китайского социокультурного пространства является стратегия согласованного развития внутренних регионов КНР, осуществление которой способствует самоорганизации и саморазвитию внутренних регионов. К числу институциональных регуляторов также можно отнести и стратегию развития рассматриваемого региона, т.е. «План возрождения старопромышленных баз Северо-Восточного региона».

Поскольку Северо-Восточный регион КНР занимает приграничное положение, то следует полагать, что трансформация его социокультурного пространства проявляется и в формировании трансграничного региона, обладающего собственным социокультурным пространством. Как отмечает в своей работе Д.Г. Емченко, социокультурное пространство такого трансграничного региона формируется как единое «глокальное» поле, где развертываются культурные формы человеческой жизнедеятельности [4].

Трансграничный регион — это подсистема более масштабной системы, какой является государство. Обладая такими свойствами целого, которые не содержатся в составляющих его элементах, трансграничный регион связывает культуры и социумы двух или более приграничных регионов сопредельных государств. Подобный регион порождает свою систему, которая обладает историей формирования и структурой, состоящей из ряда элементов, каждый из которых выполняет свои функции и, соответственно, связан с другими элементами [5].

Одним из условий формирования трансграничного региона является граница, которая может выполнять две функции — барьерную и контактную. В зависимости от соотношения барьерных и контактных свойств границы (которые отражают характер взаимоотношений между граничащими странами) различаются возможности трансграничного сотрудничества и формирования социокультурного пространства трансграничного региона. В условиях глобализации барьерные функции границы снижаются, границы становятся более проницаемыми, особенно для нематериальных потоков (капиталов, информации), роль которых по сравнению с потоками товаров и людей с развитием глобализации увеличивается [6]. Исходя из этого, можно предположить, что усиливается и процесс формирования трансграничного социокультурного пространства.

Нами трансграничный регион определяется как специфическая модель реструктуризации мезоуровневого социокультурного пространства, объединяющего социальные и культурные характеристики внутренних регионов РФ и КНР.

Оба региона находятся на территории Северо-Восточной Азии и имеют общую границу, протяженностью около 4200 км. Таким образом, они взаимодействуют друг с другом в рамках трансграничного сотрудничества для управления и сохранения своего *жизненного пространства*, т.е. жизнеобеспечивающей среды, условий существования и факторов развития региона.

Одним из факторов жизнеспособности региона выступает самодостаточность, способствующая его прогрессивному развитию на основе стратегических планов и программ, оптимального распределения финансовых ресурсов, определения инновационных точек роста, социокультурного, устойчивого развития и т.д. Для Северо-

Восточного региона КНР становление самодостаточности (экономической, политической, социокультурной) и гармонизации его социума возможно не только благодаря самоорганизации, регионализации и преобразования собственного социокультурного пространства государства, но и вследствие использования конкурентных преимуществ его региональной экономики и приграничного потенциала, т.е. преимуществ геополитического положения и сотрудничества с российскими внутренними регионами, в результате чего преобразующая деятельность региона приобретает транснациональный характер. Поэтому формирование трансграничного социокультурного пространства РФ и КНР реализуется через механизмы расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», «выхода во вне», программы конструирования экономических, транспортных и культурных приграничных коридоров.

Российско-китайский трансграничный регион – это целенаправленные территориальные, воспроизводственные, ресурсные, ценностные изменения в приграничных внутренних регионах РФ и КНР, связанные с формированием региональной (а не национальной) политической элиты, регионального имиджа [7]. Этот процесс трансформации трансграничного социокультурного пространства, помимо решения проблем внутригосударственного развития, связан с выработкой новых форм международного сотрудничества между странами, формированием каждым участником внешнего имиджа своих внутренних регионов.

Результатом этого процесса становится новая форма функционирования китайского социокультурного пространства «поверх» международных границ. Такая форма представляет собой китайский трансграничный регион, определяющий особенности гармоничного развития Северо-Восточного региона во взаимодействии с регионами РФ.

Таким образом, формирование трансграничного социокультурного пространства между Россией и Китаем представляет собой сложный диалектический процесс, вектор которого зависит от региональной политики двух стран. При этом региональные практики КНР оказывают сильнейшее влияние на данный процесс, что требует дальнейшего научного осмысления.

Литература

1. Хоруженко К.М. Культурология: энциклопедия слов. Ростов н/Д. С. 224.

2. Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф ... дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2009. 24 с.

3. Симонян В.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 56.

4. Емченко Д.Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель: автореферат дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. С. 20.

5. Цукерман В.С. Из работ прошлых лет: сб. статей. Челябинск, 2007. С. 61.

6. Корнеевец В.С. Транснациональные и трансграничные регионы как специфические формы территориальной организации социума: автореф. д-ра геогр. наук. СПб., 2010. С. 15.

7. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2011. С. 103.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Хохрякова А.С., канд. филос. наук, ассистент кафедры востоковедения, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: (3022) 36-32-91

A. Khokhryakova, Candidate of philosophical sciences, assistant, oriental studies depart-ment, Zabaikalsky State University

Научные интересы: востоковедение, региональные исследования

Scientific interests: oriental and regional studies

Экономические науки

336.7

Багдасарян Арег Меружанович
Areg Bagdasaryan

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

DEVELOPMENT OF THE SECURITIES MARKET IN THE COUNTRIES OF EASTERN EUROPE

Рассматриваются проблемы развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы. Проведено исследование основных показателей рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы, сравнительный анализ показателей рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы и странах с развитым рынком, выявлены основные проблемы и предложены пути развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы

Ключевые слова: *фондовые биржи, рынок ценных бумаг, капитализация акций*

The article is devoted to the problems of securities market development in the countries of Eastern Europe. The article studies the main indicators of the securities market in the countries of Eastern Europe. Comparative analysis of the securities market performance in the countries of Eastern Europe and developed markets is made, identifying key issues and suggesting ways for the securities market development in the countries of Eastern Europe

Key words: *stock exchanges, securities market, stock capitalization*

Рынок ценных бумаг является одной из важнейших составляющих финансового рынка. Развитие и повышение конкурентоспособности экономики в странах Восточной Европы во многом зависит от уровня развития рынка ценных бумаг. Однако рынок ценных бумаг в большинстве стран Восточной Европы находится либо на стадии формирования, либо на начальных стадиях развития.

Для разработки путей развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой необходимо исследовать основные показатели рынка ценных бумаг в разных странах с переходной экономикой, подвергнуть сравнительному анализу показатели рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой и странах с развитым рынком, а также с мировыми показателями, выявить основные проблемы развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой. Перечисленные проблемы в той или иной мере исследованы в трудах ученых, работающих на территории бывшего СССР, а также в трудах иностранных исследователей. В частности, проблемы методологического характера тщательно обсуждены в трудах Я.М. Миркина, а закономерности и тенденции развития мировых фондовых рынков – в трудах Б.Б. Рубцова.

Целью данного исследования является анализ основных показателей, проведения сравнительного анализа и выявление основных проблем развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой.

Исходя из целей исследования и значимости для развития экономики в целом, в статье основное внимание уделено анализу показателей рынка инвестиционных ценных бумаг, в частности, структуре рынка,

а также исследованию основных биржевых показателей.

Показатели объема рынка инвестиционных ценных бумаг и валового внутреннего продукта в странах с развитыми и формирующимися рынками показаны в табл. 1.

Таблица 1

Объем рынка инвестиционных ценных бумаг и валового внутреннего продукта в странах с развитыми и формирующимися рынками ценных бумаг, 2006-2010 гг. [2; 6]

Страна	Объем рынка инвестиционных ценных бумаг**, млрд долл. США					Объем валового внутреннего продукта, млрд долл. США				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
США	46305	49802	42395	46729	49818	13195	13808	14441	14119	14527
Япония	13515	13881	14687	15317	18253	4366	4382	4911	5069	5459
Евросоюз*	36272	42952	36400	43569	41923	13644	15689	17037	15373	15161
в т.ч.										
Германия	6489	7711	6600	7036	6792	2899	3321	3673	3339	3287
Великобритания	7092	7696	5839	7509	8395	2395	2765	2680	2179	2250
Франция	5808	7104	6025	7054	6926	2252	2594	2867	2656	2563
Италия	4518	5293	5016	5761	4957	1853	2105	2314	2118	2055
Страны с формирующимися рынками	17749	28770	16374	23624	28334	14079	17282	20606	19566	23427
в т.ч.										
Европейские страны	2615	3358	1540	1865	2628	2631	3527	4126	3264	3728
Азиатские страны	10375	18288	10160	15478	18318	6260	7482	8902	9480	11427
Страны Ц. и Юж. Америки	3011	4377	3265	4526	5225	2942	3609	4209	3965	4834
Африканские страны	992	1348	600	737	983	920	1100	1282	883,4	1049
Весь мир	119561	144928	117043	139271	149944	48204	54545	60918	57843	62911

* Включает данные только западно-европейских стран-членов ЕС. Новые члены ЕС включены в группу европейских стран с формирующимися рынками

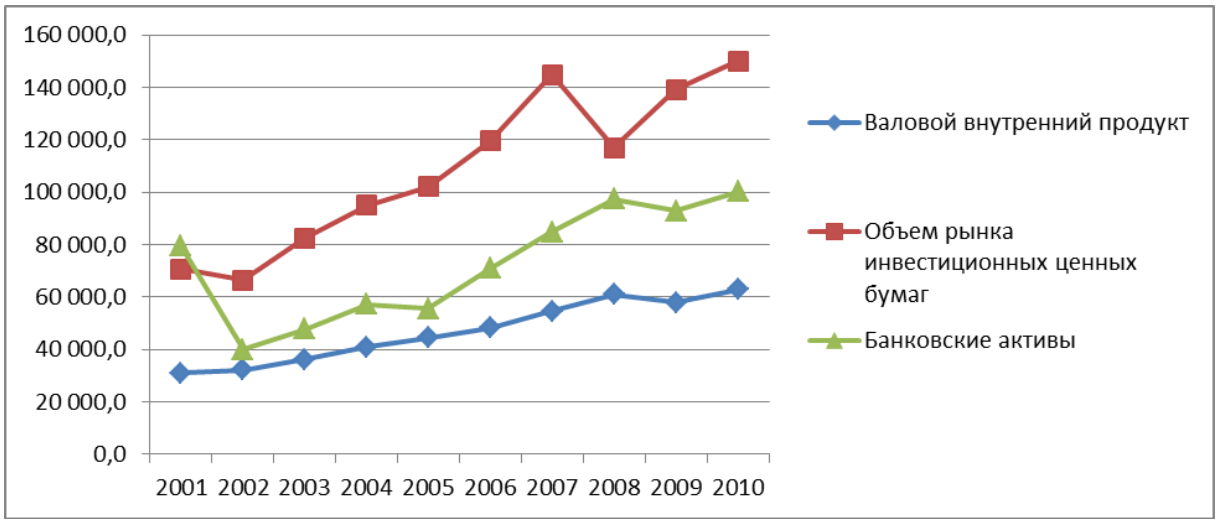
** Рассчитано как сумма капитализации рынка акций и непогашенной задолженности по долговым ценным бумагам

В период 2006-2008 гг. объем мирового валового продукта показывал тенденцию роста (см. табл. 1). Однако в свете мирового финансово-экономического кризиса объем мирового валового продукта существенно снизился в период 2008-2009 гг., а начиная с 2009 г., начал снова показывать тенденцию роста и в 2010 г. превысил соответствующий показатель 2008 г. Объем валового внутреннего продукта в Европейских странах с переходной экономикой снизился в большей степени, чем объем мирового валового продукта. Начиная с 2009 г., объем валового внутреннего продукта в Европейских странах с переходной экономикой начал показывать тенденцию роста, однако в 2010 г. этот показатель в Европейских странах с переходной экономикой был значительно меньше соответствующего показателя 2008 г.

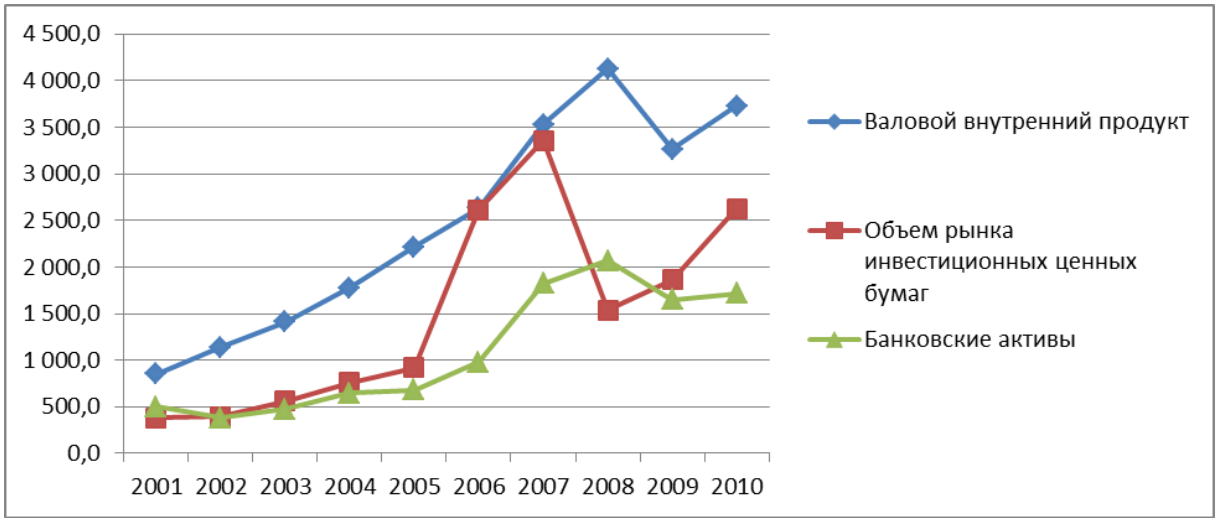
Более значительной была разница между мировыми показателями и показателями Европейских стран с переходной экономикой (данные табл. 1)по критерию объема рынка инвестиционных ценных бумаг. Объем мирового рынка инвестици-

онных ценных бумаг рос до 2007 г., после чего произошло его резкое снижение. Начиная с 2008 г., объем мирового рынка инвестиционных ценных бумаг начал снова показывать тенденцию роста и в 2010 г. этот показатель превысил соответствующий показатель 2007 г. Объем рынка инвестиционных ценных бумаг в Европейских странах с переходной экономикой в период 2007-2008 гг. снизился более чем в два раза. Хотя, начиная с 2008 г., начал показывать тенденцию роста, в 2010 г. он был почти в два раза меньше соответствующего показателя 2007 г.

Динамика изменения валового внутреннего продукта, объема рынка инвестиционных ценных бумаг и банковских активов в мире и в странах Восточной Европы показана на рис. 1.



а)

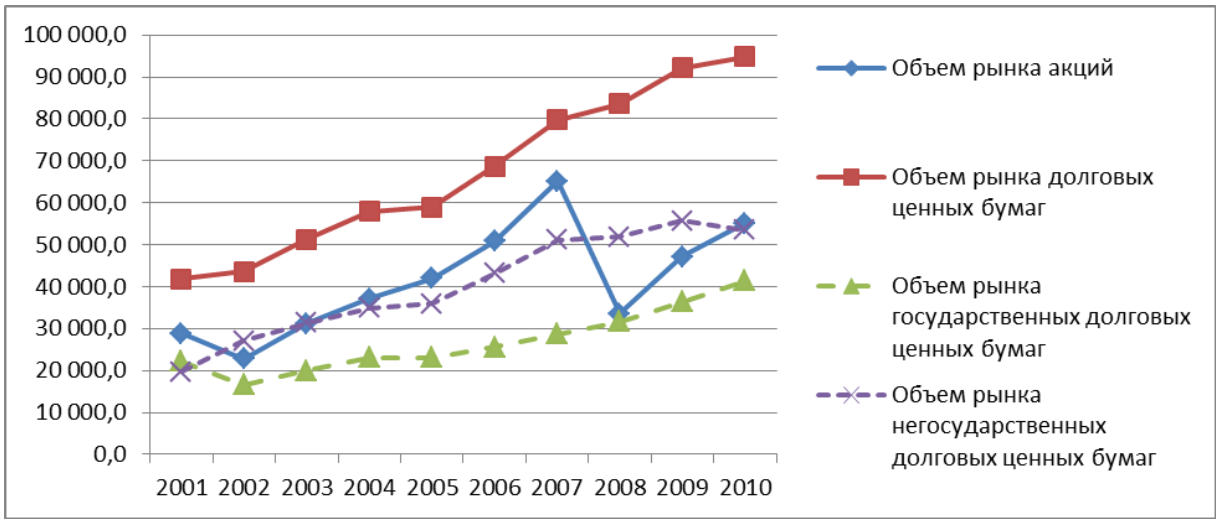


б)

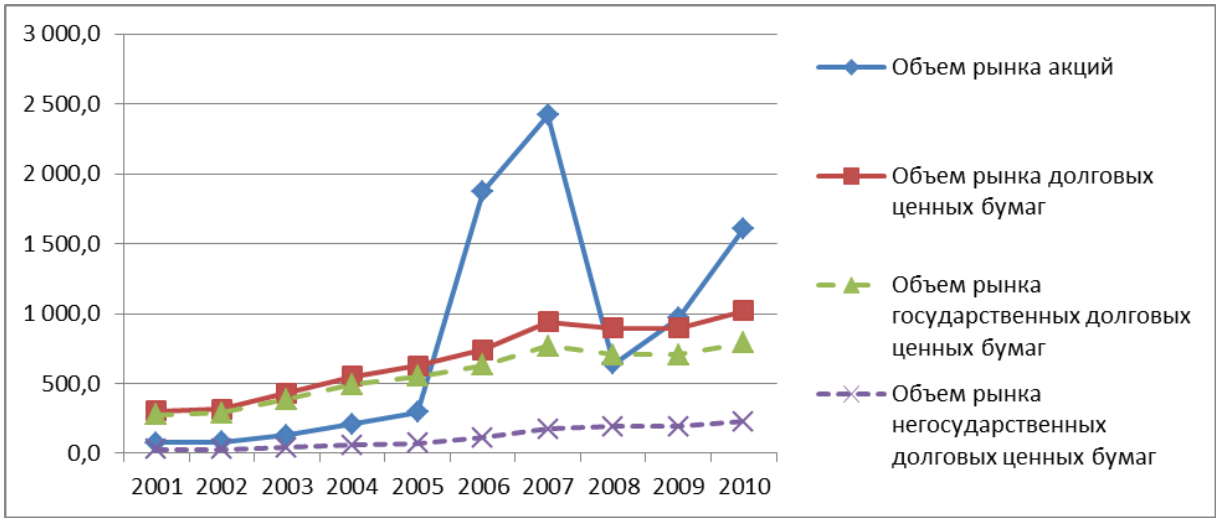
Рис. 1. Динамика изменения валового внутреннего продукта, объема рынка инвестиционных ценных бумаг и банковских активов: а) в мире; б) в странах Восточной Европы, 2001-2010 гг. [2; 6]

В период 2001-2010 гг. показатель объема мирового рынка инвестиционных ценных бумаг почти всегда более чем в два раза превышал показатель объема мирового валового продукта. Объем банковских активов тоже в значительной степени превышал объем мирового валового продукта. Иная картина в странах Восточной Европы. Здесь показатель объема валового внутреннего продукта почти в два раза превышал показатель объема рынка инвестиционных ценных бумаг и в значительной степени — объем банковских активов. Показатель объема рынка инвестиционных ценных бумаг в странах Восточной Европы не показывает стабильной динамики.

Динамика изменения объема рынка акций и долговых ценных бумаг в мире и в странах Восточной Европы представлена на рис. 2.



а)



б)

Рис. 2. Динамика изменения объема рынка акций и долговых ценных бумаг: а) в мире; б) в странах Восточной Европы, 2001-2010 гг. [2; 6]

В период 2001-2010 гг. показатель объема мирового рынка долговых ценных бумаг всегда превышал показатель объема мирового рынка акций. В указанном периоде объем мирового рынка долговых ценных бумаг стабильно рос, чего нельзя

сказать об объеме мирового рынка акций. В период 2001-2002 гг. объем мирового рынка акций падал; 2002-2007 гг. – начал расти быстрыми темпами; в 2007-2008 гг. – резко снизился, потом – снова начал расти быстрыми темпами. Из сказанного видно, что кризисы в финансовой системе сильнее влияют на показатели мирового рынка акций, чем рынка долговых ценных бумаг. Однако структурный анализ мирового рынка долговых ценных бумаг выявляет несоразмерное развитие отдельных частей этого рынка. Начиная с 2002 г.. объем мирового рынка негосударственных долговых ценных бумаг превышает объем мирового рынка государственных долговых ценных бумаг. Показатель объема мирового рынка негосударственных долговых ценных бумаг рос почти равномерно до 2009 г., после чего начал снижаться. Показатель объема мирового рынка государственных долговых ценных бумаг, наоборот, снижался до 2002 г., после чего начал стабильно расти. Структурный анализ показывает, что стабильному росту объема мирового рынка долговых ценных бумаг способствовало наличие двух факторов, действующих в разных направлениях – объем частных инвестиций, финансируемых также за счет заемного капитала, который увеличивается в периоды экономического роста, и объем государственного долга, увеличивающегося в периоды экономического спада.

Из рис. 2 видно, что объем рынка акций в странах Восточной Европы имеет более нестабильную динамику. До 2005 г. объем рынка акций в странах Восточной Европы был значительно меньше объема рынка долговых ценных бумаг; в 2005-2007 гг. объем рынка акций увеличился почти в 10 раз; в 2007-2008 гг. – снизился более чем в 3 раза, а в 2008-2010 гг. – снова увеличился более чем в 2 раза. Анализ показывает, что рынок акций в странах Восточной Европы не устойчив и полностью подвержен влиянию экономических кризисов.

Другой особенностью рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы является преобладание рынка государственных ценных бумаг над рынком негосударственных ценных бумаг. Так, в 2010 г. объем рынка государственных долговых ценных бумаг более чем в 3 раза превышал объем рынка негосударственных долговых ценных бумаг.

С точки зрения исследования особенностей развития рынка ценных бумаг в странах с переходной экономикой важным является анализ основных показателей биржевой торговли. Рыночная капитализация акций и число компаний, акции которых допущены к торгам на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, показаны в табл. 2.

Таблица 2

Рыночная капитализация акций и число компаний, акции которых допущены к торгам на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, 2006-2010 гг. [1; 3-5; 7-8]

Название биржи	Рыночная капитализация акций, млрд долл. США					Число компаний, акции которых допущенны к торгам				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Баня-Лукская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	5,0	5,9	2,6	2,9	2,6	793	814	838	821	821
Болгарская фондая биржа, Болгария	9,4	21,7	8,9	8,7	7,4	347	369	404	398	390
Братиславская фондовая биржа, Словакия	3,3	6,9	5,4	5,1	4,2	6	160	125	107	90
Будапештская фондовая биржа, Венгрия	41,9	46,2	18,5	30,0	27,7	41	41	43	46	52

Окончание табл. 2

Название биржи	Рыночная капитализация акций, млрд долл. США					Число компаний, акции которых допущенны к торгам				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Бухарестская фондовая биржа, Румыния	25,2	30,6	15,1	13,1	14,2	53	54	62	69	74
Варшавская фондовая биржа, Польша	151,8	211,6	90,8	151,0	190,2	265	375	458	486	584
Грузинская фондовая биржа, Грузия	0,7	1,4	0,3	0,7	1,1	231	161	153	145	138
Загребская фондовая биржа, Хорватия	29,0	70,2	27,1	26,6	25,6	182	359	356	271	240
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	54,9	53,8	23,3	27,9	26,8	71	67	78	77	73
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	186	191	158	9	11
Люблянская фондовая биржа, Словения	15,2	28,8	11,8	12,1	9,4	100	87	84	76	72
Македонская фондовая биржа, Македония	1,1	2,7	0,8	0,9	2,6	101	113	92	86	83
Московская межбанковская валютная биржа (ММВБ), Россия	884,7	1216,6	337,4	738,0	954,4	193	207	233	234	249
НАСДАК ОЭМЭКС Армения (NASDAQ OMX) Armenia, Армения	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	35	28	22	11	11
Республиканская фондовая биржа “Тошкент”, Узбекистан	0,1	0,2	2,8	1,9	2,9	620	430	392	314	295
Российская торговая система (РТС), Россия	966,0	1328,8	374,9	763,5	959,9	280	301	275	279	278
Санкт-Петербургская валютная Биржа, локальные рынки, Россия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0	0	0	0	0
Сараевская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	7,7	11,7	5,6	5,3	4,9	489	509	524	529	541
Украинская фондовая биржа, Украина	0,3	0,2	0,2	0,2	1,1	54	54	49	53	37
Фондовая биржа ПФТС, Украина	44,1	111,8	23,5	25,8	32,0	295	335	303	288	302
Черногорская фондовая биржа, Черногория	2,4	3,7	2,9	4,3	3,6	65	83	74	65	55

Объемы торговли акциями и долговыми ценными бумагами на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, показаны в табл. 3.

Таблица 3

Объем торговли акциями и долговыми ценными бумагами на основных фондовых биржах, действующих в странах с переходной экономикой, 2006-2010 гг. [1; 3-5; 7; 8]

Название биржи	Объем торговли акциями, млн долл. США					Объем торговли долговыми ценными бумагами, млн долл. США				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
Баня-Лукская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	261,9	546,8	163,1	132,4	82,5	0,0	0,6	8,3	22,2	37,9
Болгарская фондая биржа, Болгария	1546,0	6808,9	1855,0	487,1	377,3	200,2	297,5	183,2	123,2	85,1
Братиславская фондовая биржа, Словакия	99,5	31,3	21,1	174,7	308,9	37857,1	15148,4	33899,8	16747,3	8806,5
Будапештская фондовая биржа, Венгрия	31157,7	47586,5	30706,0	25375,2	26263,1	1672,9	1160,8	2371,8	1459,4	1132,2
Бухарестская фондовая биржа, Румыния	3548,8	5623,4	2354,6	1715,7	1733,2	55,0	323,6	67,8	399,1	736,2
Варшавская фондовая биржа, Польша	56372,9	87962,2	69499,1	53509,3	69156,6	897,8	636,7	1032,3	1268,5	520,9
Грузинская фондовая биржа, Грузия	94,1	46,2	8,3	1,8	3,4	1,6	0,1	0,0	0,0	0,0
Загребская фондовая биржа, Хорватия	1876,2	4386,1	3216,0	1461,9	1049,8	6249,3	8750,2	2510,9	659,7	292,3
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	4026,6	8924,4	3803,8	4300,1	1902,7	3018,9	4302,7	3651,9	2583,4	1614,2
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	102,7	146,1	103,6	66,2	9,8	0,0	0,0	0,0	0,7	0,9
Люблянская фондовая биржа, Словения	2049,7	4252,2	2337,8	947,0	476,1	1537,1	598,2	374,6	205,6	143,6
Македонская фондовая биржа, Македония	397,2	492,9	163,3	65,1	44,6	38,0	41,1	33,8	29,7	27,4
Московская межбанковская валютная биржа (ММВБ), Россия	409044,7	599326,6	514006,1	836268,3	991540,8	86528,5	127098,6	123948,4	467463,3	1115818,2
НАСДАК ОЭМЭКС Армения (NASDAQ OMX Armenia), Армения	5,9	5,0	0,9	0,3	0,4	1,3	2,3	7,3	27,9	7,9
Республиканская фондовая биржа “Тошкент”, Узбекистан	110,9	89,2	80,3	59,5	39,3	0,8	0,4	0,0	0,0	0,0
Российская торговая система (РТС), Россия	17232,1	15161,6	10448,4	54171,8	112122,4	306,0	47,4	258,3	1,1	1,1
Санкт-Петербургская валютная Биржа, локальные рынки, Россия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	270,5	993,5	511,9	58,2	116,7
Сараевская фондовая биржа, Босния и Герцеговина	680,9	620,4	281,5	148,3	70,0	0,0	0,0	0,0	0,1	19,5
Украинская фондовая биржа, Украина	22,2	14,2	3,6	2,4	0,6	25,2	1,6	9,4	0,0	0,0
Фондовая биржа ПФТС, Украина	1182,2	1996,1	1679,2	581,2	530,6	2557,8	3588,8	2842,0	387,7	300,3
Черногорская фондовая биржа, Черногория	288,7	285,4	105,2	322,8	70,9	13,6	12,6	9,7	9,9	6,0

Как видно из табл. 2, в 2010 г. наибольшее число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, было на Баня-Лукской фондовой бирже (821 эмитентов). За Баня-Лукской фондовой биржой следуют Варшавская фондовая биржа (584 эмитентов), Сараевская фондовая биржа (541 эмитентов), Болгарская фондая биржа (390 эмитентов) и Фондовая биржа ПФТС (302 эмитентов). Однако по показателю рыночной капитализации Баня-Лукская фондовая биржа и Сараевская фондовая биржа уступают основным фондовым биржам, действующим на территории Восточной Европы. Рыночная капитализация на Баня-Лукской фондовой бирже составляет 2,6 млрд долл. США, а на Сараевской фондовой бирже – 4,9 млрд. долларов США. По показателю рыночной капитализации лидируют РТС (959,9 млрд долл. США) и ММВБ (954,4 млрд долл. США). Число компаний, акции которых допущены к торгам на РТС, составляет 278, а на ММВБ – 249. По показателю рыночной капитализации за РТС и ММВБ следует Варшавская фондовая биржа (190,2 млрд долл. США). Показатель рыночной капитализации на Фондовой бирже ПФТС составляет 32 млрд долл. США, на Будапештской фондовой бирже – 27,7 млрд долл. США, на Казахстанской фондовой бирже – 26,8 млрд долл. США, на Загребской фондовой бирже – 25,6 млрд долл. США, на Бухарестской фондовой бирже – 14,2 млрд долл. США. Показатель рыночной капитализации на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и 10 млрд долл. США.

Из табл. 3 видно, что по объему торговли акциями на территории Восточной Европы лидируют ММВБ и РТС. В 2010 г. объем торговли акциями на ММВБ составил почти трлн долл. США, а на РТС – более 110 млрд долл. США. За ними следуют Варшавская фондовая биржа (около 70 млрд долл. США) и Будапештская фондовая биржа (около 26 млрд долл. США). Объем торговли акциями на Казахстанской фондовой бирже составил 1,9 млрд долл. США, на Бухарестской фондовой бирже – 1,7 млрд долл. США, на Загребской фондовой бирже – 1 млрд долл. США. Объем торговли акциями на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и 1 млрд долл. США.

По объему торговли долговыми ценными на территории Восточной Европы абсолютным лидером является ММВБ. В 2010 г. объем торговли долговыми ценными бумагами на ММВБ составил более 1,1 трлн долл. США. За ней следуют Братиславская (8,8 млрд долл. США), Казахстанская (1,6 млрд долл. США) и Будапештская фондовый биржи (1,1 млрд долл. США). Объем торговли долговыми ценными бумагами на остальных фондовых биржах, действующих на территории Восточной Европы, не достигает и 1 млрд долл. США.

Рынок ценных бумаг в разных странах с переходной экономикой находится на разных уровнях развития. С точки зрения развития рынка наиболее успешными являются страны, вошедшие в Европейский Союз. Судя по количественным показателям, лидером является Российская Федерация. Наихудшее состояние рынка ценных бумаг – в странах Южного Кавказа, где он находится на стадии формирования. Несмотря на все различия, в странах с переходной экономикой имеются проблемы развития рынка ценных бумаг, присущие всем странам с переходной экономикой. Они связаны с: нежеланием инвесторов входить на рынок ценных бумаг (недостаток предложения капитала), отсутствием инвестиционных возможностей (недостатка спроса на капитал), развитием торговых, расчетно-клиринговых и депозитарных систем рынка ценных бумаг; недосточной осведомленностью потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка.

Перечисленные проблемы проявляются в разном объеме в странах с переходной экономикой, однако в той или иной мере присущи всем странам. Например, торговые, расчетно-клиринговые и депозитарные системы рынка ценных бумаг находятся на достаточно высоком уровне в странах Балтийского региона (Эстония, Латвия,

Литва). Регулируемые рынки этих стран полностью интегрированы в один из крупнейших мировых рынков – NASDAQ OMX. Интеграция рынка дает возможность решить проблемы, связанные с недостатком спроса и предложения на капитал. Так, в Эстонии решение связано с внедрением обязательной накопительной многоуровневой системы пенсионного обеспечения. Также в достаточной степени уделено внимание повышению осведомленности населения и потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка. Недоверие к рынку ценных бумаг особо остро ощущается в странах Южного Кавказа и в некоторых странах Балканского региона. В других странах бывшего СССР эта проблема также полностью не решена, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами.

Несмотря на разные уровни развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы, имеются проблемы, проявляющиеся, в той или иной мере, во всех странах региона. Для дальнейшего развития рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы необходимо уделять внимание решению этих проблем, в частности, увеличению объема капитала, направляемого на рынок ценных бумаг, увеличению инвестиционных возможностей, развитию и интеграции торговых, расчетно-клиринговых и депозитарных систем рынка ценных бумаг и повышению осведомленности потенциальных участников рынка ценных бумаг о возможностях рынка.

Литература

1. Международная ассоциация бирж стран СНГ, Бюллетени биржевой статистики: 2006-2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mab.micex.ru.

2. BIS Quarterly Reviews: International banking and financial market developments. Bank for International Settlements, Basel, 2006-2010.

3. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, Newsletters: Jan. 2006 – Jan. 2011, Supplements: 1st Quarter 2006 – 4th Quarter 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.feas.org.

4. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, FEAS Books: 2009-2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.feas.org.

5. Federation of Euro-Asian Stock Exchanges, FEAS Semi Annual Reports: 2006-2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.feas.org.

6. International Monetary Fund, Global Financial Stability Reports: 2006-2010, Washington, D.C., 2007-2011.

7. World Federation of Exchanges, Time Series: 2006-2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.world-exchanges.org.

8. World Federation of Exchanges, Annual Statistics Reports: 2006-2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.world-exchanges.org.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Багдасарян А.М., канд. экон. наук, доцент, экономический факультет, кафедра «Финансы и кредит», Государственный аграрный университет Армении
aregbag@yahoo.com

Научные интересы: рынок ценных бумаг, фондовые биржы

A. Bagdasaryan, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, State Agrarian University of Armenia, Economic faculty, Chair of Finance and Credit, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, International Scientific-Educational Centre

Scientific interests: include the stock market, stock markets

УДК 378

Малышев Евгений Анатольевич
Eugene Malyshev

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВЫБОРА ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРИОРИТЕТОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ И БАЛАНСОВЫХ МОДЕЛЕЙ

METHODOLOGY OF PREDCTING THE CHOICE OF LONG-RANGE PRIORITIES OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE FRONTIER TERRITORIES ON THE BASE OF MACROECONOMIC AND BALANCE MODELS

Рассмотрены вопросы саморазвития региональных социально-экономических систем и роль профессионального образования в данном процессе. Предложены модель выбора приоритетов инновационного развития приграничной территории и модель межсекторного взаимодействия в инновационном развитии приграничных территорий. Показана сравнительная оценка характеристик различных подходов к разработке прогнозов развития регионов. Даны прогнозные значения основных показателей развития Забайкальского края

Ключевые слова: *саморазвитие регионов, инновационное развитие, обеспеченность экономического развития знаниями, государство, бизнес, наука (образование), приграничные территории*

The questions of self-development of regional social and economic systems, the role of professional education in this process are observed in the article. The model of the choice of long-range priorities of innovative development of the frontier territories is suggested. The comparative evaluation of different approaches' characteristics to the creation of region's development forecasts is shown. The forecasting meanings of the main indicators of Zabaikalsky Krai development are given

Key words: *regions' self-development, innovative development, knowledge supply of economic development, state, business, science (education), frontier territories*

Инновационная динамика приграничной территории представляется не только как временная последовательность этапов, но и как инновационные экономические отношения, как совокупность функциональных видов экономической деятельности, обеспечение единства и взаимосвязи которых составляет необходимое условие успеха инноваций. Эти отношения имеют свою субъектную структуру.

Наиболее современной концепцией трансинституционального взаимодействия является концепция «тройной спирали» Г. Ицковица и Л. Лейдесдорфа. Модель «тройной спирали» организована в соответствии с принципами пересечения трех множеств отношений и описывает инновационное развитие через динамику отношений науки (образования), бизнеса и государства (в лице правительства) на национальном и региональном уровнях [9].

Вместе с тем, проведенный анализ состояния основных субъектов инновационной системы в приграничных регионах и инструментов, используемых правительством для налаживания связей между

ними, позволил сделать вывод, что в приграничных территориях существуют и развиваются только «двойные», а не «тройные спирали» отношений. Ряд авторов считает «двойные спирали» в новых условиях рыночных отношений «ловушками», поскольку в них заинтересованы все участники инновационного процесса. Государство, в целом отвечающее за успешный переход к новым технологическим траекториям, не может преодолеть такие «ловушки» из-за того, что в его взаимодействии с другими участниками по-прежнему доминируют вертикальные отношения, не отвечающие современным инновационным требованиям. «Двойные спирали» в тех регионах, где инновационная сеть еще недостаточно развита, в частности, в приграничных территориях, должны рассматриваться как эволюционный этап в развитии полной «тройной спирали». Выстраивание грамотных межсекторных взаимодействий, проектирование институтов в рамках «двойных спиралей» (государство-бизнес, государство-наука (образование), бизнес-наука (образование) является залогом формирования инновационной трехсторонней модели [1-3; 9; 10].

Разработана авторская модель выбора приоритетов инновационного развития приграничной территории с использованием оценки интересов субъектных групп. Выделено четыре группы субъектов, участвующих в инновационном развитии региона (рис. 1).

1. «Генерация и распространение знаний» – научные организации РАН, отраслевая наука, институты, университеты, академии и институты, государственные средние специальные учебные заведения;

2. «Генерация и использование знаний» – крупные производственные предприятия, сервисные компании, интегрированные бизнес-группы, малый и средний инновационный бизнес.

3. «Создание инновационного климата» – органы государственной власти на разных уровнях, ассоциации товаропроизводителей и отраслевые союзы, технопарки, технополисы, инновационно-технологические центры, центры экспертизы, центры трансфера технологий, инновационные сети, кредитные учреждения, венчурные фонды, инвестиционные компании и фонды;

4. «Общественные интересы» – общественные организации в области защиты различных прав, социально-культурных отношений, экологии, общественных благ.

Каждый из институтов обеспечивает систему производства знаний за счет создания гибридных институциональных форм, снижающих неопределенность. Основной тезис авторской модели заключается в том, что в системе инновационного развития доминирующее положение начинают занимать институты, ответственные за создание нового знания. Субъектная структура инновационных отношений является не только разнообразной и сложной, но и динамичной, противоречивой, в которой прослеживаются экономические тенденции как объединяющие, так и разделяющие субъектов инновационного процесса. Так, для научно-исследовательских организаций фундаментального характера непосредственной целью является получение инновационной идеи; для других научно-исследовательских организаций, ориентированных на прикладную тематику, – воплощение этой идеи в конкретных новшествах; для предпринимателей – получение инновационной ренты.

Рис. 1. Четырехсубъектная модель межсекторного взаимодействия в инновационном развитии приграничных территорий

Средством достижения этих целей служит инновационная деятельность. Именно в этом проявляются ее коммуникационные и синергетические функции, ее объединяющая тенденция.

Сформулированы три объединяющие причины:

1) множественность субъектов инновационного процесса на функциональных этапах его осуществления;

2) многообразие, непорядковость и взаимность целей и средств субъектов, реализующих инновационной процесс;

3) реализация целей всех субъектов инновационных отношений приводит к результату, не сводимому к сумме частных результатов. Таким образом, результатом является увеличение массы потребительских ценностей, снижение стоимости их единиц и получение социально значимого системного эффекта, объединяющего субъектов инновационных экономических отношений.

Тенденция, разделяющая субъектов данных отношений, прослеживается при выявлении экономических противоречий, существующих в инновационных экономических отношениях. В этом контексте в работе выделено *пять основных групп данных противоречий*:

1) в экономических интересах субъектов инновационных отношений, которые определяют специфический тип их инновационной активности;

2) возникающие в процессе трансформации инноваций в традиции;

3) инновационных отношений с другими элементами экономической системы, в которой они возникают, функционируют и развиваются;

4) на разных уровнях осуществления инновационного процесса: международном, национальном, региональном, локальном, на уровне бизнеса и домашних хозяйств;

5) структуры инновационного экономического цикла, состоящего из фаз, реализация которых основывается на качественно отличающихся друг от друга принципах деятельности. К этой же группе относятся противоречия между необходимостью инновационного развития и его негативными

для экономической системы последствиями.

Таким образом, на основе анализа сложности и противоречивости инновационных экономических отношений, складывающихся между субъектами инновационного процесса, определены количественные показатели инновационной политики каждого субъекта (группы субъектов), а также описаны концептуальные модели поведения субъектов (групп субъектов) в условиях инновационных циклов. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что эффективность инновационной деятельности субъектов, полнота реализации их инновационных потенциалов находятся в зависимости от степени адекватности включения субъектов в объективные тенденции приграничного сотрудничества.

Авторское исследование показало, что выбор приоритетов инновационного развития приграничной территории целесообразно осуществлять на основе согласования интересов четырех субъектных групп. Основным методом выбора приоритетов должен стать метод анализа иерархий.

На рис. 2 представлена иерархическая модель выбора приоритетов инновационного развития приграничной территории на основе четырехсубъектной модели межсекторного взаимодействия (рис. 2).

Данный метод предполагает определение относительной значимости исследуемых альтернатив для всех критериев, находящихся в иерархии. Относительная значимость выражается численно в виде векторов приоритетов. Каждый элемент заданного уровня должен выступать как критерий для элементов нижестоящего уровня. После иерархического воспроизведения проблемы необходимо устанавливать приоритеты критериев и оценивать каждую из альтернатив по критериям. Элементы сравниваются попарно по отношению к их воздействию на общую для них характеристику. Из группы матриц парных сравнений формируется набор локальных приоритетов, которые выражают относительное влияние множества элементов на элемент примыкающего сверху уровня.

Для этого нужно вычислить множество собственных векторов для каждой матрицы, а затем нормализовать результат к единице, получая тем самым вектор приоритетов. После определения приоритетов выбранных критериев (альтернатив) необходимо оценить согласованность локальных приоритетов. Приемлемой считается величина отношения согласованности (ОС) до 10 %. В некоторых случаях допускается значение ОС до 20 %.

На основании иерархической модели выбора приоритетов инновационного развития приграничной территории на основе четырехсубъектной модели межсекторного взаимодействия предложены и обоснованы сценарии развития приграничного региона:

– ресурсно-сырьевой;

– индустриально-транзитный;

– инновационный;

– бизнес-инфраструктурный (рис. 3).

Необходимость сценарного представления перспектив инновационного развития обусловлена неординарностью существующей экономическо-технологической ситуации. Это и неопределенность, и риск, связанные с внешнеэкономической конъюнктурой; и неудовлетворительное состояние производственной базы промышленных предприятий; и неопределенность перспектив развития из-за столкновения многих сил, преследующих разнонаправленные интересы и, соответственно, имеющих принципиально разные направления развития. Разработка сценариев перспектив развития позволяет конкретизировать приоритетные и альтернативные им направления развития экономики [4; 5].

В развитие методологии по выбору приоритетов, разработке стратегий и сценариев внедрена методология прогнозирования долгосрочного развития приграничных территорий.

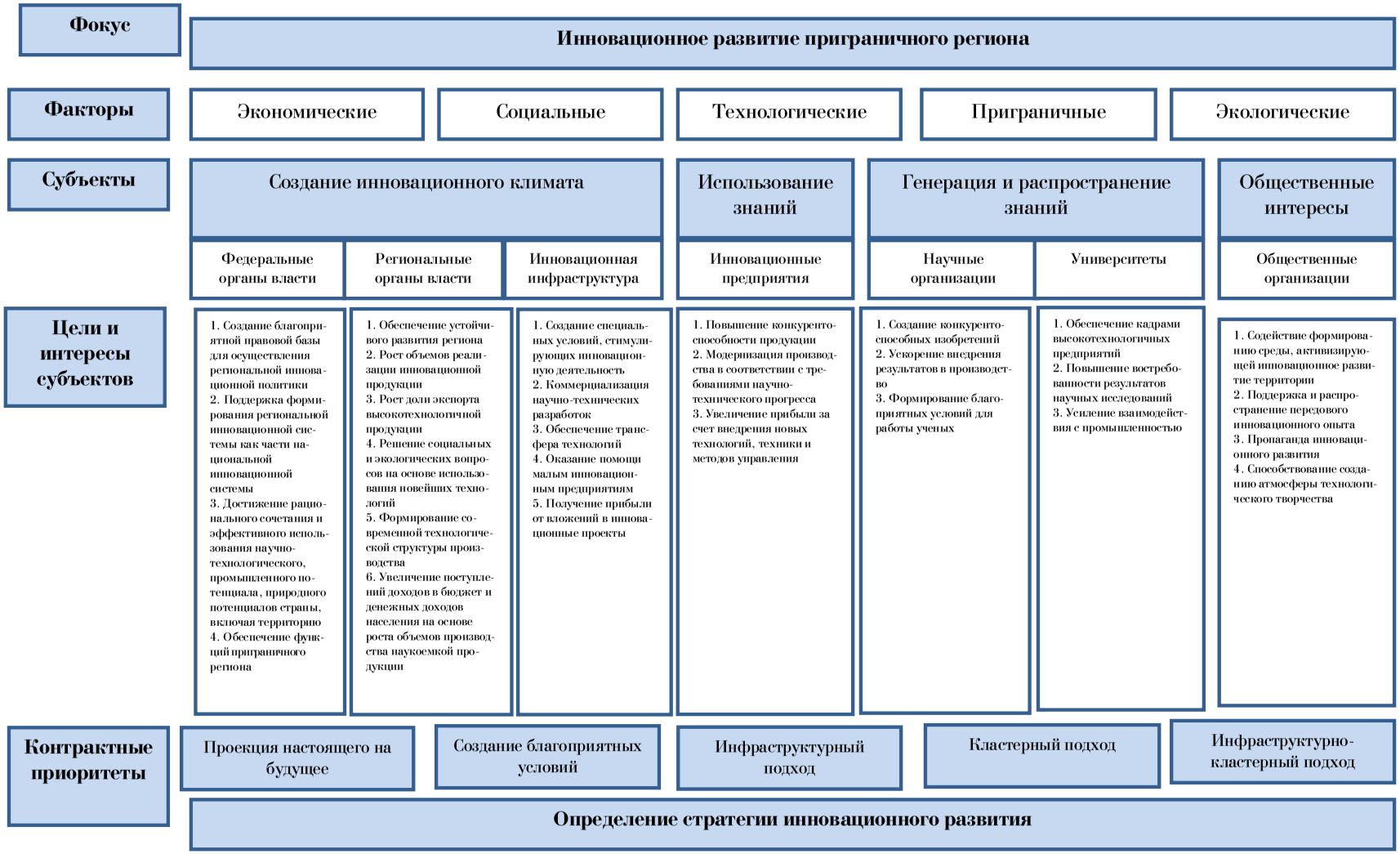


Рис. 2. Иерархическая модель выбора приоритетов инновационного развития приграничной территории на основе четырехсубъектной модели межсекторного взаимодействия

Рис. 3. Сценарии развития приграничного региона

Таблица 1

Сравнительная оценка характеристик различных подходов к разработке прогнозов развития регионов

Подходы / Характеристики	Директивный	Программно-целевой	Индикативный
Возможность корректировки в процессе реализации	Характеризуется наличием планового подхода к организации процедур корректировки (периодичность пересмотра, распределение функций и пр.), что может не соответствовать свойствам объекта управления	Существенно ограничена, поскольку процесс принятия решений основывается на правовой основе, увеличивающей время и затраты на корректировки	Имеются достаточно широкие возможности корректировки, поскольку план носит рекомендательный характер
Учет свойства самоорганизации в социально-экономических системах	Существенно ограничены как проявления самоорганизации за счет превалирования организующих воздействий, так и возможности их учета	Учитываются эффекты взаимодействия элементов производственно-технологического комплекса территорий	Учитывается посредством неформализованных процедур разработки управленческих решений, характеризуется невысокой адекватностью учета эффектов самоорганизации (например, рост цен и инфляция в период реформ)

Окончание табл. 1

Подходы / Характеристики	Директивный	Программно-целевой	Индикативный
Разработанность инструментария	Методы оптимизации, модели баланса народного хозяйства	Модели межотраслевого баланса, корреляционно-регрессионный анализ, экспертные процедуры	Экспертные процедуры, когнитивный анализ, имитационное моделирование, корреляционно-регрессионный анализ, теория самоорганизации
Возможности применения для разработки стратегий развития региональных систем	Может успешно применяться для предприятий государственного (регионального, муниципального) сегмента региональной экономики, предприятий нерыночного сектора	Имеет существенные ограничения в связи с большей по сравнению с народным хозяйством в целом открытостью региональных систем, несоответствием системы информационного обеспечения целям регионального развития	Имеет хорошие перспективы применения, поскольку масштабы объекта управления могут быть с большей степенью адекватности отражены в результатах работы экспертов, имеется возможность организации сбора информации посредством специализированных мониторинговых систем

Для разработки долгосрочного прогноза инновационного развития приграничных территорий автором предложено использовать *две группы моделей:*

1) макроэкономические модели, предназначенные для формирования сценариев на основе анализа наиболее общих пропорций, ограничений и эластичностей;

2) система межотраслевых и балансовых моделей, позволяющих получить согласованные количественные оценки динамики и структуры производства на долгосрочную перспективу в разрезе отраслей, а также межотраслевых комплексов.

С использованием авторской модели на основе четырехсубъектной модели межсекторного взаимодействия проведен анализ и выбраны приоритеты инновационного развития Забайкальского края [2; 6-7]. При определении влияния факторов на фокус иерархии построена одна матрица парных измерений доминирования, при оценке воздействия субъектов на факторы – пять матриц, для которых рассчитывались векторы приоритетов. Результаты расчетов представлены соответственно в табл. 2 и 3. Далее проводилась оценка важности целей субъектов. Начиная со второго уровня, осуществлялся синтез приоритетов. Локальные приоритеты перемножались на приоритет соответствующего критерия на вышестоящем уровне и суммировались по каждому элементу в соответствии с критериями, на которые воздействует этот элемент. Результаты расчетов по оценке влияния стратегий на достижение целей субъектных групп представлены в табл. 4. Для получения весов стратегий относительно фокуса иерархии (будущее инновационного развития территории) необходимо умножить матрицу, сформированную из значений векторов приоритетов стратегий, на вектор весов целей. Итоговые значения весов стратегий приведены в правой колонке табл. 4.

Из анализа результатов расчетов следует, что наиболее предпочтительным для инновационного развития Забайкальского края является инфраструктурно-кластерный подход. Данная стратегия направлена как на формирование и развитие инновационной инфраструктуры, так и на поддержку инновационного развития отдельных отраслевых кластеров и будет реализовываться в рамках индустриально-транзитного и инновационного сценариев.

Таблица 2

Результаты оценки влияния факторов на будущее инновационного развития Забайкальского края

Показатели	Факторы				
	экономический	приграничный	технологический	социальный	экологический
Нормализованные оценки вектора приоритетов	0,268	0,084	0,317	0,142	0,189
λ_{max}	5,182				
Отношение согласованности (ОС)	4,1 %				

Таблица 3

Результаты расчетов воздействия субъектов на факторы

Субъекты	Факторы				
	экономический	приграничный	технологический	социальный	экологический
Федеральные органы власти	0,192	0,241	0,128	0,236	0,206
Региональные органы власти	0,233	0,263	0,208	0,258	0,245
Предприятия, осуществляющие инновационную деятельность	0,171	0,141	0,136	0,167	0,187
Научные организации	0,117	0,105	0,184	0,081	0,129
Университеты	0,132	0,126	0,144	0,131	0,093
Структуры, обеспечивающие внедрение инноваций	0,109	0,049	0,152	0,058	0,046
Общественные организации	0,046	0,075	0,048	0,069	0,094
λ_{max}	7,496	7,511	7,513	7,669	7,831
Отношение согласованности (ОС)	6,3 %	6,4 %	6,5 %	8,4 %	10,4 %

Таблица 4

Результаты расчетов по оценке влияния стратегий на достижение целей субъектов и итоговые значения весов стратегий

Стратегии	Цели субъектов							Итоговые значения весов стратегий
	поддержка формирования региональной инновационной системы как составной части национальной инновационной системы	обеспечение устойчивого функционирования и развития региона на инновационной основе	повышение конкурентоспособности продукции	ускорение внедрения результатов в производство	обеспечение кадрами высокотехнологичных предприятий	создание специальных условий, стимулирующих инновационную деятельность	содействие формированию среды, активизирующей инновационное развитие территорий	
Проекция настоящего на будущее	0,100	0,092	0,087	0,090	0,086	0,087	0,084	0,089
Создание благоприятных условий	0,150	0,146	0,142	0,137	0,176	0,138	0,368	0,169
Инфраструктурный подход	0,250	0,243	0,236	0,268	0,208	0,369	0,184	0,247
Кластерный подход	0,200	0,195	0,189	0,189	0,241	0,180	0,133	0,195
Инфраструктурно-кластерный подход	0,300	0,324	0,346	0,316	0,289	0,226	0,231	0,300
λ_{max}	5,25	5,196	5,169	5,254	5,309	5,33	5,15	
Отношение согласованности (ОС), %	5,6	4,4	3,8	5,7	6,9	7,4	3,3	

При разработке прогноза долгосрочного развития Забайкальского края использованы следующие общие методические подходы, гипотезы и предположения.

1. Учитывая долгосрочный характер прогноза, в максимальной степени использовались имеющиеся разработки в области демографии, оценки перспектив развития сырьевых отраслей, а также анализ международных тенденций структурных изменений в зависимости от уровня экономического развития. Важным долгосрочным ориентиром являлись также ценовые пропорции мирового рынка.

2. Накопление основного капитала в рамках проведенных прогнозных расчетов рассматривалось в своей технологической структуре.

3. Величина экспорта для отраслей с экзогенно задаваемой динамикой определялась как сальдо выпуска и всех остальных направлений использования с учетом прогнозной величины импорта.

4. В рассматриваемой технологии расчетов удельные характеристики материалоемкости по отдельным ресурсам (коэффициенты затрат межотраслевого баланса) в значительной своей части являются эндогенными переменными и зависят, в частности, от скорости обновления основного капитала. При этом величина обновления капитала естественным образом определяется динамикой инвестиций и гипотезой выбытия основных фондов.

Прогнозные значения основных показателей развития Забайкальского края на период до 2030 г. по двум сценариям, рассчитанные автором на основании предложенной методологии, приведены в табл. 5.

Таблица 5

Основные показатели долгосрочного прогноза социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 г.

Показатели	Ед. изм.	Прогноз							
		2015 в % к 2010 г.		2020 в % к 2010 г.		2025 в % к 2010 г.		2030 в % к 2010 г.	
		сценарий 1[1]	сценарий 2[2]	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2
Демографические показатели									
Численность постоянного населения (среднегодовая) – всего	тыс. чел.	99,17	99,22	98,30	99,58	97,72	100,21	97,34	100,94
Валовой региональный продукт									
Индекс физического объема валового регионального продукта	% к предыдущему году в сопоставимых основных ценах	118,9	126,8	151,6	177,3	192,7	253,6	258,1	392,7
Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	120,1	128,0	154,6	178,0	197,4	253,0	264,9	388,9

Продолжение табл. 5

Показатели	Ед. изм.	Прогноз							
		2015 в % к 2010 г.		2020 в % к 2010 г.		2025 в % к 2010 г.		2030 в % к 2010 г.	
		сценарий 1[1]	сценарий 2[2]	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2
Промышленное производство									
Индекс промышленного производства (РАЗДЕЛЫ C, D, E)	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	123,90	126,80	165,50	177,60	226,20	258,30	316,40	402,60
в том числе:									
Индекс производства – РАЗДЕЛ C: Добыча полезных ископаемых	% к предыдущему году	128,10	131,30	183,30	197,50	261,40	296,70	377,00	482,60
Индекс производства – РАЗДЕЛ D: Обрабатывающие производства	% к предыдущему году	114,40	116,60	145,40	161,70	196,30	243,10	287,50	414,10
Индекс производства – РАЗДЕЛ E: Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	% к предыдущему году	118,50	123,00	137,10	145,60	166,20	188,70	203,90	238,60
Электроэнергетика									
Потребление электроэнергии	млн кВт·ч	104,50	104,50	110,70	110,70	117,00	117,00	122,90	122,90
в том числе по группам потребителей:									
Население	млн кВт·ч	112,70	112,70	117,90	117,90	123,90	123,90	129,30	129,30
Прочие потребители	млн кВт·ч	102,90	102,90	109,20	109,20	115,60	115,60	121,60	121,60
Средние тарифы на электроэнергию, отпущенную различным категориям потребителей	руб/тыс. кВт·ч								
Индекс тарифов	% к предыдущему году	158,4	164,9	229,6	239,1	273,5	284,8	300,2	312,7
Сельское хозяйство									
Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	110,8	116,4	129,9	145,4	158,3	188,3	199,4	254,5
Строительство									
Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (Раздел F)	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	150,11	155,63	312,56	351,3	330,68	392,31	388,47	490,84

Продолжение табл. 5

Показатели	Ед. изм.	Прогноз							
		2015 в % к 2010 г.		2020 в % к 2010 г.		2025 в % к 2010 г.		2030 в % к 2010 г.	
		сценарий 1[1]	сценарий 2[2]	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2
Транспорт и связь									
Индекс физического объема оборота организаций: Транспорт и связь (Раздел I)	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	121,4	124,0	158,4	167,0	215,8	242,0	213,8	263,7
Внешнеэкономическая деятельность									
Индекс физического объема внешнеэкономического оборота организаций	% к предыдущему году	135,2	155,0	145,1	182,9	155,0	208,7	165,0	318,0
Индекс физического объема экспорта	% к предыдущему году	119,1	153,7	138,4	226,7	157,6	307,5	176,8	699,5
Индекс физического объема импорта	% к предыдущему году	140,8	155,5	147,5	167,6	154,2	174,3	160,9	185,0
Инвестиции в основной капитал									
Индекс физического объема	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	125,39	131,83	270,96	304,14	287,14	336,32	320,31	392,50
в том числе по видам экономической деятельности:									
Индекс физического объема ПОДРАЗДЕЛА DK: Производство машин и оборудования	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	114,55	121,54	124,44	137,79	136,41	158,74	159,47	193,92
Индекс физического объема РАЗДЕЛА F: Строительство	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	219,92	230,24	263,93	294,1	370,32	436,46	504,15	635,53
Индекс физического объема иностранных инвестиций в основной капитал	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	104,63	105,63	108,63	115,13	116,56	132,18	131,77	160,61
Денежные доходы населения									
Реальные располагаемые денежные доходы населения	% к предыдущему году	117,7	121,3	151,4	159,8	196,5	212,3	259,0	286,3
Труд и занятость									

Окончание табл. 5

Показатели	Ед. изм.	Прогноз									
		2015 в % к 2010 г.		2020 в % к 2010 г.		2025 в % к 2010 г.		2030 в % к 2010 г.			
		сценарий 1[1]	сценарий 2[2]	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2	сценарий 1	сценарий 2		
Численность занятых в экономике	тыс. чел.										
Рост численности занятых в экономике	% к предыдущему году	101,9	102,1	104,3	107,8	109,2	115,5	111,2	118,4		
Индекс реальной заработной платы работающих в экономике	% к предыдущему году	118,9	122,2	154,9	163,1	207,3	222,2	286,1	311,9		

[1] индустриально-транзитный сценарий
[2] инновационный сценарий

Литература

1. Акбердина В.В. Тенденции гуманизации технологического развития // Экономика знаний: институты регионального развития: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2011.

2. Акбердина В.В., Малышев Е.А. Возможности взаимодействия государства, бизнеса и сферы образования в рамках модели «тройной спирали» // Экономика региона. № 4 (28). 2011. Науч.-информационно-аналитический журнал. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. С. 269-274

3. Гребенкин А.В., Акбердина В.В. Развитие инновационно-технологического бизнеса с использованием механизма S2B «science-to-business» // Экономика знаний: институты регионального развития: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2011.

4. Дагаев А. Передача технологий из государственного сектора в промышленность как инструмент государственной инновационной политики // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 2.

5. Краюхин Г.А., Шайбаков Л.Ф. Основы государственного управления инновационными процессами. СПб.: Изд-во Гос. инж.-экон. Академии, 1997.

6. Малышев Е.А., Макарова Т.Б. Государственная образовательная политика в контексте мирового образовательного пространства // Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ). 2011. № 2 (81). Чита: ЗабГУ. С. 59-66.

7. Малышев Е.А., Эрдынеева К.Г., Макарова Т.Б. Бизнес-образование как основной ресурс обеспечения развития региона в современных условиях (на примере Забайкальского края) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: науч. журнал. Т. 6. Экономика. 2012. № 1. С. 205-213.

8. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 4. С. 2-7.

9. Дежина И., Киселева В. «Тройная спираль» в инновационной системе России // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 123-135.

10. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Малышев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, зав. кафедрой экономики и управления на энергетических предприятиях, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, candidate of technical sciences, associate professor, prorector on science and innovative work, Zabaikalsky State University

Научные интересы: менеджмент, экономика энергетической отрасли, бизнес-планирование, бизнес-образование

Scientific interests: management, economics, business, education

Юридические науки

УДК 34

Варицкий Михаил Юрьевич
Mikhail Varitsky

Дондоков Цырен Сономович
Tsyren Dondokov

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕНЕДЖЕРА ПО УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE RESPONSIBILITY OF ADMINISTRATIVE BANKING RISKS MANAGER

Авторами предлагаются пути перехода к новой формации ведения бизнеса, основанной на неукоснительном соблюдении закона и других установленных норм. В работе отмечается, что одной из проблем в российской экономике является отсутствие культуры правового ведения хозяйственной деятельности

The ways of turning to a new formation of business conduction based on the obligatory observance of law and other established norms are suggested by the authors. It is mentioned that one of the problems of the Russian economics is the absence of culture of economics' law conduction

Ключевые слова: *управление рисками, администрирование, менеджер, банковские риски*

Key words: *management of risks, administrative work, manager, banking risks*

В российской экономике много различных проблем, одной из которых является отсутствие культуры правового ведения хозяйственной деятельности. «Грубые правовые нарушения, сопровождавшие постсоветский передел собственности, создали в стране ту — признаем, весьма массовую — «антиправовую нормативность» коррупции и кумовства, которая вот уже два десятилетия разъедает российский социальный и государственный организм» [1]. России необходимо перейти к новой формации ведения бизнеса, основанной на неукоснительном соблюдении закона и других установленных норм. При реализации данной задачи не только возрастет прозрачность и инвестиционная привлекательность бизнеса, но и бизнесу самому будет легче выполнять свои функции, так как при деформации экономики криминалом и «антиправовой нормативностью», она не может развиваться в нормальном русле. Теневые процессы приводят к тому, что законы экономики не работают, а значит, она не поддается управлению и контролю.

Ключевую роль в соблюдении банком законов и правил играет риск-менеджер по управлению рисками администрирования деятельности хозяйствующего субъекта. Его деятельность, как правило, носит контрольный характер и направлена на минимизацию негативных последствий, вызванных антинормативной деятельностью фирмы. При этом как у собственника или

акционеров, так и у топ-менеджмента нет абсолютно никаких гарантий, что фирме не придется платить колоссальные штрафы или нести убытки из-за санкций регулятора и потери деловой репутации организации.

Одной из задач, решение которой направлено на повышение эффективности работы такого риск-менеджера, на данном этапе, по праву можно считать введение института персональной и материальной ответственности риск-менеджера в сфере администрирования деятельности хозяйствующего субъекта. Нововведение в данной сфере призвано эффективно разрешать агентскую проблему через гарантию негативных последствий для риск-менеджера с целью снижения его оппортунизма. Есть примеры, когда казалось бы, уважаемый в обществе и состоятельный человек оказывается замешен в серьезном мошенничестве и получает срок в 150 лет лишения свободы (Бернард Эл Медофф бывший председатель совета директоров NASDAQ получил за создание пирамиды века 150 лет лишения свободы). Кроме того, при возрастании эффективности деятельности фирмы, акционеры и вкладчики получают возможность возместить убытки, к которым может привести некорректная деятельность риск-менеджера по рискам администрирования.

К примеру, США в своем внутреннем законодательстве имеют нормативные правовые акты, которые наделяют менеджера, в частности исполнительного или финансового директора, известной ответственностью в области внутреннего контроля и финансовой отчетности. Так, не безызвестный акт Сарбейнса-Оксли (SOX) регулирует отношения в данной сфере [2]. При этом проблемы с соблюдением закона и других норм в США значительно меньше, даже скорее их вообще нет по сравнению с ситуацией в России. Этот акт в первую очередь защищает имущественные интересы как потребителя, так и собственника. Рассмотрим феномен защиты прав собственника. Уже в начале прошлого века появляются весомые дополнения к основным факторам материального производства (земля, капитал, труд), а именно предпринимательский риск.

Позже, по мнению некоторых ученых, актуальность классических факторов сводится к минимуму: «капитал можно взять в кредит и из прибыли отдавать».

Тем не менее, капитал, а следовательно, его хозяин не могут остаться в стороне. Наемный менеджер получает весомый бонус за эффективное предпринимательство, но не несет материальной ответственности, а значит доля риска в его действиях будет превышать такой же показатель у хозяина, что не всегда положительно сказывается на сохранности капитала в широком смысле. Конечно, бывает и такое, что собственник и есть управляющий организацией, но как быть с нижестоящим менеджерским составом.

Считается, что «собственники, вложив свой капитал и привлекая чужой, рискуют больше, чем кто бы то ни было. Собственник предприятия заинтересован получить как можно больше прибыли» [3]. Поэтому в первую очередь в его интересах создать такую систему, которая позволит организации продолжать поступательное развитие без перерывов и сбоев, и уж тем более без выплат различных штрафов и компенсаций.

Сказанное говорит об экономическом обосновании того, что ответственность управляющего рисками администрирования должна быть одним из ключевых факторов формирования системы риск-менеджмента и менеджмента организации в целом. В соответствии с идеей консолидации управления рисками с общим управлением организацией, необходимо обратить особое внимание на создание системы управления рисками администрирования: с одной стороны, она должна быть обособлена (один из основополагающих принципов – независимость), с другой – неразрывно связана с общим руководством фирмы и ее сотрудниками (принцип вовлеченности всех сотрудников в процесс).

Итак, только при персонализации ответственности получается твердая экономическая основа деятельности риск-менед-

жера по администрированию деятельности хозяйствующего субъекта. Для большей эффективности необходима консолидированная ответственность всех риск-менеджеров, принимающих и выполняющих значимые управленческие решения.

Применять полученные выводы на управление рисками администрирования значит, во-первых, повысить прозрачность бизнеса и его инвестиционную привлекательность, во-вторых, преобразовать потери от случайных событий в оцениваемый риск и, в-третьих, повысить вовлеченность риск-менеджера в выполняемые функции в банке. Основой деятельности сотрудника, ответственного за управление рисками администрирования и выполняющего, как правило, полицейские функции, являются личные профессиональные навыки и моральные принципы, но в действительности этого безусловно мало. Введение в практику возможности не только материально наказывать риск-менеджера, но и лишать его права в дальнейшем заниматься данной деятельностью, в том числе пожизненно. Реализовать это можно с помощью института лицензирования (лицензию должен выдавать регулятор) или системы допусков выдаваемых саморегулируемой организацией (объединением) риск-менеджеров администрирования. Институт ответственности таких менеджеров требует колоссальной подготовки, ответственность должна быть многоплановая, многоуровневая и со сложной системой, для того чтобы по возможности каждый антинормативный поступок был своевременно выявлен и предотвращен заранее в рамках мер по профилактике рисков администрирования.

Как писал выдающийся экономист XX в. П. Самуэльсон: «Любая деятельность, снижающая неопределенность и риск, повышает общее экономическое благосостояние» [4]. Поэтому будет крайне востребовано как государством, так и бизнес-сообществом распределение всех убытков от указанных рисков среди всех членов банковского сообщества. Так, возникновение ответственности на основании несоблюдения внутренних норм: регламента, кодексов корпоративной этики (риски внутреннего администрирования) можно застраховать. Убытки от наступления ответственности на основании несоответствия нормам права и обычаям делового оборота можно возместить за счет компенсационного фонда объединения риск-менеджеров администрирования во избежание проявления оппортунизма с их стороны. Компенсационный фонд будет формироваться самими менеджерами при участии банков, основных плательщиков штрафов. Управление подобной защитной подушкой будет осуществлять саморегулируемой организацией риск-менеджеров администрирования. Таким образом, материальная ответственность риск-менеджеров будет распределена и не будет серьезно угрожать кому-то одному.

Во избежание серьезных убытков логично сделать обязательным страхование гражданской ответственности риск-менеджера администрирования, так как один человек не может за свой счет погасить все убытки банка, вызванные рисками внешнего администрирования. Наиболее вероятная страховая сумма должна быть равна максимальному убытку для акционеров и вкладчиков по причине несоблюдения внутренних норм и последующих потери активов или деловой репутации. Однако однозначно рассчитать такой лимит не представляется возможным ввиду скудности необходимой статистики в этой сфере и частого изменения отечественного законодательства. На основании проведенного анализа расходов крупнейших банков России на штрафы и пени предлагается эту сумму сделать около 100 млн руб. Оплата должна производится самим менеджером, только так неэффективная работа приведет к повышению страхового тарифа, а значит к неблагоприятным последствиям для самого застрахованного в виде большей платы за страхование. Таким образом, хотя и указанный сотрудник будет персонально и материально отвечать за каждое нарушение банком норм разных уровней, он лично будет защищен от убытков больших объемов за счет компенсаций и страхования.

Кроме этого, дополнительным стимулом, как отмечалось ранее, будет возможность применения санкций, таких, например, как лишение лицензии (допуска), в том числе пожизненно. Принятие нецелесообразных, не согласующихся с законом управленческих решений свидетельствует о том, что данный менеджер из-за тех или иных причин (недостатка знаний, опыта, отсутствия способностей и др.) не соответствует своей должности. В таких случаях должен решаться вопрос не столько о его ответственности (хотя это вовсе не исключается, особенно в случае причинения имущественного вреда), сколько о соответствии специалиста занимаемой должности. Освобождение менеджера от занимаемой должности является в этом случае не только мерой наказания, но и залогом постоянного и непрерывного совершенствования механизма управления рисками администрирования банковской деятельности и внутреннего совершенствования профессиональных качеств самого управляющего такими рисками.

Таким образом, концепции объективной ответственности, суть которой заключается в том, что берет на себя риск тот, кто получает прибыль, трансформирована в модель, в которой собственником риска становится ответственный за убытки, возникающие в связи с ненормативной деятельностью банка, а именно управляющего рисками администрирования банковской деятельности.

Совместно с анализом и идентификацией рисков администрирования деятельности банков институт ответственности риск-менеджера создает все необходимые условия для принятия и выполнения эффективных управленческих решений, которые минимизируют неблагоприятное влияние на фирму убытков, вызванных случайными событиями.

Литература

1. Зорькин В. Председатель Конституционного суда РФ // Российская газета. 2011. № 5688 (15).

2. SOX секция 302, 401, 404.

3. Бухгалтерский учет: учеб. / И.И. Бочкарева [и др.]; под ред. Я.В. Соколова. 2-е изд., переработ. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 11.

4. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2000. С. 445.

Коротко об авторах ***Briefly about the authors***

Дондоков Ц.С., канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры административного права и таможенного дела. Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: 8- 924-501-94-71

Научные интересы: правоохранительные органы, административное право, государственное управление

Варицкий М.Ю., аспирант, Финансовый Университет при Правительстве РФ
Тел.: 8-916-177-88-64

Научные интересы: управление народным хозяйством, государственное управление, управление в банковской сфере

M. Varitsky, postgraduate student, Financial University by the Government of the Russian Federation

Scientific interests: economics management, state government, management in banking sphere

Ts. Dondokov, Candidate of Law Sciences, associate professor, professor of administrative law and customs affairs department

Scientific interests: law-enforcement bodies, administrative law, state government

Книгоград

Эмих Н.А.

Содержание культурной парадигмы современного образования: принципы, условия трансформации: науч. издание. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.

В монографии рассматривается проблема кризиса современного образования, как одна из наиболее характерных и общепризнанных проблем современности на рубеже XX-XXI вв., отражены вопросы трансформации и социокультурной роли образовательной парадигмы в контексте современной и классической, зарубежной и отечественной философской мысли. Обосновано содержание парадигмы как культурного феномена образовательного пространства, который становится неотъемлемым атрибутом бытия современного человека.

Монография представляет интерес для философов, культурологов, педагогов, для всех, кто с особым вниманием относится к истории и теории образования, к тем ответам, которые только начинают формулироваться на вызовы нового тысячелетия, к тем складывающимся на наших глазах проектам новой культурной модели образовательной системы

Содержание

Педагогические науки

Волобуева Н.А., Абаскалова Н.П.
Предшкола как эффективный педагогический фактор адаптации детей к образованию
N. Volobueva, N. Abaskalova
Preparatory School as an Effective Factor of Children's Adaptation for Education 3

Тюрина С.Ю.
УМК как средство обучения иностранному языку для профессиональных целей в магистратуре высшей школы
S. Tyurina
Teaching Materials as Educational Aid in Esp Teaching for University Students of Master Degree Program 9

Климова Т.В.
Педагогическое моделирование работы по формированию здорового образа жизни у детей
старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья
T. Klimova
Pedagogical Modeling of Work on Formation of Healthy Way of Life in Conditions of Preschool
Educational Establishment for the Children With Limited Abilities 14

Политические науки

Арсентьева И.И.
Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе
I. Arsentyeva
«Borderland» Concept in Modern Scientific Discourse 24

Партугимов В.В.
Политическая модернизация в России: новая эпоха – новые задачи
V. Partugimov
Political Modernization in Russia: Anew Era, New Challenges 30

Тумуров Ж.Т.
Формирование молодежного парламентаризма: теория и практика
Zh. Tumurov
The Formation of Youth Parliamentarism: Theory and Practice 35

Шарапов А.К.
Геополитическое пространство – анализ содержания категории
A. Sharapov
Geopolitical Area – the Category's Content Analyses 41

Социологические науки

Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю.
Китайские студенты в Забайкальском крае: проблемы адаптации и коммуникации в принимающей среде
L. Badmaeva, E. Bashkueva
Chinese Students in Zabaikalsky Krai: Problems of Adaptation and Communication in the Accepting Environment 48

Лига М.Б., Щеткина И.А.
Современные социологические концепции качества жизни
M. Liga, I. Shetkina
Modern Sociological Concepts of the Quality of Life 55

Романова Н.П.
Гендерные особенности исполнения лидерских ролей и функций управления персоналом
N. Romanova
Gender Peculiarities of Performing Leader Roles and Functions of Personal Management 64

Туякбаева А.Е., Полутова М.А.
Предпринимательская мотивация как частный случай трудовой мотивации
A. Tyakbaeva, M. Polutova
Entrepreneural Motivation as a Special Case of Labour Motivation 70

Технические науки

Маргазова Н.В.
Современные представления и подходы к моделированию коммуникативных процессов в неоднородных информационных средах
N. Margazova
Modern Review on Approaches to Modeling of Communicative Processes in Non-Heterogeneous Environment 76

Философские науки

Булыко И.П.
Пневматологический синтез экклезиологии и антропологии в богословии кардинала Ива Конгара
I. Bulyko
Pneumatologic Synthesis of Ecclissiology and Athropology in the Theology of Cardinal Yves Congar 83

Жуков А.В., Жукова А.А.
Историография исследований религии на территории Забайкалья
A. Zhukov, A. Zhukova
Historiography of Religion Researches in the Territory of Transbaikalie 88

Ковалёва О.О.
Человеческий потенциал в контексте исследований китайских ученых
O. Kovaleva
Human Potential in the Context of Researches of the Chinese Scientists..... 95

Морозова В.С.
Культурфилософский анализ понятия «этнокультурный ландшафт» как проекции региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР
V. Morozova
The Culture-Philosophical Analysis of the Concept “Ethno-Cultural Landscape” as a Regional Culture Project in the Socio-Cultural Space of Russia-China Border Cooperation 100

Хохрякова А.С.
Китайские региональные практики в контексте формирующегося трансграничного социокультурного пространства РФ и КНР
A. Khokhryakova
Chinese Regional Practices in the Context of Russian-Chinese Cross-Border Social-Cultural Space 107

Экономические науки

Багдасарян А.М.
Развитие рынка ценных бумаг в странах Восточной Европы
A. Bagdasaryan
Development of the Securities Market in the Countries of Eastern Europe 113

Малышев Е.А.
Методология прогнозирования выбора долгосрочных приоритетов инновационного развития приграничных территорий на основе макроэкономических и балансовых моделей
E. Malyshev
Methodology of Predcting the Choice of Long-Range Priorities of Innovative Development of the Frontier Territories on the Base of Macroeconomic and Balance Models 122

Юридические науки

Варицкий М.Ю., Дондоков Ц.С.
Ответственность менеджера по управлению рисками администрирования банковской деятельности
M. Varitsky, Ts. Dondokov
The Responsibility of Administrative Banking Risks Manager 136

ВЕСТНИК
ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 (85) 2012

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова
Литерат. редактор А.А. Шалавина
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 25.06.2012
Сдано в производство 27.06.2012
Форм. бум. 60 х 84 1/8 Бум. тип. № 2
Печать офсетная Гарнитура Bodoni
Уч.-изд. л. 12,6 Усл. печ. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ № 119

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РИК ЗабГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru